

Дмитрий Мережковский. “О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы.” (гл. I)

I. РУССКАЯ ПОЭЗИЯ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА

Тургенев и Толстой — враги. Это вражда стихийная, бессознательная и глубокая. Конечно, оба писателя могли стать выше случайных обстоятельств, благодаря которым вражда выяснилась. Но вместе с тем оба чувствовали, что они враги не по своей воле, а по своей природе. Оба в своем различии столь близкие и дружественные нашему сердцу, они стояли непримиримые друг против друга, как великие представители двух первоначальных вечно борющихся человеческих типов. Из писем Толстого к Фету видно, что ссора едва не кончилась дуэлью. Толстой, что можно заключить из тех же писем, часто отзывался о произведениях Тургенева с глубокой неприязнью. Тургенев об этом знал.

И вот перед самой смертью он пишет следующее письмо:

“Буживаль, 27 или 28 июня 1883 г.

Милый и дорогой Лев Николаевич, долго вам не писал, ибо был и есть, говоря прямо, на смертном одре. Выздороветь я не могу, и думать об этом нечего. Пишу же я вам собственно, чтобы сказать вам “как я был рад быть вашим современником” и чтобы выразить вам мою последнюю искреннюю просьбу.

Друг мой, вернитесь к литературной деятельности! Ведь этот дар вам оттуда, откуда все другое. Ах, как я был бы счастлив, если б мог подумать, что просьба моя так на вас подействует! Я же человек конченный... Ни ходить, ни есть, ни спать, да что! Скучно даже повторять все это! Друг мой, великий писатель русской земли — внемлите моей просьбе! Дайте мне знать, если вы получите эту бумажку, и позвольте еще раз обнять вас, вашу жену, всех ваших... Не могу больше... Устал!”

Таковы последние слова Тургенева. На краю гроба он понял, что сердцу его старинный враг — ближе всех друзей, что даже на земле, быть может, он его единственный друг. Он завещает своему врагу, своему брату, “великому писателю русской земли” то, что для него было самого дорогого в жизни, — будущность русской литературы.

Тем пророческим взглядом, который бывает у людей перед смертью, он предвидит грядущее бедствие, падение русской литературы. А для Тургенева это было одним из величайших бедствий, которые могут посетить русскую землю.

Он был прав: язык — воплощение народного духа; вот почему падение русского языка и литературы есть в то же время падение русского духа. Это воистину самое тяжкое *бедствие*, какое может поразить великую страну. Я употребляю слово бедствие вовсе не для метафоры, а вполне искренне и точно. В самом деле, от первого до последнего, от малого до великого, — для всех нас падение русского сознания, русской литературы, может быть, и менее заметное, но несколько не менее действительное и страшное бедствие, чем война, болезни и голод.

Я хорошо знаю, что тема эта составляет еще с незапамятных времен излюбленное общее место рецензентов, не притупляющееся оружие всех литературных лагерей, всех обиженных самолюбия. Во времена Пушкина критики так же красноречиво оплакивали безнадежное падение русской литературы, как во времена Тургенева, Достоевского и Толстого. Старики любят употреблять это оружие против молодых. Отживающие искренне убеждены, что во времена их молодости и небо было яснее, и земля плодороднее, и девушки красивее, и писатели талантливее. Но характерная черта таких недобросовестных и неосновательных жалоб на падение литературы — личная нота, торжествующая насмешка и *злорадство*.

Мне могут сделать и другое возражение: “Только что кончилась великая эпоха Достоевского, Гончарова, Толстого, Тургенева, даже не кончилась, потому что последние произведения Толстого относятся к последним дням современной литературы. Собственно и о причинах падения нечего говорить, ибо они сами по себе слишком ясны. Наступает век литературных эпигонов. А талантов нет, потому что ни одна историческая эпоха, как бы она ни была плодотворна, ни один народ не может производить гениев непрерывно. Но явись в наши дни новая сила, равная прежним, и не было бы речи ни о каком литературном упадке”.

Прежде всего, я должен разграничить литературу от поэзии. Я заранее готов согласиться, что в сущности это вопрос иногда сливающихся оттенков и почти неуловимых степеней, но для моей задачи они имеют большое значение. Поэзия — сила первобытная и вечная, *стихийная*, произвольный и непосредственный дар Божий. Люди над нею почти не властны, как над бесцельными и прекрасными явлениями природы, над восходом и закатом светил, над затишьем и бурями океана. Поэтические откровения доступны и ребенку, и дикарю, и Гёте, и лодочнику, напевающему октавы Тассо, и Гомеру. Поэт может быть великим в полном одиночестве. Сила вдохновения не должна зависеть от того, — внимает ли певцу человечество или двое, трое, или даже никто.

Литература зиждется на стихийных силах поэзии так же, как мировая культура — на первобытных силах природы. Песни блаженного слепого старика, который бродил по побережьям Ионии, среди воинственных племен Эллады, конечно, не могли быть литературной силой. Но вот через несколько столетий в Афинах, в эпоху Перикла, в среде великих греческих писателей и философов Гомер приобретает совершенно новое только поэтическое, но и литературное значение. Гомер становится родоначальником целой школы художников и писателей. Едва ли не каждая строчка греческой литературы отмечена неизгладимой печатью его гения. Вы до сих пор чувствуете дух Гомера в какой-нибудь полустертой надписи на мраморном надгробии, как и в диалогах Платона, и в шутках Аристофана, и в походном дневнике Ксенофонта, и в нежных, как мрамор Парфенона, подобных самым чистым христианским гимнам, лирических хорах Софокла. Дух Гомера — ненарушимая литературная связь между всеми отдельными поэтическими явлениями Греции, как бы они ни были различны по своим индивидуальным чертам. Много веков спустя, уже в окаменелой Византии, в мрачный полумонашеский век Феодосия Великого, среди глубокого литературного упадка все еще веет живучее, ничем неистребимое благоухание древних ионических рапсодий в любовной идиллии Лонгуса “Дафнис и Хлоя”. Великая литература до последнего вздоха осталась верной своему родоначальнику. В поэтической прозе Лонгуса слышатся иногда как будто последние отзвуки древнего гекзаметра Одиссеи, как отдаленный гул ионических волн.

В сущности, литература та же поэзия, но только рассматриваемая не с точки зрения индивидуального творчества отдельных художников, а как сила, движущая целые поколения, целые народы по известному культурному пути, как преемственность поэтических явлений, передаваемых из века в век и объединенных великим историческим началом.

Всякое литературное течение так же порождается поэзией, как известная школа живописи, известный стиль — архитектурой.

Подобные таланты, как, например, Гирландайо или Вероккио — художники, подготовившие расцвет флорентийской живописи, могли возникнуть и в другой стране, и в другую эпоху. Но нигде в мире они не имели бы того поразительного значения, как именно на этом маленьком клочке земли, у подошвы Сан-Миньято, на берегах мутно-зеленого Арно. Здесь, и только здесь у Гирландайо мог явиться такой ученик, как Буонаротти, у Вероккио — Леонардо да-Винчи. Нужна была именно эта атмосфера флорентийских мастерских, воздух, насыщенный запахом красок и мраморной пыли для того, чтобы распустились редкие, дотоле невиданные цветы человеческого гения. Как будто в самом деле свободный, мрачный и пламенный дух неукротимого народа долго томился в своей немоте, бродил, искал воплощения и не мог найти. Он едва-едва брезжит, как мысль сквозь тяжелый полусон, как бледная полоска в утренних тучах, — в задумчивых, больших глазах еще иконописных, полувизантийских мадонн Чимабуэ, он проясняется в мощном реализме Джотто, сияет уже ярким светом у Гирландайо, у Вероккио, на время отклоняется в религиозной живописи Фра Анжелико, чтобы вдруг, наконец, как молния из тучи, вырваться с ослепительным блеском и все озарить в титаническом Микель-Анжело и загадочном Леонардо-да-Винчи. Какое торжество для народа! Отныне флорентийский дух нашел себе полное выражение, неистребимую форму. Вокруг него могут происходить всевозможные перевороты, все может рушиться: Флоренция Возрождения сама себя нашла, она есть, она — бессмертна, как Афины Перикла, как Рим Августа. Я узнаю мощный резец Донателло в отекающих, с их металлическим звуком, терцинах Аллигери. На всем печать мрачного, свободного и неукротимого духа флорентийского. Он чувствуется в самых ничтожных подробностях архитектуры, — вот в этих несравненно прекрасных чугунных грифонах, которые вбиты в камень на уличных перекрестках по углам палаццо, чтобы поддерживать факелы ночью. Так в двустипии греческой эпиграммы я узнаю дух Гомера, в ничтожном обломе мрамора, наполовину скрытом мхом и землею, — стиль ионической колонны.

На всех созданиях истинно-великих культур, как на монетах, отчеканен лик одного властелина. Этот властелин — гений народа.

В наши дни нечто подобное, хотя в меньших размерах, повторяется в преемственности литературных школ Франции. В эпоху романтизма, в атмосфере всеобщего экстаза, в ожесточенных спорах, в оригинальных кружках Латинского квартала — был какой-то трепет жизни, какое-то творческое дуновение, несомненно плодотворное для всей последующей культурной жизни Франции. Впоследствии реакция против романтической лжи довела литературу до нелепых крайностей грубого,

жестокого и теперь в свою очередь мертвеющего натурализма. И вот мы уже присутствуем при первых неясных усилиях народного гения найти новые творческие пути, новые сочетания жизненной правды с величайшим идеализмом. Теперь на берегах Сены тот же воздух, какой был за пятьсот лет на берегах Арно. Стихийные разрозненные явления поэзии вот уже три века превратились здесь в стройную, могучую систему, как некогда в Греции, как живопись во Флоренции, благодаря преемственности целых литературных поколений, объединенных всемирно-историческим началом.

Мы видим повсюду и во все века — в современном Париже, как во Флоренции XV века и в Афинах Перикла, и в Веймарском кружке Гёте, и в Англии в эпоху Елизаветы, мы видим, что нужна известная атмосфера для того, чтобы глубочайшие стороны гения могли вполне проявиться. Между писателями с различными, иногда противоположными, темпераментами устанавливаются, как между противоположными полюсами, особые умственные течения, особый воздух, насыщенный творческими веяниями, и только в этой грозовой, благодатной атмосфере гения вспыхивает та внезапная искра, та всеозаряющая молния народного сознания, которой люди ждут и не могут иногда дожидаться в продолжение целых веков. Литература — своего рода церковь. Гений народа говорит верующим в него: “Где двое или трое собрались во имя мое, там я среди них”. Человек только среди подобных себе становится воистину человеком. Помните наивный символический рассказ из “Деяний Апостолов”:

” Все они были *единодушно вместе*. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились.

И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них” (гл. II, 1—3).

Несомненно, что в России были истинно великие поэтические явления. Но вот вопрос была ли в России истинно великая литература, достойная стать наряду с другими всемирными литературами?

Иногда у самого Пушкина вырываются жалобы на одиночество. В письмах он признается, что русский поэт ровно ничего не знает о судьбе своих произведений: он работает в пустыне. Великий писатель доходит до такого отчаяния, что готов проклясть землю, в которой родился: “*черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом!*” (1836 г., 18 мая, из Москвы в Петербург — жене). Он был так же одинок в цыганском таборе, в глубине бессарабских степей, как и в ледяных кружках великосветского Петербурга, как и в литературной атмосфере Греча и Булгарина. Такое же одиночество — судьба Гоголя. Всю жизнь сатирик боролся за право смеяться. Изнуряющее, губительное чувство *напрасной любви* к родине было у Гоголя еще сильнее, чем у Пушкина. Оно нарушило навеки его внутреннее равновесие, довело до безумия. Лермонтов — уже вполне стихийное явление. Этот сильный человек, в котором было столько напоминающего истинных героев, избранных судьбы, стыдился названия русского литератора, как чего-то унижительного и карикатурного. Он вспыхнул и погас неожиданным таинственным метеором, прилетевшим из неведомой первобытной глубины народного духа и почти мгновенно в ней потонувшим.

Во втором поколении русских писателей чувство беспомощного одиночества не только не уменьшается, а скорее возрастает. Творец Обломова всю жизнь оставался каким-то литературным отшельником, нелюдимым и недоступным. Достоевский, произносящий пламенную речь о всечеловеческой примиряющей терпимости русского народа на пушкинских празднествах, пишет на одного из величайших русских поэтов и самых законных наследников Пушкина, вдохновляемый ненавистью к западникам, карикатуру Кармазинова в “Бесах”. Некрасов, Щедрин и весь собранный ими кружок питает непримиримую и — заметьте — опять-таки не личную, а бескорыстную гражданскую ненависть к “жестокому таланту”, к Достоевскому. Тургенев, по собственному признанию, чувствует инстинктивное, даже физиологическое отвращение к поэзии Некрасова. О печальной и столь характерной для русской литературы вражде Толстого и Тургенева я говорил уже в начале статьи. Может быть, раз в сорок лет сходятся два, три русских писателя, но не пред лицом всего народа, а где-то в уголку, втайне, во мраке, на одно мгновение, чтобы потом разойтись навеки. Так сошлись Пушкин и Гоголь. Мимолетная случайная встреча в пустыне! Потом был кружок Белинского. Там впервые начали понимать Пушкина, там приветствовали Тургенева, Гончарова и Достоевского. Но одно враждебное дуновение — и все распадается, и остается только полузабытая легенда. Нет, никогда еще, в продолжение целого столетия, русские писатели не “*пребывали единодушно вместе*”. Священный огонь народного сознания, тот разделяющийся пламенный язык, о котором сказано в “Деяниях”, ищет избранных, даже на одно мгновение вспыхивает, но тотчас же потухает. Русская жизнь не бережет его. Все эти эфемерные кружки были слишком непрочны, чтобы в них произошло то великое историческое чудо, которое можно назвать сошествием народного духа на литературу. По-видимому, русский писатель примирился со своей участью: до сих пор он живет и умирает в полном одиночестве.

Я понимаю связь между Некрасовым и Щедриным. Но какая связь между Майковым и Некрасовым? Критика об этом безмолвствует или же уверяет с нетерпимостью, что связи никакой нет и быть не может, что Некрасов и Майков взаимно друг друга отрицают. Бок о бок, в одном городе, среди тех же внешних условий, с почти одинаковым кругом читателей, каждая литературная группа живет особой жизнью, как будто на отдельном острове. Есть остров гражданский, Некрасова и

“Отечественных записок”. От него отделен непроходимыми безднами, яростными литературными пучинами поэтический остров независимых эстетиков — Майкова, Фета, Полонского. Между островами — из рода в род — вражда убийственная, доходящая до кровомщения. Горе несчастному поэту-мечтателю, если он попадет на побережье гражданского острова! У наших критиков царствуют нравы настоящих людоедов. Русские рецензенты шестидесятых годов, как дикари-островитяне, о которых рассказывают путешественники, пожирали ни в чем, в сущности, неповинного Фета или Полонского на страницах “Отечественных записок”. Но не такой же ли кровавой мстостью отплатили впоследствии гражданским поэтам и беспечные обитатели поэтического острова? Между Некрасовым и Майковым так же, как между западником Тургеневым и народным мистиком Достоевским, между Тургеневым и Толстым, не было той живой, терпимой и всепримиряющей среды, того культурного воздуха, где противоположные оригинальные темпераменты, соприкасаясь, усиливают друг друга и возбуждают к деятельности.

Так называемые русские кружки — еще хуже русского одиночества: второе горше первого. Тургенев недаром ненавидел их. Для примера стоит указать на славянофильство. Это — настоящий московский приход; не живое, свободное взаимодействие искренних и талантливых людей, а какой-то литературный угол, где, как во всех подобных углах, тесно, душно и темно.

Соединение оригинальных и глубоких талантов в России за последние полвека делает еще более поразительным отсутствие русской литературы, достойной великой русской поэзии. До сих пор, с чисто национальной славянской иронией, русские писатели имеют право сказать друг другу: поэзия наша велика и могуча, но ни литературной преемственности, ни свободного взаимодействия в ней нет. Вот почему завтра же у нас может явиться новый романист, равный Тургеневу, новый поэт, равный Лермонтову, и написать гениальное произведение, — все-таки великой, имеющей всемирное значение, русской литературы он не создаст. И тотчас же, после его смерти, наступит такой же упадок, такое же варварское и непонятное одиночество, какое мы теперь переживаем. Дальше идти некуда. Напрасно близорукие рецензенты так горько плачут об отсутствии талантов. Во всяком случае это явление — стихийное и временное. По-видимому, стоило бы только подождать, и с первым талантом литература возродилась бы. Но горе в том, что кризис, переживаемый нами, неизмеримо глубже и болезненнее. Он сводится к вопросу: быть или не быть в России великой литературе, т. е. воплощению великого народного сознания.

Будущий историк русской культуры, минуя многое, что теперь волнует и пленяет умы, остановится с немалым удивлением перед многозначительным образом одного из царей поэзии, увенчанных всемирной славой, Л. Толстого, в крестьянской одежде идущего за сохой, как он изображен на известной картине Репина. Что бы там ни говорили о тщеславии, как бы ни смеялись и ни спорили, фигура эта возвышается в XIX веке и невольно приковывает внимание. Мне кажется, что в мятежном восстании русского поэта против того, перед чем лучшие люди Европы, — олимпиец Гёте так же, как демонический Байрон, — преклонялись с трепетом и благоговением, много искреннего, к сожалению, может быть, *слишком много* искреннего. Толстой обнаружил в резкой наготы то, что и прежде сквозило в жизни и произведениях наших писателей. Это их сила, оригинальность и, вместе с тем, слабость.

В Пушкине, почерпнувшем, быть может, самое смелое из своих вдохновений в диком цыганском таборе, в Гоголе с его мистическим бредом, в презрении Лермонтова к людям, к современной цивилизации, в его всепоглощающей буддийской любви к природе, в болезненно гордой мечте Достоевского о роли *Мессии*, назначенной Богом русскому смиренному народу, грядущему исправить все, что сделала Европа, — во всех этих писателях то же стихийное начало, как у Толстого: *бегство от культуры*.

Теперь сравните с Толстым, идущим в лаптях за сохой, образ представителя всемирно-исторической культуры — Гёте. В Веймарском доме, похожем на дворец или музей, среди сокровищ искусства и науки — божественный старец, тот, пред кем создатель Манфреда склонялся, как ученик, как “ленный вассал”! Разве Гёте не был удручен тою же самою мировой скорбью, которая в тридцать лет сожгла титана Байрона, довела его до отчаяния и самоубийства развратом? И все же Гёте среди такой скорби умел жить и радоваться жизни! Каким юношеским восторгом вспыхивал в 80 лет орлиный взгляд его, когда он слышал о новом открытии, подтверждавшем теорию цветов или биологическую эволюцию. Не было такого культурного явления во всех веках у всех народов, с которым не пришел бы в соприкосновение его всеобъемлющий ум, на которое не ответило бы его многозвучное сердце.

И заметьте, что *стихийной* творческой силы у Гёте во всяком случае не меньше, чем у стихийных поэтов России. Этот олимпиец сам часто говорил о том темном, ночном, недоступном разуму, “*демоническом*”, как он любил выражаться (от слова *dämon* — божество), с чем он боролся и что управляло всей его жизнью. Представителя культуры, разумного Гёте, пишущего тихие лукрециевы гексаметры о подборе животных и растений, вы не узнаете, читая проклятия Фауста. Ничего подобного по *стихийной* силе нет у самого разрушителя Байрона. Наука приблизил Гёте к природе, еще более обнажила перед ним ее божественную тайну: Была ему звездная книга ясна, И с ним говорила морская волна.

Он не боялся, что наука и культура отдалят его от природы, от земли, от родины, он знал, что высшая степень культуры, вместе с тем, высшая степень народности.

Гёте — лучший тип истинно великого, не только поэта, но и *литератора*. Толстой, великий поэт, никогда не был литератором. В своих автобиографических признаниях Толстой неоднократно высказывает, по-видимому, искреннее и тем более плачевное презрение к собственным созданиям. Это презрение невольно пробуждает горькое раздумье о судьбе русской литературы. Если уж один из величайших наших поэтов так мало признает культурное значение поэзии, чего же ждать от других? Нет, Гёте не презирал того, что создал. Такое отношение, как у Толстого, к собственным творениям показалось бы ему святотатством. Вот бездна, отделяющая поэзию от литературы. В сущности это та же самая бездна, которая отделяет стихийное от человеческого. Сколько бы еще у нас ни было гениальных писателей, но, пока у России не будет своей литературы, у нее не будет и своего Гёте, представителя народного духа. Стихийный богатырь, герой древнерусских былин, не подымет маленькой “переметной сумочки”, в которой заключена тяжесть мира, бремя земли.

**Слезает Святогор с добра коня,
Ухватил он сумочку обема руками,
Поднял сумочку повыше колен:
И по колено Святогор в землю угрыз,
А по белу лицу — не слезы, а кровь течет...**

Тяжесть мира не может поднять *один* народ, как бы он ни был силен. Древний богатырь все глубже и глубже будет уходить в землю, удрученный стихийной силой, если, наконец, не признает, что есть и другая высшая сила, кроме той, в которую он до сих пор верил.

Дмитрий Мережковский. “О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы.” (гл. II)

II. НАСТРОЕНИЕ ПУБЛИКИ. ПОРЧА ЯЗЫКА. МЕЛКАЯ ПРЕССА. СИСТЕМА ГОНОРАРОВ. ИЗДАТЕЛИ. РЕДАКТОРЫ

Когда думаешь о настроении тех, кто теперь читает и пишет в России, перед глазами невольно встает знакомый великорусский пейзаж. Местность где-нибудь в средних губерниях, около полотна железной дороги. Скучная природа, истощенная не менее скучной цивилизацией. Болота с торфяными кочками и пнями, остатками вырубленного леса, обмелевшая, унылая речонка. На косогоре — несколько серых домиков; самый большой с надписью — “Трактир”. На рельсах — пьяные мастеровые в городских поддевках, с гармониками и нелепыми песнями. Вдали фабричная труба. И надо всем — холодный, резкий, как будто мертвый, день, скучное северное небо:

**Румяный критик мой, насмешник
толстопузый,
Готовый век трунить над нашей
томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой.
Взгляни, какой здесь вид...**

Откройте наудачу современный “толстый” журнал или газету, вы встретите то же настроение, тот же мертвый колорит, ту же скуку, ту же печать уродливой, полуварварской цивилизации и ту же унылую, безнадежную плоскость.

Помню, я испытал с обидной горечью и ясностью эту, в сущности, давнишнюю, родную, уже Пушкиным описанную скуку, возвращаясь из-за границы, из Парижа. Без всяких политических и философских соображений, просто в бульварах, в толпе, в театрах, в рекламах, выставках, кафе, в этом непрерывном ропоте человеческого океана — чувствуется, что там *есть жизнь*.

Нигде, даже в России, не царствует такая скука, как в литературных кружках. Опять-таки, без всяких высших философских и политических соображений, просто кажется, что здесь *нет жизни*. Когда сразу из европейского воздуха, из атмосферы напряженной деятельности и мысли перенесешься в один из этих притонов скуки, в одну из несчастных петербургских редакций, с каким горьким недоумением слушаешь унылые разговоры унылых сотрудников. Если редакция легкомысленная, кажется, что попал в подозрительную справочную контору; если редакция серьезная, чувствуешь себя в канцелярии среди чиновников.

Я помню литературный кружок одного молодого журналиста, подававшего большие надежды. Там собирались писательницы-дамы, и только что прогремевшие беллетристы, и люди почтенного старого времени, талантливые и умные. Тем не менее скука царствовала непреодолимая. Все только притворялись, что делают серьезное, кому-то нужное дело, а в душе томились. Однажды принесли в редакцию простую детскую игрушку, бумажную муху. Надо было заводить пружинку, и муха, треща крыльями, летала по комнате. Как все были довольны, как хохотали и забавлялись!.. Угрюмые лица просветлели, и дамы хлопали в ладоши. С тех пор прошло лет шесть, но я помню очень ясно эту маленькую бытовую сценку, не лишённую местного колорита.

В последнем из своих стихотворений в прозе Тургенев говорит:

“Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о, великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! — Не будь тебя, как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома! — Но нельзя верить, чтобы такой, язык не был дан великому народу”.

Три главных разлагающих силы вызывают упадок языка. Первая из них — критика. Еще Писарев ввел особый иронический, почти разговорный прием. Надо отдать ему справедливость; этот сжатый, несколько надменный, как речи Базарова, но увлекательно сильный язык был отлично приспособленное разрушительное орудие в его руках. Писарев ослепил все поколение русских рецензентов 60-х годов. В критическом отделе “Отечественных записок” считалось неприкрытым писать другим языком. Но как и всегда, подражатели взяли только внешние стороны оригинала. Силу они превратили в грубость, иронию — в оскорбительную фамильярность с читателем, простоту — в презрение к самым необходимым приличиям. Ничто так не развращает первоначально искреннего и всегда серьезного языка народа, как эта литературная бойкость дурного тона.

Другая сила, разрушительно влияющая на литературную речь, — та особенная сатирическая манера, которую Салтыков называл “рабийм эзоповским языком”. У него стиль этот хорош, полон смертельного яда, тайного мщения и своеобразной, если можно так выразиться, злобной красоты! Салтыков владел духом народной речи. Но во что превратили эзоповский язык все бесчисленные либеральные и консервативные (ибо и такие были) подражатели Салтыкова, критики из мелкой прессы и “Будильника”, фельетонисты, обличительные корреспонденты. Насильственное и тяжелое остроумие, хитрые намеки, ужимки, сатирические гримасы — все это вошло в плоть и кровь газетного жаргона. Рабий язык может быть оправдан только высочайшим внутренним благородством и отвагой сатиры; иначе он бесцелен и противен. Ясность, простота речи становятся все более и более редкими достоинствами.

Попробуйте отложить наши современные журналы, читайте долгое время только иностранные книги и русских великих писателей прошлого поколения, потом сразу откройте свежий номер современной газеты, — вы будете поражены, вас охватит испорченная атмосфера, уродливые неологизмы, одичание и пошлость языка, особенно в мелкой прессе: как будто с вольного воздуха вы войдете в комнату, где сильный дурной запах. Так же, как во Франции XVII в. придворная риторика и напыщенность, в Германии XVIII в. перед появлением Вертера мещанская сентиментальность и слащавость, теперь в России портят живую народную речь эта мнимо-сатирическая манера, напряженное остроумие и распушенность, пренебрежение к стилю, литературная развязность дурного тона.

Третья и едва ли не самая главная причина падения языка — возрастающее невежество. Столь часто оплакиваемое вторжение в литературу демократической богемы было бы менее опасным, если бы у нас, как, напр., во Франции, существовало крепкое зерно литературных традиций. Но такого зерна нет. Будущий историк русской журналистики соберет много печальных современных анекдотов, рисующих это понижение уровня образованности. В одной большой петербургской газете я прочел известие о том, что знаменитая драма Генрика Ибсена “Нора” в первый раз была поставлена с большим успехом — о ужас! — в Веймарском театре, когда им управлял Гёте! В другой газете перевели имя французского поэта Леконта де Лиля — граф де Лиль. Таких курьезов множество.

Полное незнание иногда лучше неполного знания. Пушкин уверял, что можно поучиться хорошему русскому языку у московских прозвирен. Люди, вполне чуждые образованности, сохранившие, однако, связь с народом, владеют чистым, даже красивым языком. Но в среде полуневежественной, полуобразованной, уже оторванной от народа и еще не достигшей культуры, именно в той среде, из которой выходят все литературные ремесленники, вся демократическая газетная богема, язык мертвеет и разлагается.

Другая причина упадка литературы — система гонораров.

Т. Карлейль говорит, что в современной Европе среди небывалого торжества денежного строя единственными представителями вечного протеста против силы денег, идеального нищенства, по его выражению, могли бы сделаться только писатели. Нищим был некогда Данте в Италии, потом Самуэль Бен Джонсон — в Англии, Жан-Жак Руссо — во Франции, Эдгар По — в Америке. Отчасти такой же тип был и в России — В. Белинский. Никакие вознаграждения, никакие литературные капиталы, миллионные гонорары порнографических писателей и опереточных либреттистов до сих пор не могут ни в толпе, ни в самих авторах уничтожить благоговения к бескорыстию литературного труда. В этом глубокий, трогательный смысл. Люди простые, совсем далекие от литературы, еще не узнавшие продажности вдохновения, смотрят на художника, на журналиста, на поэта, может быть, вовсе и недостойного такого уважения, как на избранника, как на человека, пришедшего из царства идеала. Точно так, несмотря на все вопиющие злоупотребления церкви, простые люди средних веков смотрели на священников и монахов. Когда вера в бескорыстие представителей церкви окончательно исчезла, средневековое общество рушилось, ибо только на вере в какой-нибудь бескорыстный принцип зиждется всякое общество. Когда современная публика проникнет в грубую *симонию* литературного рынка и окончательно потеряет наивную веру в бескорыстие своих духовных вождей, своих писателей, литература потеряет нравственный смысл, как некогда средневековая церковь.

В сущности, каждый писатель отдает свое произведение публике — *даром*. Созидание на земле даже малейшей доли красоты — такой нравственный подвиг, такое благодеяние людям, что оно несоизмеримо ни с какими денежными наградами. И толпа это знает. На земле художники, ученые и поэты до сих пор в слишком практичный век — последние непрактичные люди, последние мечтатели, несмотря на все гонорары. Среди торжества буржуазно-промышленных и капиталистических идеалов жив суровый идеал царственного нищего, каким был Алигиери, бродивший без приюта из города в город и признававшийся, что не сладок ему хлеб изгнания, хлеб чужих людей. Эдгар По умирает как последний пьяница, как нищий, едва не на большой дороге в самой богатой стране мира, в стране чудовищных гонораров и гигантской журналистики.

Когда гонорар окончательно утрачивает всякий идеальный смысл, когда он перестает быть символом духовного нищенства писателей, знаком неизмеримой благодарности толпы, когда он превращается в повседневную официальную *плату* за труд, в материальное вознаграждение наемнику толпы, он становится величайшей разрушительной силой, одной из главнейших причин упадка. Система гонораров, как промышленных сделок на литературном рынке, — орудие, посредством которого публика поработает своих поденщиков, своих писателей: они же мстят ей тем, что, презирая и угрожая, развращают ее.

Есть два средства овладеть вниманием толпы: во-первых, написать истинно гениальное произведение. Но на это способны один или двое в целом поколении, да и те работают почти всегда бескорыстно. Другое, столь же верное и более легкое: угождать низшим потребностям толпы. И чем ниже потребности, удовлетворяемые книгой, тем обширнее круг читателей, тем быстрее почти волшебное обогащение людей, продавших толпе даже самый крошечный талант. Таким образом гонорар становится настоящей платой за самый унижительный из родов проституции — платой, посредством которой публика и автор взаимно друг друга развращают. Газеты и журналы становятся огромными базарами с торгово-промышленными сделками, литературными фабриками и заводами с бездушной поденной платой. Мне могут возразить, что всегда и везде так было, что еще в более резких и унижительных формах мы видим зависимость литературы от капитала в Западной Европе.

Во-первых, в России ничего подобного не было даже лет тридцать—сорок тому назад. Пушкин говорит в одном письме к Рылеву: “У нас писатели взяты из высшего класса общества. Аристократическая гордость сливается у них с авторским самолюбием; мы не хотим быть покровительствуемы равными, — вот чего Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или одою, а тот является с требованием на уважение, как шестисотлетний дворянин”.

Пушкин прав. Он выставляет вполне верно сословное разграничение, которое в продолжение долгого времени защищало русскую литературу от вторжения слишком грубых, рыночных нравов. Но с тех пор, как написаны эти строки, прошло около семидесяти лет. Шестисотлетних дворян в русской литературе становится все меньше и меньше. Аристократический оплот окончательно рушился. И в самом деле, никогда еще русская литература, открытая всем ветрам, преданная всем вторжениям, затопанная даже не демократической, а просто *уличной* толпой, не была так беззащитна перед грубым насилием нового, с каждым днем возрастающего *денежного варварства*, перед властью капитала.

В Западной Европе есть вековая умственная аристократия, и этот могущественный культурный оплот более незыблем и прочен, нежели аристократия родовая, дворянство, на которые Пушкин возлагал, кажется, слишком большие надежды. Но такого умственного аристократического оплота, таких великих культурно-исторических преданий, охраняющих святое святых литературы от вторжения рыночного капитала, к сожалению, у нас в России не было, нет и Бог знает сколько времени еще не будет. Вот почему литературное хищничество и продажность более развиты в России, чем где бы то ни

было. Какие лица! Какие нравы! И ужасно, что эти лица самые молодые, бодрые, полные надежд... Страшно становится, когда видишь, что литература, поэзия — самое воздушное и нежное из всех созданий человеческого духа — все более и более предается во власть этому всепожирающему Молоху, современному капитализму!..

Критики наших так называемых *толстых* журналов привыкли относиться к мелкой прессе с высокомерным презрением, даже прямо игнорировать ее существование. Мы иногда перед Новым годом с недоумением видим на последней странице газеты пол-аршинные буквы чудовищной рекламы о новом микроскопическом журнале, который сразу предлагает какую-нибудь поразительную приманку, напр., неизданное произведение Гоголя, а рядом с Гоголем — новейший стенной календарь. Из объявления явствует, что редактор возлагает столько же надежд на стенной календарь, как и на Гоголя.

Проходит некоторое время. Все забывают даже о существовании нового журнала. В литературных кружках не знают его имени; и вдруг, через несколько лет, оказывается, что он обладает двумя — тремястами тысяч подписчиков. Никто не мог бы объяснить, откуда и на какую приманку они явились. Во всяком случае, 200, 300 тысяч русских читающих людей, хотя бы из самой демократической, даже не интеллигентной среды, — достойны некоторого внимания и серьезной журнальной критики. Мелкая пресса и журналы с иллюстрациями при быстро возрастающей потребности в чтении могли бы сделаться огромной и благодатной культурной силой. Высокомерное пренебрежение критиков и читателей толстых журналов не мешает, а, напротив, помогает ловким литературным промышленникам десятками лет ежедневно отравлять 200, 300 тысяч человек, хотя бы и “малых сих”, художественным безвкусием и невежеством, дешевыми олеографиями и пошлыми бульварными романами. У этих маленьких уличных изданий ужасающая плодовитость низших организмов. Каждое из них отдельно — ничто, но все вместе — они страшная сила. Уже и теперь иногда слишком трудно провести пограничную черту, ясно определить, где кончается мелкая пресса и начинаются “серьезные” газеты и “толстые” журналы. В *мелкой прессе*, в этой необъятной литературе, как в капле разлагающейся воды под сильным микроскопом, вы можете найти зародыши всех болезней, всех пороков, всех нравственных гниений.

И какое все это живое, какое быстрое, радостное и до ужаса маленькое: они мгновенно друг друга проглатывают, мгновенно возрождаются. За тысячами — новые тысячи! Бессознательно, глухо и слепо творят они дело литературного разложения — бесчисленные и неуловимые!

До сих пор в России книга не имела почти никакой самостоятельной жизни, находясь в полной зависимости от периодических изданий. Если у автора нет привлекательности и славы всепобеждающей, если он хочет, чтобы произведение заметили интеллигентные русские люди и литературные кружки, он не пойдет в мелкую прессу — и поневоле должен обратиться к одному из пяти-шести редакторов толстых журналов. В Западной Европе книга получила значение, равное газетам и журналам или даже большее, Я это, конечно, ко благу литературы, потому что книга дает беспредельную свободу оригинальности. Каждый самостоятельный талант не может не чувствовать справедливого негодования на малейшее вмешательство своего хозяина, редактора, осторожного и рассудительного педагога невзрослой публики. Каждый оригинальный писатель говорит с толпой как “власть имеющий”, а редактор — как слугитель толпы, если только он сам не истинный талант, не художник, не ученый, хоть раз в жизни создавший что-нибудь новое и живое. Но вот беда: между пятью-шестью редакторами современных русских журналов нет ни одного литератора или ученого по призванию, с прирожденным, а не симулированным художественным или научным пониманием. Все это люди образованные, бескорыстные, достойные глубокого уважения, но в своих литературных вкусах — неизлечимые моралисты и боязливые педагоги невзрослой толпы. У них нет даже той свободы и смелости в границах определенной партии, какая была, напр., у Некрасова или Щедрина. Найдут ли они новый талант, тотчас же их редакторскому робкому сердцу хочется потихоньку, не суровостью, а, так сказать, отеческой лаской, педагогическим влиянием втолкнуть живую, непокорную оригинальность в свои старенькие излюбленные рамочки, чтобы было, пожалуй, и оригинально, но главное поприличнее, поаккуратнее и побледнее.

Я слышал от одного литератора следующее, довольно верное, сравнение: наши писатели еще не решаются выступать перед публикой в самостоятельных книгах, в одиночку. Чтобы не погибнуть в современной литературной пустыне, они должны собираться в журналы, в караваны и путешествовать вместе. В таком караване есть и вождь, редактор, и вьючные животные, тяжеловесные компиляторы, и отважные застрельщики, рецензенты. Путешественники рассказывают, что караваны в Сахаре обыкновенно берут с собою в путь труп какого-нибудь животного, который бросают ночью хищным зверям, чтобы предупредить их нападение. Такой труп в наших современных журналах — неизбежный, скучнейший и длиннейший роман.

А русский читатель в самом деле — сила темная, стихийная, неожиданно прихотливая. Редактор чувствует под собой эту зыбкую некультурную почву и не доверяет ей. Как у всех ценителей с трусливым банальным вкусом, поработанным толпе, заветный идеал его — внешняя литературная *благопристойность*. Пусть холодно, как лед, но зато строжайший этикет соблюден, пусть мертво, но зато в каждом буржуазно-аристократическом салоне Петербурга можно смело читать вслух. До

какого педантизма иногда доходит эта забота о внешней корректности при внутреннем безвкусице, видно из следующего характерного анекдота, невероятного и, однако, вполне достоверного.

Писатель отдает в редакцию серьезного журнала перевод одной греческой трагедии. После внимательного чтения редактор объявляет:

— Печатать невозможно.

— Почему же?

— Вот видите ли... Трагедия Эсхила — это, так сказать, *слишком яркий классический цветок на тусклом поле современной русской беллетристики*.

— Но тем лучше, что яркий!..

— Я ведь сказал — *слишком яркий классический цветок* — перевод с греческого.

— Что же из того, что с греческого?

— Помилуйте, мы в общественной хронике все время боремся против классической системы воспитания, и вдруг целая трагедия Эсхила.

В сущности, рыночная система гонораров, капиталисты-издатели, бескорыстные, но лишенные художественного чутья редакторы, — все это силы только внешние — и как ни пагубно их влияние на литературу, оно не может сравниться с действием внутренних разрушительных сил, из которых едва ли не главная — критика.

Дмитрий Мережковский. “О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы.” (гл. III)

III. СОВРЕМЕННЫЕ РУССКИЕ КРИТИКИ

И. Тэн сделал первую попытку применения строго научного метода к искусству. Но область эстетической психологии слишком мало разработана, чтобы считать эту попытку завершенной.

Во всяком случае, деятельность в том же направлении, т. е. исследование законов творчества, его отношений к законам психологии и социальных наук, взаимодействия художника и культурно-исторической среды, могут быть в будущем весьма плодотворны.

Другой, не менее значительный и гораздо более разработанный метод — *субъективно-художественный*. Во всех лучших критических исследованиях Сен-Бёва, Гердера, Брандеса, Лессинга, Карлейля, Белинского вы найдете страницы, в которых критик превращается в самостоятельного поэта.

Таким образом, возник почти неведомый до наших времен и все более развивающийся род художественного творчества. В своих разрозненных заметках об искусстве и всемирной литературе, в эпиграммах и ксениях Гёте, отчасти Шиллер, дали первые образцы критической поэзии. Для субъективно-художественного критика мир искусства играет ту же роль, как для художника — мир действительный. Книги — живые люди. Он их любит и ненавидит, ими живет и от них умирает, ими наслаждается и страдает. То, что этот род поэзии теряет в яркости и реальной силе, он выигрывает в бесконечном благородстве и нежности оттенков. Некоторые страницы Карлейля и Ренана ничем не уступают лучшим произведениям Теннисона или Гюго по глубине и оригинальности вдохновения.

Поэт-критик отражает не красоту реальных предметов, а красоту поэтических образов, отразивших эти предметы. Это — поэзия поэзии, быть может, бледная, призрачная, бескровная, но зато неизвестная еще ни одному из прежних веков, новая, плоть от плоти *наша* — поэзия мысли, порождение XIX века с его безграничной свободой духа и неутолимою скорбью познания. В отражении красоты может быть неведомое, таинственное обаяние, которого вы не найдете даже в самой красоте: так в слабом, отраженном свете луны есть обаяние, которого нет в источнике лунного света, в могущественных лучах солнца.

Субъективно-художественный метод критики, кроме поэтического, может иметь и большое научное значение. Тайна творчества, тайна гения иногда более доступна поэту-критику, чем объективно-научному исследователю. Случайная заметка о прочитанной книге в письмах, в дневниках Байрона, Стендаля, Флобера, Пушкина одним намеком обнаруживает большую психологическую глубину и проникновение, чем добросовестнейшие статьи профессиональных критиков. Если художник читает произведение другого художника, происходит психологический опыт, который соответствует тому эксперименту в научных лабораториях, когда исследуется химическая реакция одного тела на другое.

Русская критика, за исключением лучших статей Белинского, Ал. Григорьева, Страхова, отдельных очерков Тургенева, Гончарова и Достоевского, гениальных заметок, разбросанных в письмах Пушкина, всегда являлась силой противонаучной и противохудожественной. Горе в том, что наши критики не были ни настоящими учеными, ни настоящими поэтами. Но у прошлого поколения, у Добролюбова и Писарева, публицистика все-таки еще прикрывалась стремлениями философскими и научными.

Один из воинственных эпигонов, современный тип русского журнального рецензента, г. Протопопов, заявляет уже вполне открыто, что критик должен быть публицистом и только публицистом.

У г. Протопопова есть так называемое “бойкое перо”, остроумие и политический темперамент газетного работника по призванию. Если бы он родился во Франции, он мог бы сделаться редактором распространенного уличного листка для рабочих, писать каждый день популярные передовые статьи с громкими заглавиями, как Рошфор в “L'intransigeant” и — кто знает — принимать бы даже благодарственные депутации фабричных пролетариев. Но в русской современной журналистике ему ничего более не оставалось, как сделаться критиком-публицистом. Мечта таких людей — превратить литературу в комфортабельную маленькую кафедру для газетно-журнальной проповеди. Когда живая оригинальность таланта не покоряется им и не хочет служить пьедесталом политического оратора, г. Протопопов негодует и казнит ее. Он не объясняет, а попирает личность автора, как ступень, чтобы удобнее взобраться на свою кафедру. Конечно, публицистика — почтенное газетное ремесло. Для некультурной и невзрослой толпы необходима популяризация даже самых основных нравственных идей. Но сводить ту необъятную силу мировых гениев, которая создает “Страшный суд”, “Фауста” или “Тайную Вечерю”, на уровень второстепенного газетно-журнального ремесла, публицистики — это даже не преступление, это наше старинное и — увы! — глубоко национальное, доныне, среди массы читателей, популярное невежество.

Г. Протопопова так же, как многих его собратьев, тревожит схоластический вопрос: искусство для жизни, или жизнь для искусства? Такой вопрос для живого человека, для искреннего поэта — не существует: кто любит красоту, тот знает, что поэзия — не случайная надстройка, не внешний придаток, — а самое дыхание, сердце жизни, то, без чего жизнь делается страшнее смерти. Конечно, искусство — для жизни и, конечно, жизнь — для искусства. Одно без другого невозможно. Отнимите у жизни красоту, знание, справедливость — что же останется? Отнимите жизнь у искусства — и это будет, по евангельскому выражению, соль, переставшая быть соленой. Непраздные люди, непраздные художники никогда не спорили о таких вопросах — они всегда друг друга понимали с первого слова, всегда друг с другом были согласны, в каких бы разных, даже противоположных областях ни работали. То же самое, великое и несказанное, что Гёте называет красотой, Марк Аврелий называл справедливостью, Франциск Ассизский и св. Тереза — любовью к Богу, Руссо и Байрон — человеческою свободой. Для живых людей все это единое, лучи одного солнца, проявления одного начала, как свет, теплота, движение — в мире физическом видоизменения одной силы. Вопрос — жизнь для красоты или красота для жизни — существует только для мертвых людей: для газетно-журнальных схоластиков, которые не испытали *живой жизни* и не познали живой красоты.

А между тем вся ожесточенная полемика, вся многолетняя деятельность таких публицистов, как г. Протопопов, вертится около этого мертвого вопроса. Печальнее всего то, что у них до сих пор довольно обширный круг читателей и поклонников. Длится наше старое плачевное недоразумение, иконоборческое недоверие к свободному чувству красоты, боязливое требование от искусства подчинения рамкам педагогической морали.

У г. Скабичевского, другого представителя нашей современной критики, меньше полемической бойкости и остроумия, чем у г. Протопопова, но зато больше искреннего и добросовестного отношения к писателям. Он собрал и подготовил будущему историку русской литературы много интересных материалов. Его очерки из истории русской цензуры многозначительны. Но, будучи даровитым летописцем литературных нравов, г. Скабичевский менее всего, по своему темпераменту, художественный критик. В его воззрениях на искусство есть та черта убойственной банальности, порабощения общепризнанным вкусам толпы, которую легче отметить, чем выразить и определить.

Однажды на Передвижной выставке я видел картину известного русского художника приблизительно следующего содержания: пьяница, должно быть, мастеровой, с угрожающим видом и поднятыми кулаками стоит на пороге кабака. Он

хочет войти, но женщина с растрепанными волосами и неестественно трагическим лицом, вероятно, жена мастерового, не пускает мужа. Дико забросив голову и раскинув, как непременно сказал бы Потапенко или Златовратский, “бледные, изможденные руки”, она всем телом своим закрывает дверь кабака. К довершению условного трагизма за лохмотья несчастной матери цепляется испуганный ребенок и умоляющим взором смотрит на жестокосердого отца. Картина была прескверно написана, с пренебрежением к технике, какими-то мертвыми, деревянными красками. Но публика перед нею останавливалась: на лицах интеллигентных дам было видно сочувствие. Говорили по-французски о страданиях нашего бедного народа, о пьянстве, объясняли тенденцию художника. Общедоступный, *банальный* трагизм оказывал свое вечное действие на толпу.

Во всех обществах, во все времена есть люди — имя им легион, — которых модное фальшивое чувство привлекает также неизменно и неотразимо, как червяк на удочке привлекает рыбу. Я уверен, что если бы среди публики, перед картиной, находился г. Скабичевский, чувствительное сердце почтенного критика также было бы тронут банальным, условным трагизмом картины, как сердце толпы. У добросовестного и гуманного рецензента явилось бы непреодолимое желание похвалить художника за теплое отношение к народу, за поразительную искренность непосредственного чувства, за трезвость здорового реализма. Не знаю, как у других, но у меня при подобных похвалах является непобедимое озлобление против несомненных добродетелей. У порока, по крайней мере, то преимущество, что никогда не удручают его такими банальными похвалами, таким убийственно буржуазным сочувствием, таким безвкусием и уродством, как бедную добродетель. О, скука больших дорог! О, вечное умиление толпы перед любезною ей пошлостью популярно великих идей!

Разве г. Скабичевский не восторгался этим “червяком на удочке”, банальностью гуманных чувств и мнимо-народническим реализмом в произведениях г. Потапенко? Напрасно он теперь отрешивается и негодует на своего любимца. Г. Потапенко целиком вышел из недр почтенного критика, из неисправимо-добродетельного сердца его, как Афина-Паллада из головы Зевса. У злополучного беллетриста есть несомненный Талант, искренний юмор, некоторое знание народа — но тайна его успеха была не в них. Я уверен, что многие добрые люди плакали искренними слезами над произведениями г. Потапенко и вполне сочувствовали похвалам г. Скабичевского, как отцы их плакали над чувствительными романами 30-х годов. Но именно эти искренние слезы наивных читателей — зловещий признак всеобщего падения вкуса.

Высочайшее *нравственное* значение искусства вовсе не в трогательных нравственных тенденциях, а в бескорыстной, неподкупной *правдивости* художника, в его бесстрашной искренности. Красота образа не может быть неправдивой и потому не может быть безнравственной, только уродство, только пошлость в искусстве — безнравственны. Никакая порнография, никакие соблазнительные картины пороков не развращают так сердца человеческого, как ложь о добре, как банальные гимны добру, как эти горячие слезы наивных читателей над фальшиво-гуманными чувствами и буржуазной моралью. Кто привык плакать над ложью, тот проходит с холодным сердцем мимо истины, мимо красоты.

В Апокалипсисе есть одно страшное место: “...Дух говорит церквям: И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: *Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден*, то извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды; а не знаешь, что ты несчастен и жалок, и нищ, и слеп, и наг”. Эти великие слова кладут неизгладимое клеймо на всякую пошлость, на всякую посредственность чувства, все равно, в религии или в искусстве. Любителям банальных трагических эффектов, подобным г. Скабичевскому и г. Потапенко, проповедникам общепризнанных гуманных идей, ни холода, ни огня, а так называемой “*задушевной теплоты* чувства”, этой ненавистной теплой водицы, которая заменяет искренность в нравоучительных романах, хочется напомнить страшный приговор Апостола: “О, если бы ты был холоден, или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих”.

Такие люди, как г. Протопопов и г. Скабичевский, совершенно бессознательно творят дело разрушения. Это, в сущности, — невинные жертвы всеобщей анархии, всеобщего недоразумения. Они продолжают указывать писателям спасительные рамки народнического реализма так же добросовестно, как учителя каллиграфии проводят косые и поперечные линии, чтобы ученикам легче было выводить буквы прописи. Но как бы ужаснулись эти добрые, честные люди, учителя художественного чистописания, если бы вдруг могли понять, какая бездна, какая тайна — искусство, и как смешны в безграничной стихийной свободе творчества их маленькие педагогические линейки. Они будут всю жизнь серьезно говорить о вдохновении, о поэзии, хотя никогда не видели красоты, и так и умрут, не увидев ее. Это, может быть, полезные и остроумные публицисты, но в искусстве — люди безнадежно-непонимающие, *слепорожденные*.

У Гёте есть одно прелестное лирическое стихотворение — “Капли нектара”. Когда Минерва, угождая своему любимцу Прометею, принесла полную чашу нектара, чтобы осчастливить созданных им людей и наполнить их сердце любовью к прекрасному, богиня торопилась, боясь, что Юпитер увидит ее, и “золотая чаша покачнулася и немного капель упало на зеленую траву”. На эти капли набросились насекомые — пчелы, бабочки...

Selbst die ungestalte Spinne Kroch herbei und sog gewaltig.

Даже безобразный паук отведал божественного напитка.

Когда я думаю о том, что природа и таким писателям, как г. Буренин, не отказывает иногда в некотором художественном даровании, мне вспоминается грациозная легенда о насекомых. Впрочем, может быть, он никогда и не вкушал от капли нектара, но, по крайней мере, слышал издали ее благоухания, он все-таки ближе к поэзии, чем добрые, честные и безнадежно слепые люди, г. Протопопов и г. Скабичевский.

Вероятно, немногие знают, что у этого теперь ожесточенного газетного насмешника в далекой молодости была способность к почти искреннему лирическому пафосу. Г. Буренин, как оно ни дико и ни странно, написал несколько поэтических любовных элегий. Это что-нибудь да значит. Во всяком случае, г. Протопопов удобочитаемой элегии не напишет. Надо быть справедливым к г. Буренину. На его остроумных пародиях, на литературных памфлетах есть несомненная печать — не скажу таланта, но того, что в другом человеке, при других условиях, могло бы сделаться талантом. У него злой, конечно, низменный, грубый и пошлый, но все-таки настоящий злой смех. И для памфлетов нужна некоторая доля творчества, хотя бы то было творчество насекомых. Паук плетет свою паутину, потому что он отведал от напитка, предназначенного не паукам, а детям Прометея.

Но всего характернее в многочисленных произведениях г. Буренина, в его повестях, трагедиях, памфлетах, новеллах, романах, пародиях, одна выдающаяся, типическая черта — поразительный недостаток чувства литературной нравственности. Таким он создан, —

Насекомым — сладострастье... Ангел — Богу предстоит.

С этим ничего не поделаешь. Даже и обвинять его не хватает духу. Надо обвинять ту степень всеобщего литературного унижения, когда и Буренины выдвигаются и приобретают значение. Рассказывают удивительные анекдоты о его недобросовестном отношении к писателям. Все знают, кто он. А между тем о таком человеке приходится говорить почти серьезно, как о русском художественном критике; это одно уже — весьма плачевный признак упадка и всеобщего недоразумения. Зародыши гниения носятся всюду, но только там, где должно совершиться дело смерти, они живут и приобретают силу. Литературная *безнравственность* г. Буренина, который благополучно справил юбилей, чувствует себя на вершине славы, с которым все мало-помалу примирились и которого многие даже боятся, — явление очень знаменательное для наших современных газетно-журнальных нравов.

Интересно, что несправедливость г. Буренина в области поэзии влечет за собою совершенно те же последствия, как безвкусие г. Протопопова или г. Скабичевского. Критика, т. е. бескорыстная оценка прекрасного, ни в том, ни в другом случае невозможна. Как только г. Буренин перестает шутить и смеяться, как только хочет говорить серьезно, он делается убийственно-скучен, даже скучнее и тяжеловеснее г. Скабичевского. Когда покидает его зависть и злоба, он становится до жалости беспомощен, у него нет своих слов, своих мыслей, и чувствуется, что ему просто нечего сказать.

Мне всегда казалось весьма поучительным, что поэзия одинаково недоступна вполне безвкусным людям, как и вполне несправедливым. Сущность искусства, которую нельзя выразить никакими словами, никакими определениями, не исчерпывается ни красотой, ни нравственностью, — она выше, чем красота, и шире, чем нравственность, она — то начало, из которого равно вытекает и чувство изящного, и чувство справедливого, которое объединяет их в живом человеческом сердце и делает только справедливое прекрасным и только прекрасное — справедливым. Их разделение влечет их упадок.

Но всего печальнее, когда это старческое, преждевременное бессилие, эта язва литературного разложения касается совсем молодых, только что начинающих писателей, как, например, одного из представителей нового газетно-журнального типа, г. Вольнского, юного и смелого рецензента “Северного вестника”.

Прежде всего я должен признаться, что г. Вольнский для меня двойствен. В первом и лучшем г. Вольнском я ничего не нахожу, кроме симпатичного. Он недавно издал драгоценную книгу “Письма Бенедикта Спинозы” в превосходном переводе г-жи Л. Гуревич. Если бы побольше издавалось в России таких книг!.. Наивная биография Колеруса, страшный акт отлучения Спинозы от синагоги — все это переведено г. Вольнским с удивительной красотой. В его объяснениях, заметках, редакторских выносках вас увлекает не столько научная добросовестность, как трогательная, благоговейная любовь, почти

суеверная преданность учителю. Да, именно такой суеверной, фанатической любовью надо любить великих!.. Почти так же хороши и добросовестны популярные статьи г. Волынского о Канте.

Во всех трудах г. Волынского есть одна характерная черта — не русская, но глубоко симпатичная. В этом пламенном, несколько сухом, но возвышенном мистицизме поклонника великого еврейского философа, в неутолимой ненависти к пошлой стороне позитивизма, в этой национальной, так сказать, прирожденной способности к тончайшим метафизическим абстракциям — сразу чувствуется нравственный и философский темперамент семита. Более всего меня привлекает к таким семитическим темпераментам неподдельная чистота, наивность философского жара, пламенная и вместе с тем целомудренная страстность ума. Недаром еврейская национальность до сих пор носительница страшного и благодатного огня — тысячелетней жажды Бога. Сколько раз, погибая, оплодотворяла она своим огнем более спокойные арийские культуры, которым грозили бесплодием научный материализм и позитивная уравниленность.

Среди грубого шутовства г. Буренина, среди банального народнического реализма г. Протопопова и г. Скабичевского, замечая в новом типе публициста-философа, г. Волынского, искру этого плодотворного мистического огня, я не могу не приветствовать ее с величайшей радостью.

Может быть, я отчасти и преувеличиваю значение первого, лучшего г. Волынского, но пусть!.. Это — из ненависти ко второму г. Волынскому, не имеющему с первым ничего общего, к его злополучному двойнику. Как всегда бывает, уродливый двойник, мучительная карикатура на свой оригинал, художественный критик Волынский притворился нежнейшим и преданнейшим другом философа Волынского, чтобы вернее погубить его. Национальный темперамент, лучший помощник в искреннем деле призвания, как только человек берется не за свое дело, обращает все свое могущество против него, делается непоправимой слабостью. Так отвлеченная семитическая метафизика, вполне уместная в статьях философских г. Волынского, поражает убийственной сухостью и бесплодием его художественное понимание. Вы как будто узнаете фанатизм и метафизическое раздражение черствых сердцем, узких и озлобленных учителей Талмуда. Какая мелочность! Какое уныние! Зачем он говорит, что любит красоту, любит жизнь?

Критик г. Волынский презирает простой, человеческий язык философа г. Волынского. Он даже притворяется русским патриотом, когда уж русского в нем нет ровно ничего. Он откапывает какие-то невероятные допотопные цветы красноречия, чудовищно-комические, от которых становится не смешно, а жутко на сердце читателей, как от тех предметов роскоши, некогда веселеньких и пленительных безделушек, которые через тысячелетия находят среди мертвых костей в гробах. Бог с ней, с легкой иронией, с беззаботным юмором г. Волынского! И эта зловещая карикатура на Спинозу своими мертвыми устами, своим деревянно-цветистым языком проповедует деревянно-мертвого талмудического Бога. В сказочных новеллах Эдгара По являются мертвецы, ненадолго воскресшие, одаренные искусственной жизнью. Они действуют, ходят, говорят, даже смеются, совсем как живые. Ничего доброго не предвещают их лица без кровинки, напряженный, лихорадочный блеск в глазах. И настоящие живые люди с недобрый предчувствием смотрят на них и думают: *быть худу*. Юный рецензент “Северн <ого> вест<ика>” всегда казался мне таким мертвецом из рассказов Эдгара По, одаренным какою-то противоестественною жизнью. Пишет он статьи, проповедует Бога, громит материализм, даже проявляет попытки юмора, совсем как живой, и все-таки я ничему не доверяю и думаю: *быть худу*.

Когда вы смотрите на почтенных людей старого поколения, на окаменевших редакторов, на критиков, подобных г. Протопопову и г. Скабичевскому, и вдруг чувствуете, что люди эти, в сущности, — давно уже мертвые, что от них даже как будто пахнет смертью и тленом, такое ощущение — надо признаться — довольно страшно. Но, впрочем, с ним еще можно примириться: была же у них своя молодость, своя жизнь. Но когда в литературе начинают появляться молодые люди или, лучше сказать, молодые мертвецы, как г. Волынский, когда от самых юных, только что начинающих, веет уже холодом могилы, страшным запахом смерти и тлена, это — признак последних дней целого поколения: уже тут несомненно *быть худу*!

В самом деле, не стоим ли мы перед бездной? *Caveant consules*. Если современная литературная анархия будет прогрессировать по тому же пути, страшно подумать, до чего мы дойдем через двадцать, тридцать лет.

Едва ли спасение заключается в проблематической возможности появления нового великого таланта. Гений возродит поэзию, но не создаст литературы, которая невозможна без великого культурного принципа, имеющего притом общечеловеческое, а не одно только русское национальное значение. А такого объединяющего принципа наша литература или, лучше сказать, наша стихийная поэзия еще до сих пор сознательно не выработала.

Напрасно, гордясь великим прошлым, мы стали бы утешать себя мыслью, что не может постигнуть полное литературное варварство ту страну, у которой есть Пушкин, Тургенев и Толстой. Благодатные гении прошлого отступаются от своего

народа, если он недостоин их. У англичан XVI века был Шекспир, но уже в XVII веке главное течение народной жизни избрало другое руло, и Шекспир сделался как будто чужим на своей родине. Кто знает, и современная литературная Россия может, наконец, сделаться недостойной великого прошлого, недостойной Пушкина: и Пушкин станет чужим в одичавшей литературе, и гений его — страшно сказать — отступится от своего народа. Caveant consules!

Что там, в темном будущем, перед которым мы стоим?

Смерть народной литературы — величайшее бедствие — немота целого народа, бессловесная смерть его творческого гения!..

В следующих главах я постараюсь показать новые созидающие силы, новое литературное течение, которое позволяет надеяться, что такое страшное бедствие не постигнет русской поэзии. Это течение или, лучше сказать, эта смутная потребность целого поколения, едва определившаяся, почти не выраженная словами, возникла не из метафизических обобщений, а прямо из живого сердца, из глубины современного общеевропейского и русского духа. Я даже не знаю, можно ли назвать эту потребность литературным течением. Это скорее только первая подземная струйка вешней воды, слабая и жизненная. Ее характерная черта — соединение двух глубоких контрастов — величайшей силы и величайшего бессилия. Я сказал, что она слабая, и, в самом деле, ничего не может быть легче, как осмеять ее и отвергнуть, презрительно заметить, что это старая песня на новый лад. Но после смеха и отрицания она будет существовать по-прежнему, даже расти и усиливаться, потому что она — живая, она стремится утолить вечную потребность человеческого сердца.

Так иногда из-под тяжелого камня пробиваются побеги молодого растения. Кажется, что они неминуемо должны погибнуть, подавленные камнем. Но нет в мире такой силы, которая могла бы остановить их упорный, непобедимый рост. Младенчески слабые и беспомощные, они, рано или поздно, вырвутся и подымут, если надо, силою жизни огромную мертвую тяжесть камня.

Я хочу проследить эти первые побеги молодой литературы, слабые и живые.

Дмитрий Мережковский. “О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы.” (гл. V)

V. ЛЮБОВЬ К НАРОДУ: КОЛЬЦОВ, НЕКРАСОВ, ГЛЕБ УСПЕНСКИЙ, Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ, КОРОЛЕНКО

Прежде чем я перейду к поколению современных русских писателей-идеалистов, я должен сказать несколько слов о другом могущественном литературном течении, также вполне современном, имеющем огромную будущность, которому лишь по недоразумению большинство наших критиков придает такой резкий утилитарный и реалистический характер. В сущности это течение очень близко к идеализму. Я разумею *народничество*.

Песни Кольцова в нашей поэзии едва ли не самое полное, стройное, донныне еще мало оцененное выражение земледельческого быта русского крестьянина. Мы здесь имеем дело не с человеком, только любящим народ, т. е. сходящим к нему, а вышедшим из него, не порвавшим с ним глубокой сердечной связи: можно сказать, что устами Кольцова говорит сам, тысячелетия безмолвствовавший, русский народ. Певцы, нисходившие к нему, говорили, что он несчастен.

Выдь на Волгу: чей стон раздастся

Над великою русской рекой?

Этот стон у нас песней зовется,

То бурлаки идут бичевой...

Где народ — там и стон...

У Кольцова есть крик негодования, беспредельная жажда свободы, даже — если хотите — возмущенный крик ярости и боли, но беспомощных стонов и этого жалобного плача, которым полны вышеприведенные анапесты интеллигентного поэта, у Кольцова нет. Конечно, никакие стоны интеллигентных певцов не могут выразить той глубины затаенного, высокомерного и молчаливого страдания, которое он носит в душе своей. Эта скорбь, скорбь народа — воистину ничем не меньше нашей мировой скорби, байроновской “*тьмы*”

Тяжелей горы,

Темней полночи

**Легла на сердце
Дума черная...**

И все же он не стонет. Он не хочет жалости, он только жаждет воли.

**Чтоб порой пред бедой
За себя постоять,
Под грозой роковой
Назад шагу не дать:
И чтоб с горем в пиру
Быть с веселым лицом,
На погибель идти —
Песни петь соловьем!**

Такая сила и гордость были еще только у одного поэта на Руси, у Лермонтова... Не происходит ли великое и добровольное *смирение* народа, о котором так много, и даже слишком много говорил Достоевский, от сознания этой страшной внутренней силы, от исторического, никакими несчастьями не истребимого сознания грядущей победы?

**Снаряжу коня...
Полечу в леса,
Стану в тех лесах
Вольной волей жить.
С кем дорогою
Сойдусь, съедусь ли, —
Всякий молодцу
Шапку до земли!**

Разве это стон? И ведь у каждого из тех мужиков, которые стояли у парадного подъезда и которых пожалел интеллигентный поэт, была же где-то, в глубине души, такая же чудная русская гордость и сила. Не нам жалеть народ. Скорее мы должны *себя пожалеть*. Чтобы самим не погибнуть в отвлеченности, в пустоте, в холоде, в безверии, мы должны беречь кровную связь с источником всякой силы и всякой веры — с народом.

Вот что замечательно: истинно народный поэт Кольцов, — по своему духу гораздо ближе к Лермонтову, величайшему мистика, одинокому мечтателю, презиравшему идеалы пользы и влюбленному в неземную красоту, чем к практическому Некрасову, который всю жизнь сам так мучительно и страстно хотел быть близким к народу.

И сила есть — да воли нет...

.....
**И друзья мои, товарищи
Одного меня все кинули...
Гой ты, сила пододонная!
От тебя я службу требую —
Дай мне волю, волю прежнюю.
А душой тебе я кланяюсь.**

Так поэт любит волю, он готов душу отдать темным силам зла, только бы купить себе утраченное блаженство воли! Разве это не гордое возмущение Лермонтова?

Интеллигентный певец народа считает идеалы красоты и поэзии, так называемого “*чистого (?) искусства*” противоречащими деятельной любви к народу.

**С твоим талантом стыдно спать,
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря,
И ласки милой воспевать!**

Он стыдится петь *вечное*, т. е. любовь и красоту, в то время, как народ несчастен. Но сам народ, который все-таки больше страдает, чем за него страдают, не стыдится красоты, а любит ее, как жизнь, как свободу, как свою силу, как хлеб насущный. Красота для него вовсе не роскошь и не отдых, она для него — солнце жизни, вдохновение в его песнях, молитва в его страданиях. О нет, он не стыдится красоты. И, право же, народ поет весну и цветы, и красные зори, и даже ласку милой, — все, что в жизни сладко, все дары Божий, поет не хуже, а гораздо лучше, сильнее и музыкальнее, чем, например, Фет, столь нелюбимый народниками. И заметьте, что ведь поет он их именно *бескорыстно*, не думая ни об идее, ни о пользе, а чувствуя блаженство красоты и освобождения от земных цепей. Мужик, тот самый мужик, во имя которого у нас считали нужным стыдиться красоты, творит свои песни так же, как Пушкин их творил. *Не для житейского волнения, Не для корысти, не для битв.*

И посмотрите, как в древних былинах, в песнях, в стихотворениях Кольцова самые прозаические подробности жизни, земледельческого быта — хлеб, деньги, свадебная пирушка, даже семейные раздоры, — все превращается в красоту, “в чистое золото поэзии”, по выражению Белинского. Как же народу не любить красоты? Он сам — величайшая красота! Разве и Пушкин не заимствовал всей своей божественной крепости и силы из этого вечного, неиссякаемого источника *русской красоты*, из духа народного, из речи народной? Кто поймет и полюбит красоту в Пушкине, тот полюбит не что-то чужое, далекое и враждебное народу, а самую душу русского языка, т. е. русского народа. Как все великое, как все живое, красота не отдаляет нас от народа, а приближает к нему, делает нас причастными глубочайшим сторонам его духовной жизни. Бояться или стыдиться красоты во имя любви к народу — безумие.

**На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельские
Не насмотрятся.
*Люди сельские***

Божьей милости
Ждали с трепетом
И с молитвою.

И поэт рассказывает нам, какие “заветные, мирные думы” пробуждаются у них с весною. Первая их дума: “Хлеб из закрома насыпать в мешки, убирать воза”. А вторая их была думушка: “Из села гужом в пору выехать”. Как видите, думы самые практические, — хозяйственные и торговые. Конечно, хлеб для народа — величайшая забота. В песнях Кольцова хлеб играет вовсе не меньшую роль, чем забота и скорбь по поводу экономического разорения народа — в стихах интеллигентных поэтов. *Как рождается хлеб* — вот в сущности реальное содержание лучших и самых поэтических песен Кольцова.

Но замечательно, что в заботах о насущном хлебе, об урожае, о полных закромах у этого практического человека, настоящего *прасола*, изучившего будничную жизнь, — точка зрения вовсе не утилитарная, экономическая, как у многих интеллигентных писателей, скорбящих о народе, а, напротив, — самая возвышенная, идеальная даже, если хотите, *мистическая*, что, кстати сказать, отнюдь не мешает практическому здравому смыслу. Когда поэт перечисляет мирные весенние думы сельских людей, третья дума оказывается такой священной, что он не решается говорить о ней. И только благоговейно замечает: “Третью думушку как задумали. *Богу Господу помолилися*“. И потом мы видим, что эта страшная, священная дума народа — о том, как бы засеять землю и дожидаться нового урожая. Все та же дума о хлебе насущном! Мы, интеллигентные люди, много говорим о насущном хлебе. “Прежде надо накормить голодный народ, а потом уже заботиться о высшей идеальной культуре”.

Для народа страшная дума о *хлебе* неотделима от еще более страшной и великой думы о Боге. Бог дает ему хлеб.

**Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послал Господь
За труды людям;
Выше пояса
Рожь зернистая...
Словно Божий гость
На все стороны
Дню веселому Улыбается.**

О, как это не похоже на мертвые разговоры мертвых людей об экономическом благосостоянии народа, как это не похоже на нашу скучную, бесплодную журнальную полемику по мужицкому вопросу, из которой ни одного живого зерна не родится. Когда мы говорим о хлебе, у нас в душе какая-то недоверчивая тревога, мы становимся прозаичны и сухи, чувствуем, что “*ложь в нас есть*”, с мифистифельской улыбкой противопоставляем мечтам идеалистов цифры статистиков’. Мы отделяем бездною вопросы о насущном хлебе для народа от вопросов о Боге, о красоте, о смысле жизни. Но народ не может, не смеет говорить о хлебе, не говоря о Боге. У него есть вера, которая объединяет все явления природы, все явления жизни в одно божественное и прекрасное целое! Для него нет прозы, потому что нет, как у нас, сытых людей, говорящих о хлебе, лжи и раздвоенности в его сердце. Для него самое рождение хлеба — благодатное и неисповедимое чудо:

Выйдет в поле травка...
Вырастет и колос,
Станет петь, рядиться
В золотые ткани...
С тихой молитвой
Я вспашу, посею:

Уроди мне. Боже,
Хлеб — мое богатство!

И мотив этот повторяется всюду: *Бог рождает хлеб*. Вот где глубочайшая *божественная* основа народного мирозерцания, народной поэзии.

Слишком часто наше интеллигентное народничество упускало из виду эту идеальную сторону русского земледельческого быта, слишком часто оно боязливо отворачивалось от красоты и поэзии, признавая их барскою роскошью, слишком часто становилось на исключительно экономическую, мертвящую точку зрения, забывало в своих деловитых исследованиях, что дать народу Бога — это значит дать ему хлеба. Горек будет хлеб, если мы дадим его только по утилитарному, статистическому расчету, только в холодном разумном сознании экономической необходимости, без умиления, без сочувственной братской веры в то, что у народа есть самого святого:

Видит солнышко,
Жатва кончена:
Холодней оно Пошло к осени;
Но жарка свеча Поселянина .
Пред иконою Божьей Матери.

Если в душе интеллигентных людей навеки потухнет мерцание *этого* божественного света, то уже никакая статистика, никакая политическая экономия, никакие заботы о хлебе насущном не возвратят нас, холодных, безбожных и мертвых, к живому сердцу народа. Только вернувшись к Богу, мы вернемся к своему народу, к своему великому христианскому народу. Другого пути нет. И, конечно, тогда мы не устыдимся ни красоты, ни Пушкина, ни поэзии, ни европейской культуры, ни той же статистики и политической экономии, ибо все это нужно и народу не меньше, а больше, чем нам, или, по крайней мере, *будет нужно*.

Некрасов иногда становится на точку зрения, чуждую великому и свободному искусству, утилитарную, исключительно экономическую, и тогда его поэзии превращаются в холодную прозу, его могучая лирика — в журнальную сатиру. Именно это служение злобе дня, т. е. слабую сторону Некрасова, превозносили наши реалистические критики. Они совершенно упустили из виду, что есть другой Некрасов — великий и свободный поэт, который, помимо своей воли, творил “не для житейского волнения, не для корысти, не для битв”, Некрасов — идеалист, Некрасов, как более или менее все русские люди, — мистик, Некрасов, верующий в божественный и страдальческий образ распятого Бога, самое чистое и — святое воплощение духа народного. Он тоже имел силу, как Достоевский и Л. Толстой, любить русскую землю мировую, всечеловеческой любовью. И в этом смысле он вовсе не журнальный “боец”, не служитель злобы дня, а такой же *вечный поэт*, как Пушкин, как Лермонтов. Мы имеем право, мы должны гордиться Некрасовым и перед Европой. Он — один из самых сильных русских художников, один из представителей оригинальных задатков русской культуры. Он навсегда останется велик тем, что открыл *новую красоту*, нашел в струнах современной лиры новые, до него еще никому неизвестные звуки песни жгучей, беспредельной любви к народу. Вот в чем его сила!

Храм Божий на горе мелькнул,

И детски-чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.
Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди с открытой головой!
Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль, —
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храм воздыханья, храм печали —
Убогий храм земли твоей:
Тяжело стонов не слышали
Ни Римский Петр, ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил —
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...
Я внял, я детски умилился
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом,
Чтобы простил, чтоб заступился,
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных.
Бог скорбящих,
Бог поколений предстоящих
Пред этим скудным алтарем!

Вот истинный Некрасов, бессмертный русский поэт! Это чистейшее откровение духа, т. е. самая возвышенная и свободная религия. И заметьте, как в этих строках он далек от мелких насущных вопросов жизни, от злобы дня, от цифр и деловой статистики. Поэт достигает великой *красоты*, служит ей бескорыстно, как Пушкин, как Лермонтов, как служили и будут ей служить все истинные поэты на земле. Некрасов против своей воли доказал, что Пушкин, не понятый реалистическими народниками, был прав. В самом деле, поэты — ...

**рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.**

Родина всю жизнь, до последнего вздоха, сливалась для него с таинственным и чистым видением покойной матери. Это высочайший символ любви к родной земле, какой только есть в русской поэзии:

**Треволненья мирского далекая,
С неземным выраженьем в очах.
Русокудрая, голубоокая,
С тихой грустью на бледных устах,
Под грозой — величаво-безгласная,
Молода, умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мне
При волшебной-светящей луне.
Да! Я вижу тебя бледнолицую
И на суд твой себя отдаю.
Не робеть перед правдой-царицею
Научила ты музу мою;
Мне не страшны друзей сожаления,
Не обидно врагов торжество,**

**Изреки только слово прощения
Ты, чистойшей любви божество!**

И поэт жаждет мученической смерти, чтобы доказать свою любовь к *Ней* — все равно, к Матери или к Родине — эти два великих, многострадальных образа для него сливаются. Разве такая поэзия — не религия?

Много суетного, болезненного и даже порочного в Некрасове-журналисте, скептическом современном человеке, деловитом издателе, сатирике, пишущем хлесткие стихи на злобу дня. Но те, кто говорят, что он — не художник, останавливаются на шероховатой, прозаической и холодной поверхности, не умеют проникнуть в живую глубину поэзии. Там, за полемикой, утилитарным уродством, суетой и грязными петербургскими сумерками, в глубине души его не потухает тихий, всепримиряющий свет народного евангельского идеала, о котором Кольцов так хорошо сказал:

**Но жарка свеча Поселянина
Пред иконою Божьей Матери.**

И Некрасов сам это чувствовал. В безверии, в отчаянии, на краю могилы он протягивает к *Ней*, к Матери, свои руки и знает, что Она исцелит его и убаюкает, знает, что беспредельная любовь к родине — его сила, его оправдание перед людьми и перед Богом, его красота. И с вдохновенною гордостью восклицает он, прощаясь с жизнью:

**О, Муза, я у двери гроба.
Пускай я много виноват,
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба —
Не плачь! Завиден жребий наш.
Не наругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русский — взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнотом иссеченную Музу...**

Он прав. И никакое равнодушие поклонников так называемого чистого искусства, никакие несправедливые нападки мнимых эстетиков не уничтожат этого страдальческого ореола!

К сожалению, наши критики-реалисты мало оценили *вечную* сторону поэзии Некрасова. С ревнивой мелочностью они прилепились к его полемике и сатире, к его сухому и прозаическому взгляду на жизнь, к отрицанию красоты и злобе дня. Последующие народники, гораздо менее талантливые и умные, сняли с него божественный и мученический ореол, терновый венец, ограничили и сузили могучую, страстную любовь Некрасова, с высоты вдохновенной поэзии свели ее к исключительному преобладанию деловой статистики и политической экономии. Правда, они говорят о любви к народу, но нет в их речах, в их скучной, холодной полемике ни огня, ни трепета живой любви. Явилась какая-то особая, вовсе не народная, а не *мужицкая* литература — условная, мертвая и сентиментальная. Критики противоположного эстетического лагеря выражали довольно странный и комический протест, уверяя, что мужик им надоел, что мужик, наконец, их просто душит, и назло народникам до небес превозносили весьма поверхностные, эпикурейские вдохновения Фета. Реакционное, бездарное поклонение мнимым идеалам чистого искусства наводнило русскую литературу не меньшим количеством слабых и уродливых произведений, чем бездарное народничество.

Но по некоторым признакам можно заключить, что в русской литературе то течение, которое я называю любовью к народу, до сих пор — жизненное и глубокое. Оно не связано *необходимо* с грубым позитивизмом и практической сухостью, с непониманием красоты. Как только писатели пытаются изобразить не сословного представителя — мужика в драных лаптях и полушубке, а живую душу человека в народе, как только начинают любить народ религиозной всечеловеческой любовью — не сто миллионов экономических единиц, а воплощение “Царя Небесного в рабском виде” — по выражению Тютчева, тотчас же сами собою у них являются вдохновение, и огонь, и сила, и красота. Без красоты не бывает у людей ни одного великого чувства, как без света не бывает могучего пламени! [В произведениях одного из совершеннейших классиков русской прозы, *Д. В. Григоровича*, которые по дивной гармонии и законченности можно сравнить разве только с “Записками охотника” Тургенева, ясно видно, как в своих первоначальных источниках народническое течение неразрывно связано с

культом и обоготворением красоты, с благоговением к эстетическим традициям Пушкина, с утонченной европейской образованностью и неподражаемым изяществом формы.]

Первый рассказ г. Короленко “Сон Макара” — его лучшее произведение. Религиозное вдохновение окрыляет поэта. Раз в жизни трезвый, умный этнографический наблюдатель отдался этой силе, — и посмотрите, что она сделала с ним, как охватила и унесла на такую высоту, на которой он никогда не был и, может быть, никогда не будет.

“Сон Макара” стоит совершенно одиноко в молодой народнической литературе. Как лучшие рассказы В. М. Гаршина, — это лирическая поэма в прозе. Когда вы давно ее не перечитывали, в душе остается неизгладимое воспоминание о ней, как о величавом сновидении, как о торжественной и грозной мелодии, подобной шуму лесов над сибирской тундрой.

Вот — чистейшая религиозная легенда, детская, наивная и глубокая, как лучшие легенды прошлых веков.

Один из “малых сих”, даже не русский мужик, а якут — глупый, грязный, уродливый, — в загробном мире, на страшном суде перед Отцом Светов, перед неизреченной Справедливостью и Разумом вселенной. Вы предчувствуете, что единое слово, единый взор Судии сразу уничтожит, раздавит, возвратит к небытию это жалкое существо. Что он может возразить, что он может привести в свое оправдание? Он понурил голову, молчит и ждет приговора. Как затравленный зверь, и здесь, в загробном мире, он по старой привычке пускается на свои крохотные, земные хитрости, он думает — обмануть Всеведущего. И его обличают... Теперь уж нет никакого сомнения, что он погиб безвозвратно. И вдруг, в последнюю минуту, из какой-то страшной, неведомой глубины человеческого духа подымается не мольба, а крик свободы, безумная жажда не справедливости, а любви.

Когда библейский патриарх на своем гноище, из праха и пепла, когда Фауст Гёте, Манфред или Каин Байрона обращаются с этим криком возмущенной совести к Верховному Судье, вы чувствуете, что они имеют право на голос. Как высшие духи, от лица человечества, от лица всего мира, должны предстоять они перед Невидимым. Но дикий полужверь из глубины обледенелых тундр, пьяный, уродливый, грязный якут — имеет ли он такое же право на крик свободы и возмущения, как древние титаны человеческого духа? Да, имеет!.. И даже еще большее право, потому что он — *бессилен, дик, безобразен* и, наперекор всему этому, он — *человек*, а не зверь, он — *образ и подобие Божие на земле*. Воистину нет такой глубины падения, из которой человек не имел бы права воскликнуть к Своему Отцу: “Господи, не суда Твоего хочу, а любви Твоей!”

Такие произведения, как “Сон Макара”, показывают, что дух жизни, дух русского народа еще не отлетел от нашей молодой литературы. Только на поверхности — упадок, омертвление, холод, а там в глубине дремлет, Бог знает, сколько нетронутых и невидимых сил. Только что наши поэты, даже как будто случайно, даже мимоходом, коснутся вечных евангельских идеалов народа, — у них является неожиданное могущество, как у Антея, когда он касается родной земли: словно живая, теплая кровь вливается в их жилы... И они воскресают.

Такое же чудо происходит иногда и с другим современным народником, Глебом Успенским.

Наши критики-реалисты превознесли его до небес. Наши эстетики смешали его чуть не с грязью, или же высокомерно молчат, игнорируя его существование.

Несомненно, что убийственное для всякой поэзии утилитарное поветрие коснулось Гл. Успенского в большей мере, чем Некрасова. Успенский как будто не смеет отдаться вдохновению, пишет под гнетом “злобы дня”, пускается в полемику вместо того, чтобы трогать сердце читателя, думает доказать цифрами и данными статистики то, что можно доказать только любовью и творчеством. У него есть тот непреодолимый *стыд красоты*, который я отметил в Некрасове, который свойствен и многим другим русским писателям. Впрочем, недостатки Успенского слишком ясны, чтобы стоило долго о них говорить. Каждый поверхностный читатель может их легко определить. Я думаю, что даже поклонники Гл. Успенского согласятся с тем, что у него нет ни одного стройного, гармонически-прекрасного и законченного произведения, какие есть, например, у Некрасова.

Но — повторяю — и с ним происходит то же чудо, как с другими народниками, и он превращается в истинного поэта, и его увлекает та же великая, божественная сила любви к народу. Все, что Глеб Успенский говорит о гармонии, о красоте земледельческого быта (“Власть земли”), — превосходно. Это настоящий комментарий к одной из лучших песен Кольцова — “Урожай”. Все это вытекает не из политико-экономических соображений, а из творческого духа поэта, близкого к народу. Здесь Успенский как будто преодолел вечный аскетический “стыд красоты” и сердцем понял, что она — не эпикурейство, не роскошь, а живая потребность *всех людей*, одна из глубочайших основ народной жизни, как и всякой целостной жизни. Вы

вдруг с невольным удивлением чувствуете, что Гл. Успенский, между прочим, и *за красоту* любит народ, за красоту и гармонию его величаво-патриархального быта.

Да, всю жизнь этот современный интеллигентный человек путешествовал из конца в конец России, наблюдал, жадно прислушивался к разговорам мастеровых, монахов, землепашцев, раскольников, деревенских кулаков, нищих и, всюду тревожный, скорбный, ничем не удовлетворенный, искал он, как поэт, как научный исследователь, *правды Божьей* в русском народе конца XIX века. Правда Божья! Если бы он никогда не переводил этих двух великих народных слов на интеллигентный утилитарный язык, разумея под ними *одну только правду земную*, одну только правду социальную и экономическую, оторванную от правды Божьей.

У народа эти две правды слиты в одно нераздельное целое, и такими нераздельными являются они в лучших произведениях Глеба Успенского, например, в очерке “Парамон Юродивый”.

В провинциальном городке, в обыкновенную буржуазную семью приходит человек не от мира сего, юродивый Парамон, настоящий угодник Божий из народа. Сытые, тупоумные чиновники боятся или презирают его. Но дети изумлены, очарованы его силою, подвижническим терпением, нежностью, его поэзией и красотой.

Вот — величайший образ, созданный Гл. Успенским. Искатель правды Божьей, страстотерпец, удрученный железными веригами, долго этот младенчески-кроткий и суровый образ русского народа не изгладится из нашей памяти.

Цифры, журнальная полемика, утилитарная трезвость и сухость, — все это на поверхности, как у Некрасова, — все это лишь современная одежда, а там, в глубине — простой русский человек, под одеждой мученические железные вериги, и язвы, и кровь от них. “Кнутом иссеченная Муза” Некрасова в унижении сохраняла признак власти, она была гордой. У Глеба Успенского нет такой силы. Но зато в этих кротких, как будто потухших глазах, в этом усталом лице — тихая жалость к людям, точно непрерывный упрек кому-то, точно мольба за них. Холодное, безбожное поколение наших дней может пройти мимо такого человека равнодушно и бросить банальную укоризну: “Это публицист, а не художник!”, — не понимая, что наперекор всем рамкам и законам эстетики в мученической любви к народу не может не быть поэзии, не может не быть красоты.

В том же литературном течении ближе всех к Успенскому стоит один современный критик, который имел и до сих пор имеет большое влияние на молодое русское поколение. Я разумею Н. К. Михайловского.

Едва ли не самый низменный и уродливый из человеческих пороков — неблагодарность. К сожалению, надо сознаться, что этот порок свойствен русским современным публицистам. Увы! мы имели еще недавно случай наблюдать классический образчик неблагодарности в отношении одного молодого и смелого рецензента (имени его я не буду называть) к Н. К. Михайловскому. Когда переступается известный предел полемической злобы, люди всех партий, всех направлений соединяются в чувстве нравственного возмущения. Видя, как молодой человек, случайный пришелец, подымает руку на человека, постаревшего в литературе, на деятеля безукоризненного, вся жизнь которого отмечена печатью высшего рыцарского благородства, все испытали это непреодолимое чувство нравственного возмущения. Нет, нехорошо, нехорошо это было и унижительно даже не для достоинства литературы, а просто для человеческой природы: ибо, повторяю, в одном лишь из всех наших пороков — в неблагодарности — есть какое-то противоестественное, несвойственное человеческой природе безобразие. Только то поколение, которое научится ценить доброе и прекрасное в своих предшественниках, прощать их недостатки и признавать их силу, имеет право надеяться на будущее. Живое взаимодействие, примирение прошлого и настоящего — вот величайшая основа всякой культуры.

Много спорили о так называемом “субъективном методе” Михайловского. Доказывали его полную научную несостоятельность. Но, кроме способности точных знаний, кроме чисто философской абстрактной деятельности разума в человеке есть другая великая сила, создавшая все искусства, все религии, зажигающая искры вдохновения в ученых и философах — *сила творческая*. Метод субъективный есть метод творческий.

Многие считают Михайловского исключительно позитивистом. Правда, он позитивист, как и большинство русских критиков, в отношении к искусству и красоте. Он не хочет примириться с высшим сознательным и божественным идеализмом, который, как многие люди его поколения, считает реакционным возрождением отжившего и суеверного мистицизма. Но в своих молодых статьях о Дарвине, о Спенсере — он идеалист. Это — все тот же непотухающий огонь любви к народу, который можно проследить и у Гл. Успенского, и у Некрасова, и еще раньше у Белинского, Добролюбова, Писарева. Когда приверженцы эволюционной теории утверждали: человек — “палец от ноги” общественного организма, — когда мнимые дарвинисты проповедовали: поедайте друг друга, способствуйте благодатному закону естественного подбора

— тогда и самый невежественный, самый жалкий из людей, носящих образ и подобие Божие, имел бы полное *нравственное* право восстать на царей разума, на богов точного знания и сказать им в лицо: “Да погибнет вся ваша наука, если она должна привести меня к такому злодейству!” Вот почему дилетант Михайловский говорил смело и гордо, говорил, как власть имеющий, как *человеку* прилично говорить даже *сбогами-олимпийцами* современной науки! Он не мог и не должен был иначе говорить. Вся оригинальная сила его произведений — в их глубокой и пламенной субъективности.

Но если он не ученый, не поэт, в чем же, наконец, его значение? У Михайловского есть одна превосходная статья о Лермонтове. Критик отмечает в Лермонтове черту необычайной *героической* воли, несокрушимую гордость и силу, что-то царственное, “*признак власти*”.

Я думаю, что и в безукоризненно-чистой и прекрасной литературной жизни таких людей, как сам Н. К. Михайловский, есть нечто *героическое*. Вот в чем сила таких людей, вот в чем тайна их обаяния. Это не поэты, не ученые, не философы. Литературой, словом они не могут выразить лучшего, что в них есть. Слово только тогда достигает полноты своего действия, когда оно само для себя награда и цель, для них же слово — только орудие для работы или меч для борьбы, а цель — сама жизнь, т. е. действие воли на волю других людей.

Явление редкое в конце XIX века — человек, абсолютно чуждый сомнений! Чтобы так безупречно верить в какую бы то ни было святыню, надо иметь силу.

Мы живем в странное время, похожее на оттепель. В самом воздухе какое-то нездоровое расслабление и податливость. Все тает... То, что было некогда девственным и белым, как снег, превратилось в грязную и рыхлую массу. На водах — совсем тонкий, изменнический лед, на который ступить страшно. И шумят, и текут мутные вешние ручьи из самых подозрительных источников.

Среди этой мучительной, грязноватой русской оттепели и распутицы отрадно смотреть на спокойную силу, незыблемую твердость и незапятнанную чистоту таких людей, как Михайловский. Вот человек! За 25 лет работы он не изменил себе ни одним движением, ни одним помыслом, ни одним чувством, и не изменит до последнего вздоха.

**Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.**

И он посвятил этой святыне воистину рыцарское служение без страха и упрека. Слава таким безукоризненным “*рыцарям Духа Святого*”, — по чудному выражению Гейне. Их немного у нас на Руси, их с каждым днем все меньше, и мы не умеем их оценить. Я знаю, наши эстетики проходят мимо таких людей с пренебрежительной улыбкой. Эстетики! Богиня красоты могла бы сказать им, как некогда Учитель сказал фарисеям: “Люди эти чтут меня устами своими, а сердце их далеко отстоит от меня”. В рыцарском служении Михайловского так же, как в “бледной, кнутом иссеченной Музе” Некрасова, есть высшая *красота любви*, и мертво, и холодно сердце у тех, которые не знали ее.

Но вот вопрос: не следует ли лучшим представителям прошлого, например, Н. К. Михайловскому, прислушаться к тому, что говорит современное поколение? Иногда не кажется ли отцам изменой то, что в детях только *необходимый* следующий момент развития? Кто знает, — может быть, Михайловский нашел бы не одну бездарность и самонадеянность, а что-нибудь искреннее в том, что говорят молодые, идущие за ним. Я знаю, что Михайловский имеет полное право возразить: “Кто же эти молодые? Укажите на них... Что они говорят? Я их не слышу, я их не знаю...”

Да, голос их слаб. Но, хотя бы это был шепот, он есть. Мы, слабые, ничтожные люди, сегодня шепотом говорим друг другу на ухо то, что гений будущего заставит людей возвещать на кровлях и площадях народных. Разве в первый раз великое начинается с малого, с отвергнутого и осмеянного?.. Помните евангельскую притчу о горчичном зерне. До сих пор можно сказать, что в сердцах человеческих божественный идеализм подобен этому зерну горчичному “*которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков, и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его*”.

Чем свободное удовлетворение мистической потребности современного человека противоречит идеалам Михайловского, Глеба Успенского, Некрасова, идеалам любви к народу? Всею, что можно сказать против *внешних* форм, в которые облекался божественный идеализм, никто так не будет сочувствовать, как люди, стремящиеся к его возрождению. Но нельзя

доказать, что мистическое чувство нераздельно и необходимо связано со своими ограниченными историческими формами. Только освободившись от них окончательно, приобретает оно для человечества то значение, какое должно и будет иметь. Один из глубочайших родников всемирной поэзии — любовь к народу — не может проистекать ни из какого утилитарного расчета, ни из какой политико-экономической необходимости, а только из свободной веры в евангельскую святиню народа, только из божественного идеализма.

Дмитрий Мережковский. “О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы.” (гл. VI)

VI. СОВРЕМЕННОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Жизнерадостному Гёте случалось говорить: “Немецкий писатель — немецкий мученик”. С гораздо большим правом можно сказать: русский писатель — русский мученик.

В. М. Гаршин был в полном смысле мученик современной русской литературы. Те, кто хоть раз в жизни видел Гаршина, едва ли забудут его. Подобные лица для людей слишком искренни. В глубоких глазах его никогда не потухал тревожный, упорный и как будто недоумевающий вопрос. С этим вопросом, с ласковой улыбкой на прекрасных губах, своим тихим голосом он обращался равно ко всем. И все любили его, словно предчувствуя, что он ненадолго с нами, что это — слишком чистое для людей создание Божие.

Кто не помнит впечатления от самоубийства Гаршина? После мучительной борьбы со страхом приближающегося безумия он бросился через перила в пролет грязной петербургской лестницы. Какая смерть! Это настоящая современная трагедия, напоминающая бред из романов Достоевского.

Мы видели это знакомое прекрасное лицо уже на катафалке в сиянии погребальных свечей, в маленькой часовне, переполненной народом. Петербургская толпа с особенным вкусом умеет хоронить своих литераторов. Собралась молодежь. И судьба представителя нашего скорбного поколения казалась тогда для всех нас зловещим предзнаменованием...

Помню, вокруг лица усопшего были свежие цветы — и они шли к нему, как идут к молодой девушке. Он лежал тихий, почти радостный. Тревожный вопрос, на который он всю жизнь искал и не нашел у людей ответа, потух в глазах его. Недоумение исчезло, и великое спокойствие было на бледном лице... Русский писатель — русский мученик!

Все произведения Гаршина могли бы уместиться в одном томике. Но зато эта маленькая книга едва ли когда-нибудь исчезнет из русской литературы. В ней есть художественное совершенство, т. е. единственное, чего время и обстоятельства не могут разрушить.

Гаршин, даже после своих великих предшественников, — смелый новатор. Он бесповоротно и окончательно порвал с условными традициями бытового реалистического романа, владычество которого наполняет середину XIX века и только теперь на наших глазах понемногу начинает слабеть. Во всем, что он написал, от первой до последней строки, — ни одного неверного звука. Абсолютная, беспредельная искренность, которая вызывает беспредельное доверие читателя. В такой поэзии есть что-то священное и страшное, как в исповеди. Он создал язык особенный, еще небывалый, поражающий краткостью: из прозы Гаршина, как из лирического стихотворения, как из песни, слова не выкинешь. В конце века, несмотря на подавляющее влияние предшественников, великих создателей романа, Гаршин возвращается к идеальной форме, преобладавшей в начале XIX века. — к лирической поэме.

Но романтики начала века воспевали идеальных героев — гречанки, демонов, пиратов, фей. Гаршин для своих лирических поэм в прозе, которая, впрочем, совершенством музыкальной формы не уступает лучшим стихам, избирает героев менее всего идеальных. Это — неисцелимо больной и притом самой уродливой болезнью — гангреной от флюса, проститутка, раненый, покинутый на поле сражения рядом с гниющим трупом, сумасшедший. На грубую и жестокую действительность Гаршин не набрасывает поэтической дымки. Он ни перед чем не останавливается, ищет правды, какой бы она ни была чудовищной, срывает все покровы, обнажает все язвы. Рядом с лирическим поэтом — в нем беспощадный физиолог и натуралист. Получается действие еще в литературе небывалое. По контрасту обаятельного изящества формы с невыносимым ужасом внутреннего содержания — мы встречаем нечто подобное только в новеллах Эдгара По.

Первый рассказ Гаршина на военную тему “Четыре дня” явился после Толстого. Но — несомненный признак большой силы — он произвел впечатление новое, независимое от автора “Войны и мира” и “Севастопольских рассказов”.

Гаршин прежде всего хочет выразить чувство, им самим испытанное, — ужас перед бессмыслицей и уродством войны. Как поэт, как лирик, он жертвует всем для охватившего его страстного порыва. Он идет прямо к цели, не тратя ни одного лишнего слова. Он отстраняет психологические мотивы, изображение характеров, мелочи обстановки. Я не знаю, кто этот раненый, забытый на поле битвы, каково его прошлое. Я только знаю, что он такой же человек, как я. И мне довольно. Я ставлю себя на его место, или, лучше сказать, автор, забыв мою личность, забыв личность героя, заставляет меня переживать свои собственные ощущения. Он дает мне очень немного, но все, что дает, действует неотразимо. Я никогда не забуду, с каким чувством этот интеллигентный, добрый человек, отправившийся на войну убивать людей из принципа современной нравственности, втыкает свой штык в тело ни в чем неповинного турка. Уголок неба, кустарник, клочок земли — вот вся обстановка. Отрывки воспоминаний. Здесь главное: *два символа*, два человека, живой и мертвый, палач и жертва. *Люди и Война*. Мало-помалу этот зловонный, распухший под знойным солнцем труп в солдатском мундире с блестящими пуговицами, делается воплощением всего ужаса и безобразия *Войны*. Раненый рядом с трупом — воплощение разумного человечества, начинающего войну во имя стихийной любви к родине. Таким образом, все, что испытывает безличней, безмянней, неведомый человек, получает для нас глубокое значение, и натурализм в описании страшного хода тления порождает ряд поэтических символов. Реальная повесть превращается в лирическую поэму.

Достоевский, Гончаров, Толстой действуют целыми массами, громадными размерами своего художественного полотна, всю площадь поэтического кругозора. Гаршин, напротив, до последних пределов суживает и ограничивает поле своих действий. Он дает *minimum* образов и впечатлений, экстракт из обширного материала, которого хватило бы другому на целый роман. Он не расширяет своей идеи, своего чувства до сложной человеческой драмы, он упрощает и сосредоточивает их в один художественный образ. Действие такой сосредоточенной лирической силы ограниченнее, но глубже, чем действие эпоса. Подобное произведение входит в сердце читателя, как острое. Оно гнется, кажется слабым и хрупким. Но поэту и не нужно подавляющей силы. Дело в том, что на самом конце острия есть у него капля смертельного яда. Это — яд мысли, яд того неразрешимого сомнения, которое довело Гаршина до безумия. И ему достаточно слабого, почти нежного укола, чтобы яд вошел в кровь и отравил самого читателя.

Таких лириков мало интересуют индивидуальные особенности человеческих характеров. Гаршин иногда совсем покидает людей. В чудной поэме “*Attalea princeps*” героиня — роскошная пальма. Ей хочется на волю из-под стекла оранжереи. Но слишком нежное растение юга не выдерживает нашей суровой северной свободы. В каждом слове рассказа вы чувствуете тот же возвышенный символизм, как в последних произведениях Тургенева. Реальная действительность для Гаршина — холод, который губит “*Attalea princeps*”. Он сам похож на это грациозное, слишком нежное растение, созданное не для нашего беспощадного неба. Борьба гибких зеленых листьев с железом, безнадежная и неутолимая жажда свободы — все это символ трагической судьбы самого поэта. Такая же лирическая поэма в прозе — “*Красный цветок*”. Никто еще не описывал сумасшествия с более ужасающим реализмом. Гаршин всей своей жизнью заплатил за страшный психиатрический опыт.

Зло мира заключено для безумца в этом таинственном символе крови, невинно проливаемой, в *Красном цветке*. Кто дерзнет сорвать его, уничтожит зло на земле, но сам погибнет. Сумасшедший герой приносит великую и бесполезную жертву, срывает цветок и умирает за людей. Как жажда свободы в “*Attalea princeps*”, здесь великое самопожертвование любви приводит к прекрасной, но никому не нужной смерти безумца. С какой нежностью и скорбью поэт развенчивает идеал любви, идеал свободы!

Сердце Гаршина, как сердце этого безумного подвижника, жаждет неутолимо чудесного, жаждет Бога. Но не даром он написал гимн хотя бы недостижимой Свободе в “*Attalea princeps*”. Его мысль, его мирозерцание вышли целиком из отрицания, из великого освободительного движения шестидесятых годов. Утилитарная теория *земного* счастья, *земной* свободы не удовлетворяла религиозной потребности его сердца. Он сделал все, чтобы убить эту глухую потребность, боролся с ней до последней капли крови, но не победил. Поэт, имевший несчастье родиться в эпоху и в стране, где отрицание сделалось синонимом умственной независимости, был создан для веры, и только вера в *бесконечный идеал* могла спасти его. Но мистическое чувство, как почти все люди его поколения, он считал трусливым отступничеством, рабством, возвращением к старым цепям. Роковая ошибка! Его душа, слабая и женственная, не вынесла этого мучительного раздвоения. Трагическое противоречие XIX века, которое мы уже видели в Толстом и Достоевском, — потребность верить, невозможность верить, — в Гаршине доходит до последней крайности, до пределов безумия.

Незадолго перед смертью он прочел рассказ Чехова “*Степь*” и с радостью приветствовал новый талант. Он искренно восторгался его непосредственным чувством природы, здоровьем, спокойною любовью к жизни, уверял, что “*Степь*” как будто исцелила и на минуту заставила его позабыть страдания.

В самом деле, Гаршин глубже, чем кто-либо, по закону психологической противоположности должен был почувствовать силу Чехова. Трудно найти больший контраст художественных темпераментов.

Гаршин не интересуется людьми и мало знает их. Чехов любит и знает людей. Гаршин погружен в себя, сосредоточен в одном неразрешимом вопросе о правде, о жизни и смерти; Чехов — с беспечностью художника отдается многозвучным, разнообразным впечатлениям природы и жизни; Гаршин, как Достоевский, — поэт Петербурга, он вышел из душной комнатной атмосферы, он жаждет и боится, как “*Attalea princeps*”, вольного воздуха, он далек от природы; для Чехова природа — источник всей его силы, крепости и здоровья, он — *не петербургский*. Автор “Степи” — из глубины России. Гаршин почти исключительно рисует один характер раздвоенного и болезненного современного человека. Чехов лучше всего умеет изображать людей простых, непосредственных, мало думающих и глубоко чувствующих; Гаршин сам болен; у Чехова избыток даже слишком крепкого, может быть, к несчастью для него, несколько *равнодушного здоровья*. Благодаря своему здоровью он мало восприимчив ко многим вопросам и течениям современной жизни.

И, несмотря на эту полную противоположность темпераментов, вы сразу чувствуете, что Гаршин и Чехов — дети одного поколения.

Чехов, подобно Гаршину, откидывает все лишнее, всю беллетристическую шелуху, любезную критикам, возобновляет благородный лаконизм, пленительную простоту и краткость, которые делают прозу сжатой, как стихи. От тяжеловесных бытовых и этнографических очерков, от деловых бумаг позитивного романа он возвращается к форме идеального искусства, не к субъективно-лирической, как у Гаршина, а маленькой *эпической* поэме в прозе.

Некоторые люди как будто рождаются путешественниками. У Чехова есть эта жадность к новым впечатлениям, любопытство путешественников. Ум его трезвый и спокойный, может быть, для современного поэта даже *слишком* трезвый и спокойный. Но его спасает художественная чувствительность, неисчерпаемая, очаровательная, как у женщин и детей, и (к счастью для слишком здорового, равнодушного художника) можно сказать, *болезненно утонченная*. Он замечает неуловимое. На нервах поэта отзывается каждый трепет жизни, как малейшее прикосновение — на листьях нежного растения. И эта жадная впечатлительность вечно стремится к новому и неиспытанному, ищет никем не слышанных звуков, не виданных оттенков в самой будничной знакомой действительности. Чехову, как и Гаршину, не надо обширного полотна картины. В мимолетных настроениях, в микроскопических уголках, в атомах жизни поэт открывает целые миры, никем еще не исследованные. Ум художника спокоен, но нервы его так же чувствительны, как слишком напряженные струны, которые, при малейшем дуновении, издадут слабый и пленительный звук.

Иногда взбираешься по скучной петербургской лестнице куда-нибудь на пятый этаж: чувствуешь себя раздраженным уродливыми и глупыми житейскими мелочами. И вдруг, на повороте, из приотворенных дверей чужой квартиры донесутся звуки фортепьяно. И Бог знает, почему именно в это мгновение, как никогда прежде, волны музыки сразу охватят душу. Все кругом озаряется как будто сильным и неожиданным светом, и понимаешь, что никаких, в сущности, огорчений, никаких житейских забот нет и не было, что все это призрак, а есть только одно в мире важное и необходимое, то, о чем случайно напомнили эти волны музыки, то, что во всякое мгновение может так легко и неожиданно освободить человеческое сердце от бремени жизни.

Так действуют маленькие поэмы Чехова. Поэтический порыв мгновенно налетает, охватывает душу, вырывает ее из жизни и так же мгновенно уносится. В неожиданности заключительного аккорда, в краткости — вся тайна не определимого никакими словами музыкального очарования. Читатель не успел опомниться. Он не может сказать, какая тут идея, насколько полезно или вредно это чувство. Но в душе остается *свежесть*. Словно в комнату внесли букет живых цветов, или только что вы видели улыбку на милом женском лице...

Этим разрушением условной беллетристической формы повести или романа, этой обнаженной простотой и сжатостью прозы, напоминающей стихи, любопытством к неизведанным впечатлениям, жадностью к новой красоте Чехов примыкает к современному поколению художников. Мы видели, что Гаршин действует символами. Чехов — один из верных последователей великого учителя Тургенева на пути к новому грядущему идеализму — он так же, как Тургенев, *импрессионист*. [Здесь в моем изложении — неполнота и незаконченность почти непоправимые. Кроме Гаршина и Чехова у нас есть другие талантливые представители современной русской художественной прозы. Я не буду пытаться определить, я только намекну на те особенные черты, которые присоединяют их к течению *современного идеализма*. П. Д. Боборыкин, кажется, один из первых ввел в России приемы западноевропейского экспериментального романа. Насколько было возможно, он освободил этот условный род беллетристики от тяжеловесной скуки и придал ему изящную легкость. Но великое современное течение коснулось и русского натуралиста. В едва ли не лучшем из всех произведений Боборыкина, романе-дневнике “Перед чем-то” (в “Сев< верном> вест <нике>”), умный, чуткий и талантливый наблюдатель современной жизни окончательно порывает с традициями условного натурализма. Вероятно, наши рецензенты не оценят этого произведения, как всего слишком оригинального и нового. Борьба мятежного пессимизма Шопенгауэра с пантеистическим примирением Спинозы в душе современного человека, в мрачной, грозной и болезненной атмосфере 90-х годов изображена

с такою силою возвышенного смелого идеализма, до которой немногие из наших современных писателей достигают. С другим прозаиком *И. И. Ясинским* произошел столь же характерный внутренний переворот. У прежнего натуралиста, обращенного в идеализм, осталось многостороннее и безотрадное познание людей, горький и насмешливый опыт, умение рисовать серый фон жизни. Но надо всем этим, как иногда тени высочайших облаков над скучным, пыльным и суетным городом, пролетают веяния какого-то мрачного и обаятельного мистицизма, которые придают произведениям Ясинского таинственную прелесть. Он тоже импрессионист, как Чехов. Я мог бы проследить влияние самых глубоких и болезненных страниц Достоевского на талантливых психологических, иногда психиатрических исследованиях современного безверия, вырождения, сплина и неврастения 80-х годов у *г. Альбова* и *кн. Голицына (Дм. Муравлина)*. Мне кажется также весьма характерным, что автор “Гнилых болот” и “Лес рубят, щепки летят”, *г. Михайлов (А. К. Шеллер)*, знаток и талантливый бытописатель петербургского мелкого чиновничества и буржуазии, так хорошо владеющий мягкими красками городской будничной идиллии, чувствует потребность покинуть знакомую обстановку, из современного Петербурга перенестись не более, не менее, как в древнюю Персию времен царя Атаксеркса, в мир патриархальной фантазии

. Он пишет великолепную экзотическую картину, пишет роман-поэму на библейскую тему — Эсфирь. В этой области *г. Лесков* всю жизнь оставался верным себе. Огромный талант-самородок, вечно неожиданный, оригинальный, близкий к духу народа, он слишком мало оценен нашей поверхностной критикой. Его мистические легенды из “Пролога” — очаровательны. Какая неувядаемая свежесть, какая наивная и младенческая грация! Эти тысячелетние, засохшие цветы, с едва заметным слабым ароматом, заложенные между пыльными пергаментными страницами древнецерковных или раскольничьих книг, — под пером художника каким-то чудом вдруг оживают, распускаются, вспыхивают вешними красками, как только что расцветшие, как только что сорванные...

Читатель может, хоть отчасти, судить по этой беглой заметке, как все литературные темпераменты, все направления, все школы охвачены одним порывом, волною одного могучего и глубокого течения, *предчувствием божественного идеализма*, возмущением против бездушного позитивного метода, неутолимой потребностью нового религиозного или философского примирения с *Непознаваемым*. Всеобъемлющая широта и сила этого страстного, хотя еще не определенного и не признанного, течения заставляет верить, что ему принадлежит великая будущность.] К тому же течению примыкает и современная стихотворная поэзия, из многих талантливых представителей которой я возьму, как наиболее характерных для моего исследования, *К. М. Фофанова* и *Н. М. Минского*.

На одной из художественных выставок я наблюдал с удовольствием крайнее недоумение рассудительных буржуазных лиц перед одной картиной Репина. Это был портрет Фофанова. Художник удачно поместил фигуру поэта на легком дымчато-лазурном фоне. Фофанов гордо и наивно подымает к своему лирическому небу уродливое и вдохновенное лицо. Какое странное видение — для петербургских чиновников и практических барышень! На устах у многих из них я заметил недоверчивую, даже насмешливую улыбку. А между тем на этом изможденном лице было то, чего нет и никогда не будет на многих цветущих здоровьем, благоразумных лицах. Чувствовалось с первого взгляда, что это “*Божьей милостью поэт*”.

Перечтите помещенные в “Русском обозрении” письма Фета. Вы познакомитесь с весьма интересным типом русского эстетика и эпикурейца. Оказывается, что автор “Шепот, робкое дыханье” весьма деловитый и опытный помещик. Как он солидно и практично рассуждает о хозяйстве, о капиталах, о процентах. В его деловых взглядах довольно странная для поэта практическая сухость. С первых слов этих автобиографических писем вы чувствуете, что перед вами человек слишком щедро одаренный житейской мудростью, очень себе на уме и менее всего наивный. Но в скучном, никому не интересном помещике таится другой Фет, которого мы знаем и любим. Очевидно, между Фетом-человеком и Фетом-художником нет никакой внутренней связи, и, конечно, это не служит ко благу художника. Так называемое, и едва ли основательно, реакционными критиками прославленное “чистое искусство” Фета — только благородное и невинное украшение помещичьего досуга (*otium*), дилетантизм человека, проводящего в деревенском уединении между Шопенгауэром, Горацием и хозяйственными счетами приятную жизнь. Да, умеренное эпикурейское служение искусству не требует самопожертвования и героизма, но едва ли наши реакционные эстетики не преувеличили значения и долговечности подобного искусства.

Фофанов, прежде всего, не эпикуреец, подобно Фету, с которым только по внешности он имеет некоторое сходство. Красота для него, может быть, губительное и страшное наслаждение, но, во всяком случае, не мирный отдых, не роскошь. Фофанов, подобно Гаршину, мученической любовью полюбил красоту и поэзию, для него это вопрос жизни и смерти.

Если вы ищете здоровья в искусстве, вам не надо и заглядывать в произведения Фофанова. Я не знаю в русской литературе поэта более неровного, болезненного и дисгармонического. Ничего не стоит вышутить и обнаружить его комические стороны. Едва ли у него найдется и одно стихотворение, от первой до последней строки вполне выдержанное. Холодно или враждебно настроенный критик выберет из произведений Фофанова множество диких и нелепых стихов. Но рядом с ними

встречаются проблески вдохновения высокого. Это — поэзия резких и мучительных диссонансов. Это — поэт городской, порождение тех самых безнадежных петербургских туманов, из которых вышли полубезумные и таинственные герои Достоевского. За каждым его вдохновением вы чувствуете смутный гул никогда не засыпающей столицы, похожий на бред, — в сумраке белых ночей, одиночество бедных меблированных комнат, которое доводит всеми покинутых людей до отчаяния, до самоубийства, декорацию грязных улиц Петербурга, которые вдруг, в известный час вечера, при известном оттенке туманной зари, смешанном с голубоватым отблеском электричества, делаются похожими на фантастический и мрачный сон. Вы начинаете верить, что это — вовсе не шутка, когда поэт говорит вам о страхе безумия, о своей болезни, о нищете, о гибели, что, в самом деле, в руке, писавшей подобные строки, была лихорадочная дрожь, что поэт, говорящий о голоде, знает по опыту, что такое голод. Между рифмами вам слышатся живые стоны живого человека. Вот что всего дороже в поэзии, вот за что можно все простить. За эти капли теплой человеческой крови, прямо из сердца упавшие на страницы книги, можно простить и дикость образов, и неуклюжесть формы, и наивные описания тропической природы, составленные по школьным учебникам географии.

**Столица бредила в чаду своей тоски,
Гонясь за куплей и продажей,
Общественных карет болтливые звонки
Мешались с лязгом экипажей.
Движенью пестрому не виделось конца;
Ночные сумерки сползали,
И газовых рожков блестящие сердца
В зеркальных окнах трепетали.**

Это где-нибудь на углу Большой Садовой, это — самые прозаические магазины гостиного двора. Вообразите себе в будничной толпе, рядом “с куплей и продажей”, неожиданное явление, что-то вроде средневекового миннезингера — поэта с бледным, изможденным и страстно-мечтательным лицом. Как он верит в свое божественное назначение! Нужна сила, чтобы с таким забвением окружающей действительности проповедовать в современной петербургской толпе:

**Вселенная во мне, и я в душе вселенной,
Сроднило с ней меня рождение мое,
В душе моей горит огонь ее священный
А в ней всегда мое разлитое бытие.**

.....
**Покуда я живу, вселенная сияет,
Умру, со мной умрет бестрепетно она;
Мой дух ее живит, живит и согревает,
И без него она ничтожна и темна.**

Попробуйте не согласиться с поэтом или осмеять его. Вполне безоружен и вполне неуязвим, он даже не поймет вашего смеха, и в том — его красота и цельность, что он не понимает возможности сомнения или комизма. Он говорит, как наивный ребенок и “как власть имеющий”, как человек не от мира сего. Я согласен, что это неровные, если хотите, парадоксальные стихи. Но они выстраданы, в них есть трепет жизни. Это не идеально-совершенная, тонкая, филигранная работа лирика-эпикурейца, дилетанта-помещика, Фета. За каждый стих, за каждое, может быть, неумелое слово поэт заплатит всей своею кровью, нищетой и слезами, жизнью и смертью. Разве вы не чувствуете, что это человек искренний? Вот, что пленительно! И Гаршин был искренним, говоря о своем сумасшествии, и Надсон, говоря о своей смерти. Может быть, это люди слабые и даже от слабости погибшие. Но они все-таки дали искусству что-то небывалое, что-то свое, они довели до последних пределов нашу современную скорбь и нашу потребность веры. Фофанов, подобно Гаршину, почти не знает людей, мало знает природу. Его картины однообразны: вечно “янтарные зори”, “бриллиантовые звезды”, “душистые росы”, “белые ночи” — в сущности, довольно устарелый арсенал. Но ведь подобного лирика привлекает не сама природа, а то, что лежит там, за пределом ее. Как неловко он смешивает черты пейзажа, подмеченные где-нибудь на Черной речке или в Новой Деревне, с фантастическими оттенками своего внутреннего мира, с царством фей. Все предметы, все явления для него в высшей степени *прозрачны*. Он смотрит на них как на одушевленные иероглифы, как на живые символы, в которых скрыта божественная тайна мира. К ней одной он стремится, ее одну он поет! В современной бездушной толпе это больше, чем мистик, это — *ясновидящий*, один из тех редких и странных людей, которых древние называли *vales*.

Нигде так не чувствуешь прелести весны, как в Петербурге. Надо прожить семь, восемь месяцев в душевной комнате без воздуха, без солнца, без листьев, чтобы понять, какая это радость, какое умиление — наша северная весна.

Городскую поэзию Фофанова можно бы сравнить с благоуханием только что распустившихся деревьев между стенами петербургских домов. Среди болезни, лихорадочного бреда, нищеты, сперттого комнатного воздуха, тяжелого сплина, близкого к сумасшествию, вы чувствуете вдруг эту робкую, беспомощную ласку неумирающей поэтической молодости, вечной весны. У немногих счастливых и здоровых поэтов она кажется такой упоительной!

Представитель другого течения в современной русской поэзии — Минский. Фофанов непосредственный, почти бессознательный талант. Влияние культурной среды на него ничтожно. И если хотите, в этом — непоправимая слабость Фофанова, которая навеки ограничивает круг его деятельности. Он никогда не вырвется из заколдованного сна, из царства фей, не вступит в современную умственную жизнь. Минский — поэт мысли и, как ни странно сочетание этих двух слов, оно вполне возможно в новой литературе — поэт-критик.

Развитие его таланта весьма характерно для истории современного поколения. Начал он с подражаний Некрасову, с так называемых “гражданских” мотивов поэзии. Это была довольно неудачная и слабая попытка. В его “Песнях о родине”, в “Белых ночах” едва ли найдется хоть одна строка, которая могла бы напомнить могучую, страстную и гневную поэзию Некрасова. Все в этих гражданских монологах — холодно и напыщенно. А между тем из произведений Минского только “Песни о родине” и “Белые ночи” имели внешний успех. Критики-публицисты почувствовали здесь родственную банальность, студенты и курсистки, лет пятнадцать тому назад, переписывали из “Вестника Европы” в отдельные альбомы и тетради:

О, родина моя, о, родина терзаний!

Но вот искренний, оригинальный поэт проснулся в холодном гражданском риторе, и Минский, свернув с гладкой, большой дороги, нашел свою уединенную, тернистую и опасную тропинку. Это глубоко современное внутреннее перерождение, хорошо знакомое людям 80-х годов, он сам описал в интересной книге, потерпевшей полную неудачу, осмеянной и, так сказать, растоптанной всеми литературными партиями. Она озаглавлена несколько вычурно “При свете совести”. Несмотря на газетно-журнальные гонения, книга эта обратила на себя внимание немногих чутких людей, и, кто знает, может быть, она послужит любопытным документом будущему историку русского мистического движения в конце XIX века. Меня мало интересует метафизическая система Минского, это странный вымысел поэта, оригинальное возрождение пламенного гностицизма древней Александрии III и IV века в современном Петербурге, между Бурениным и Скабичевским. Но мне кажется глубоко искренней и весьма знаменательной для умственной эпохи, переживаемой нами, исповедь поэта. Здесь та же скорбь, то же мучительное беспокойство и страстная потребность нового идеализма, как у всех молодых писателей: у Гаршина, Фофанова, Чехова. То, что было святыней прошлого поколения, народнический реализм, гражданские мотивы в искусстве, вопросы общественной справедливости вовсе не исчезают для людей современного поколения, подобных Минскому: они только переносятся на более широкую арену. Вопросы о бесконечном, о смерти, о Боге — все, что позитивисты хотели насильно отвергнуть, все, что является у Толстого, Тургенева, Достоевского в такой обаятельной и художественной форме, возникает снова, но уже без прежней красоты, почти без образов, во всей своей трагической наготе, обостренное, невыносимо мучительное — в философском трактате, похожем на исповедь, и философской лирике, похожей на страницы из дневника человека, больного медленной, но смертельной болезнью.

Это — старая, неизлечимая болезнь XIX века. Предвидел и точно рассказал ее симптомы, еще в тридцатых годах, самый благородный и возвышенный из русских лириков-философов — Е. А. Баратынский.

**Все мысль, да мысль! Художник бедный
слова!**

О, жрец ее! тебе забвенья нет:

Все тут, да тут и человек, и свет,

И смерть, и жизнь, и правда без покров.

И поэт, мученик мысли, завидует беззаботному артисту-эпикурейцу, который черпает забвение в чувственной красоте, — владеет красками, звуками, мрамором.

Есть хмель ему на празднике мирском.

Но пред тобой, как пред нагим мечом,

**Мысль, острый луч! бледнеет жизнь
земная**

Разрушительная, безнадежная и все-таки вдохновенная диалектика преобладает у Минского над непосредственным чувством.

Эта поэзия не обещает никакой радости, не заботится о том, чтобы пленить или понравиться; нет, она, скорее, уязвляет сердце, причиняет ему боль. Ее вдохновение в тонкой, незаметной для толпы, высшей *иронии*, в ненависти к старым богам! Мысль в такой поэзии является без покровов, без образов, почти без красоты, холодная, обнаженная, по выражению Баратынского, “острая, как луч”, и дерзновенная. И все в жизни перед ней отступает, все разлагается и бледнеет — любовь, вера, сама поэзия. Но, в конце концов, после иронии, после отрицания, в душе поэта остается то, чего мысль не могла разрушить, то, перед чем сама она разлагается и бледнеет: это — скорбь о невозможной святине, безнадежная потребность веры, неутолимая жажда Бога:

**Лишь то, что мы теперь считаем
праздным сном,
Тоска неясная о чем-то неземном,
Куда-то смутные стремленья,
Вражда к тому, что есть, предчувствий
робкий свет
И жажда жгучая святых, которых нет;
Одно лишь это чуждо тленья...**
.....
**И потому не тот бессмертен на земле,
Кто превзошел других в добре или
во зле,
Кто славы хрупкие скрижали
Наполнил повестью бесцельною, как
сон,
Пред кем толпы людей — такой же прах,
как он,
Благоговели иль дрожали.
Но всех бессмертней тот, кому сквозь
прах земли
Какой-то новый мир мерещился вдали,
Несуществующий и вечный,
Кто цели неземной так жаждал
и страдал,
Что силой жажды сам мираж себе
создал
Среди пустыни бесконечной.**

Публика наша до сих пор с младенческим недоумением внимает философскому языку. Она или чувствует, или рассуждает, но не научилась — *мыслить*. Самая глубокая и страстная поэзия мысли ей почти недоступна. Наши критики не умеют отличить рассудочной риторики от выстраданной и вдохновенной идеи поэта-философа.

Лучшая похвала такому писателю, как Минский, та, которой Пушкин почтил непонятого и отвергнутого русской критикой Баратынского: “Он оригинален, ибо мыслит... он шел своею дорогою, один и независим”. [И здесь поневоле мне приходится оставить весьма важные пробелы в моем очерке. Я выбрал только двух представителей современной русской поэзии, как наиболее характерные явления того литературного поворота к идеализму, которым я занимаюсь. Если бы задача моя заключалась в более подробном изучении поэзии, я должен бы начать с произведений истинных преемников Пушкина и Лермонтова, я должен бы показать, как возвышенный идеализм XIX века отразился на олимпийски-лучезарной, могучей и блаженной поэзии *А. Н. Майкова*. *Я. П. Полонского*, *Мя* и в особенности *Тютчева*. Значение Фета несколько преувеличено. Тонкие ценители поставят, конечно, выше Фета менее признанного, но более глубокого поэта-философа, неподражаемо-прекрасного Тютчева. Это не певец толпы, это — *певец певцов*. Такой же искренний и непосредственный лирик *Я. П. Полонский*. Недаром Тургенев любил его и понимал. Это один из немногих современных людей, сохранивших с природою древнюю, священную и таинственную связь. В его лучших песнях, по-моему, больше сумеречного, *безглагольно-прекрасного*. похожего на откровения природы, чем в искусственно-филигранной и довольно слащавой лирике Фета. К старшему поколению поэтов принадлежит еще один писатель, который стоит между ними особняком — *А. Н. Плещеев*. Его поэзия отличается удивительной простотой и ясностью формы. Некоторые ошибочно принимают эту простоту за бедность. Дети, иногда лучшие судьи в поэзии (“*Будьте просты как дети*” относится и к области красоты), недаром так любят и так

верят, когда Плещеев с ними говорит. Это — муза нежной и покорной меланхолии, того, что Шиллер называл Resignation, муза русской печали. Она недоступна пресыщенным, скептически-равнодушным эстетикам, ее поймут только люди очень простые, даже несколько наивные в поэзии и “чистые сердцем”. Лучше всего то в стихах А. Н. Плещеева, что вы невольно чувствуете в них светлую, тихую и прекрасную душу человеческую. Я мог бы остановиться на С. Я. Надсоне, который, впрочем, уже вполне оценен и понят нашими рецензентами. Сознание болезненного бессилия, разочарование в утилитарных идеалах, страх перед тайною смерти, тоска безверия и жажда веры — все эти современные мотивы Надсона произвели быстрое и глубокое впечатление даже не столько на *молодое*, как на *отроческое* поколение 80-х годов. Я должен бы указать на то, как возрождение свободного религиозного чувства отразилось в лучшем из произведений г. Апухтина “Год в монастыре”, Апухтина, одного из самых нежных, изящных и благородных преемников Полонского и Тютчева. Наконец я должен бы отметить, как великое *успокоение в природе*, примирение с жизнью и смертью, то глубочайшее русское смирение, которое напоминает божественную “Нирвану” Будизатавы, вдохновляет лучшие произведения гр. *Голенищевой-Кутузова*, как, напр. “Рассвет”, эту чуждую поэму, совершенно не понятую и не оцененную критиками. Если бы все эти разрозненные явления, еще до сих пор не связанные и не разработанные ни одним исследователем, соединить в одну живую картину, в одно громкое и непреложное свидетельство, может быть, и самый скептический читатель почувствовал бы, как много скрытых сил дремлет в современной русской поэзии.]

В другом месте Пушкин замечает: “У нас литература не есть потребность народная. Писатели получают известность посторонними обстоятельствами, публика мало ими занимается; класс писателей ограничен, и им управляют журналы, которые судят о литературе, как о политической экономии, о политической экономии, как о музыке, т. е. набум, понаслышке, без всяких основательных правил и сведений, а большей частью по личным расчетам”. Пушкин писал это в 31 году. Через 60 лет можно повторить его отзыв в применении к современной русской литературе. Мы выйдем из этого всеобщего недоразумения, из этого литературного хаоса только в том случае, если наконец прекратится порабощение искусства бесплодными *механизмами поэзии* — критикам-публицистам, если раздастся искренний голос художника об искусстве.

С. А. Андреевский по своему художественному темпераменту — истинный поэт-критик. В его стихотворениях есть иногда женственная прелесть и грация, но все-таки он более самостоятельный и оригинальный художник в своих критических работах. Его превосходные монографии русских писателей — Тургенева, Лермонтова, Толстого, Баратынского, Некрасова, Достоевского — похожи на портреты, набросанные быстрыми, воздушно-легкими штрихами карандаша, но удивительные по живому сходству с оригиналом, изящной простоте и проникновению в личность писателя. Если хотите, это — все тот же глубоко современный род литературы, сжатые маленькие поэмы в прозе, как рассказы Чехова и Гаршина, только поэмы критические. Во всяком случае, как не похожи они в своем благородном художественном *лаконизме* на многословные, отменно длинные и тяжеловесные трактаты наших присяжных критиков-публицистов, пишущих слогом политических передовых статей. Впечатление от прекрасного можно передать только прекрасным языком, а не уродливым, бездушным “волапоком” газетно-журнальных отчетов. Когда, напр., г. Скабичевский восторгается Некрасовым или Лермонтовым, он употребляет такой стиль, как будто говорит о подоходном налоге в России или о последнем заседании городской думы.

На художественном языке очерков Андреевского вы чувствуете как бы отблеск и благоухание поэзии того писателя, которым он занимается. За любимой книгой он всегда видит живого человека, родственную ему, страдающую душу писателя. Не публицист говорит о представителе отвлеченных идей, а человек о человеке, художник о художнике. Правда, у Андреевского нет объективного и строго научного анализа. Но зато глубокое вдохновение такой *субъективно-художественной* критики — *живая любовь*. Только любовь делает возможным проникновение в душу поэта.

Сколько было написано о Лермонтове, как ожесточенно публицисты спорили об его общественных и политических идеях, как тщательно и кропотливо добросовестные издатели сравнивали черновые наброски, как много было порчено бумаги на яростную полемику между серьезными профессорами и журналистами по поводу незначительных вариантов! И все эти исследователи ходили только *вокруг* художника, никто не постарался и не сумел войти в *его внутренний мир*, никто не вступил — по выражению Гёте — “на его почву”, ни для кого Лермонтов не был попросту живым, родственным и близким человеком. Но поэт подошел к поэту — и тайна открылась. Он сказал искреннее и потому глубокое слово. В самом деле едва ли не лучшее, что написано на русском языке о Лермонтове, — маленькая художественная монография Андреевского. После мертвой книжной эрудиции вы как будто говорите с человеком, лично знавшим Лермонтова, полюбившим живого поэта, а не отвлеченного представителя газетно-журнальных идей, пригодных для полемики.

Такой критик, свободный в своих суждениях, стоит выше враждующих литературных партий и лагерей. Сочувствие жизненной трезвости, сатире, могучему гражданскому вдохновению Некрасова не мешает Андреевскому понимать и далекую от вседневной жизни философию Баратынского и мистицизм Лермонтова, “огорченного своим божественным происхождением”. Он высоко ценит социальные мотивы Достоевского и не объявляет Л. Толстого реакционным писателем за его сомнения в идеалах человеческой культуры.

Новый критик обладает качеством едва ли не самым редким в русской литературе — искренним уважением к нравственной свободе писателя, *высшей культурной терпимостью*. Пусть литературные лагеря враждуют, спорят и уничтожают друг друга в бесконечной и бесплодной полемике. Поэт понимает поэта. Один дружественный знак, одна улыбка разрушает преграды, воздвигнутые яростными журнальными партиями. Они — дети одной великой семьи. Здесь царствует полная свобода и полная терпимость. Эту художественную терпимость Андреевского должно приветствовать, как явление еще небывалое в русской современной литературе.

Но терпимость вовсе не предполагает отсутствия страстного личного отношения и личного вкуса. Так же, как во многих из его современников, в Андреевском чувствуется охлаждение к утилитарному и позитивному искусству, признаки того же мистического веяния, которое пронеслось над всей европейской литературой. Как писатель относится к вечным вопросам о Боге, о смерти, о любви, о природе всего более интересует нового критика, т. е. именно та сторона поэзии, мимо которой прежнее поколение публицистов проходило с равнодушием и непониманием: как будто все общественные идеалы, земная справедливость и равенство не основываются на этих вечных, легкомысленно отвергнутых и теперь с новой силой, с новой болью вернувшихся вопросах.

Тот же характерный поворот к философскому настроению я должен отметить и в другом современном критике, В. Д. Спасовиче.

По времени своей деятельности, по своим годам Спасович принадлежит прошлому поколению. Но все-таки я не могу считать его стариком. По своей неутомимой энергии, удивительной отзывчивости на самые последние потребности жизни, по избытку увлечения и неувядаемой поэзии — он молод. По крайней мере, эта молодая старость более похожа на страстную и вдохновенную пору жизни, чем молодость многих современных юношей. Вот почему я с полным правом могу отнести Спасовича не к прошлому, а к новому литературному поколению.

Работы его о Байроне, Мицкевиче, Словацком, Лермонтове, Пушкине написаны превосходным языком. Вот первый и несомненный признак критического таланта! Необходимое условие художественной критики — *художественная, а не ремесленная форма самой критики*.

В языке Спасовича вы чувствуете не совсем великорусский акцент, который не только не портит, а, напротив, придает оригинальную свежесть и простоту его стилю. Этот акцент стирает условную, мертвую эмаль нашего современного литературного языка и приближает его к источнику всякой крепости и силы, к духу живой народной речи: ибо все-таки чистая стихия русского языка — общая, древнеславянская стихия. У Спасовича нет этой, любезной всем банальным писателям, предательской *гладкости* языка, удобной для выражения таких же гладких и бесцветных мыслей. Он, не заботясь о своем красноречии, страстно и нетерпеливо хочет высказать мысль, не ищет образов: они, сами невольно слетая с его языка, напоминают меткие народные пословицы. Среди обширной эрудиции, среди ученых цитат, ссылок, точных и упорных исследований в этом сильном языке вспыхивают искры поэтического вдохновения: так под огромным тяжелым молотом кузнеца, который думает только о работе, а не о красоте, сами собой вспыхивают дивно прекрасные огненные искры!

И, несмотря на прелестный и наивный славянский акцент, несмотря на простоту и близость к живому духу народа, вы чувствуете в критике огромную образованность. Прочтите замечательное исследование о Байроне. Про эту статью можно сказать то же, что Пушкин говаривал о статьях Вяземского — вот критика *европейская*. Явление неоченимое в современной русской литературе! Больше всего нашим публицистам, даже самому талантливому из них, Белинскому, недостает *европейской образованности*. Уж нечего говорить о современных рецензентах. Эта высшая степень *культурности* придает Спасовичу столь редкую у нас философскую широту и свободную терпимость критических взглядов.

Так же, как все люди нового поколения, Спасович — идеалист. Его не удовлетворяет ни условный народнический реализм наших критиков-публицистов, ни позитивное искусство. С глубоким сочувствием отмечает он в Байроне, Мицкевиче, Лермонтове божественный идеализм веры и скорби, идеализм мятежный, дерзновенный и освободительный, стремящийся к великому обновлению человечества.

По тому же пути, только в другой области, идет Вл. С. Соловьев. На примере Соловьева видно, как в новом человеке возможно это сочетание глубокого религиозного чувства с искренней и великой жадной земной справедливости. До сих пор русские публицисты считали мистическое чувство явным признаком реакционных симпатий, и как бы оно ни было свободно, признавали его в некотором роде изменой либеральному знамени, даже отступничеством. Предрассудок понятный во внешних условиях нашей общественной жизни. Это — наследие великого либерального просвещения XVIII века.

Конечно, не художественный пантеизм Гёте и не божественная скорбь Байрона, а католический *догматизм* в Западной Европе слишком долго служил знаменем всех омертвевших средневековых начал. Исторические формы божественного идеализма слишком долго были опасным орудием порабощения и унижения человеческого духа. В России великое и плодотворное движение шестидесятых годов, благодаря особенностям русского народного темперамента, сопровождалось трезвостью утилитарной и позитивной, практической деловой сухостью, отрицанием красоты и поэзии, т. е. высшего расцвета европейской освободительной культуры, наконец, презрением к величайшим вопросам жизни, т. е. к вопросам религии и христианской нравственности. Но развенчанная прозаическая, утилитарная свобода и утилитарная справедливость никогда не пленят сердца человеческого. После многих лет, как в молодые годы у Пушкина, у Белинского, у всех лучших русских людей, любовь к народу и общественная справедливость снова являются у Вл. Соловьева *как идеал бесконечный и божественный, как святость, как вдохновение, в ореоле красоты и поэзии.*

Никакие позитивные выгоды, никакой утилитарный расчет, а *только творческая вера во что-нибудь бесконечное и бессмертное* может зажечь душу человеческую, создать героев, мучеников и пророков. А ведь и до сих пор не одна промышленность, военные снаряды, пар, машины и электричество двигают народами, но и бескорыстное самопожертвование избранников Духа Божия. XVIII век и его ограниченный скептицизм не правы. Нет! Людям нужна вера, нужен экстаз, нужно священное безумие героев и мучеников.

Только бесконечное мы можем любить бесконечной любовью, т. е. любить до самоотречения, до ненависти к собственной жизни, до смерти. А без этой любви земля превратится в ледяную глыбу, хотя бы лед и застыл по всем геометрическим законам утилитарной и позитивной механики.

Без веры в божественное начало мира нет на земле красоты, нет справедливости, нет поэзии, нет свободы!

Несмотря на скуку, бездействие, порчу языка, газетно-журнальную анархию, отсутствие крупных талантов и непонятный застой, мы переживаем один из важнейших моментов в историческом развитии русской литературы. Это — подземное, полусознательное и, как в начале всякая творческая сила, невидимое течение. Тайные побегии новой жизни, новой поэзии слабо и непобедимо пробиваются на свет Божий, пока на поверхности достигает последних пределов торжество литературной пошлости и варварства.

Мы видели, что русские писатели предшествующего поколения с небывалою гениальною силою выразили, несмотря на внешний реализм бытового романа, неутолимую мистическую потребность XIX века. И в широких философских обобщениях, в символах Гончарова, и в художественной чувствительности, в импрессионизме, в жажде фантастического и чудесного у разочарованного, ни во что не верующего скептика Тургенева, и главным образом, в глубокой психологии Достоевского, в неутомимом искании новой правды, новой веры Льва Толстого — всюду чувствуется возрождение вечного идеального искусства, только на время омраченного в России — утилитарно-народническим педантизмом критики, на Западе — грубым материализмом экспериментального романа. Современное поколение молодых русских писателей пытается продолжать это движение.

Перед нами — огромная, так сказать переходная и подготовительная работа. *Мы должны вступить из периода поэзии творческого непосредственного и стихийного в период критический, сознательный и культурный!* Это два мира, между которыми целая бездна. Современное поколение имело несчастье родиться между этими двумя мирами, перед этой бездной. Вот чем объясняется его слабость, болезненная тревога, жадное искание новых идеалов и какая-то роковая бесплодность всех усилий. Лучшая молодость и свежесть таланта уходит не на живое творчество, а на внутреннюю ломку и борьбу с прошлым, на переход через бездну *к тому краю, к тому берегу*, к пределам свободного божественного идеализма. Сколько людей погибает в этом переходе или окончательно теряет силы.

Великая позитивная и научная работа последних двух веков, конечно, не прошла даром. Возрождение средневековых *догматических* форм уже немислимо. Потому-то стародавний, вечный идеализм в искусстве мы имеем право назвать новым, что он является в сочетании еще небывалом с последними выводами точных знаний, в свете безгранично-свободной научной критики и научного натурализма, как не истребимая никакими сомнениями потребность человеческого сердца.

Может быть, современное поколение перед этой огромной задачей *сознательного* литературного воплощения свободного божественного идеализма окажется бессильным, может быть, оно даже погибнет под ее тяжестью.

Однажды, во время Севастопольской кампании, русские солдаты шли на приступ. Между нашими и враждебными укреплениями был глубокий ров. Первые ряды пали и наполнили рavelин телами мертвых и раненых. Следующие ряды прошли по трупам. Такие *равелины* бывают в истории. Через них иначе нельзя пройти, как по мертвым телам.

Впрочем, если даже современному поколению суждено пасть, ему дана радость, едва ли не единственная на земле, ему дано увидеть самый ранний луч, почувствовать первый трепет Новой жизни, первое веяние великого будущего.

Когда Дух Божий пронесется над землей, никто из людей не знает, откуда Он летит и куда... Но противиться ему невозможно.

Он сильнее человеческой воли и разума, сильнее жизни, сильнее самой смерти.

1892 г.

<http://balmont.lit-info.ru/balmont/proza/articles/article-15.htm>

Константин Бальмонт. Элементарные слова о символической поэзии

Константин Бальмонт

Элементарные слова о символической поэзии

Если вы, отрешившись от наскучившей вам повседневности, одиноко сядете у большого окна, перед которым, как и отлив, непрерывно движется толпа проходящих, вы через несколько мгновений будете втянуты в наслаждение и мысленно сольетесь с этим движущимся разнообразием. Вы будете невольно изучать, с той быстротой, какая лишь возбуждением, этих, на мгновение возникающих, чтобы тотчас же скрыться, знакомых незнакомцев. В гнущихся улыбках, в случайных движениях, в мелькнувших профилях, вы угадаете скрытые драмы и романы, и чем вы будете смотреть, тем яснее вам будет рисоваться незримая жизнь за очевидной внешностью, и все эти призраки, и кажется, что они живут, предстанут перед вами лишь как движущиеся ткани, как создания вашей собственной души. Они все наконец сольются в один общий поток, управляемый вашей мыслью, и, восприняв красоту и сложность души, образуют с вами одно неразрывное целое, как радиусы с центром. Мир станет фантазмагорией, созданной вами, что вы слишком долго и пристально глядели на неистощимый поток людей, сидя одиноко, у большого окна.

Между тем, если бы вы находились сами в этой толпе, принимая равноправное участие в ее непосредственных действиях, неся ярмо повседневности, вы, пожалуй, не увидели бы в этой толпе ничего, кроме обыкновенного скопления в определенный час, на определенной улице.

Таковы две разные художественные манеры созерцания, два различных строя художественного восприятия - реализм и символизм.

Реалисты всегда являются простыми наблюдателями, символисты - всегда мыслители.

Реалисты схвачены, как прибором, конкретной жизнью, за которой они не видят ничего, - символисты, отрешенные от действительности, видят в ней только свою мечту, они смотрят на жизнь - из окна. Это потому, что каждый из них, хотя бы самый маленький, старше каждого реалиста, хотя бы самого большого. Один еще в рабстве у материи, ушел в сферу идеальности.

Две различные манеры художественного восприятия, о которых я говорю, зависят всегда от индивидуальных особенностей того или другого писателя, и лишь иногда внешние обстоятельства исторической обстановки соответствуют тому, а или другая манера делается господствующей. В эпоху 16-го и 17-го века, почти одновременно, два различных гения - Шекспир и Мильтон - живым воплощением обеих литературных манер. Шекспир создал целый ряд гениальных образцов реальной поэзии, Мильтон явился предшественником наших дней, создателем драм, отмеченных красотой символической поэзии. Конечно, исторические данные того и другого писателя в значительной степени предreshали их манеру творчества, Англия - страна гениальных деяний, Испания - страна неправдоподобных предприятий и религиозных безумств. Но историческая эпоха, в смысле воздействия на личность, была полна как в Англии, так и в Испании, однородных элементов:

льного могущества, индивидуального блеска и грез о всемирном господстве. Притом же, если брать совершенно иную обстановку, можно указать, что в одной и той же Испании одновременно существовал реалист Лопе де Вега и ист Кальдерон, в одной и той же Англии жили одновременно реалист Шекспир и декадент Джон Форд.

Совершенно таким же образом и в течении 19-го века мы видим одновременное существование двух противоположных литературных направлений. Наряду с Диккенсом мы видим Эдгара По, наряду с Бальзаком и Флобером - , наряду с Львом Толстым - Генриха Ибсена. Нельзя, однако, не признать, что чем ближе мы к новому столетию, тем живее раздаются голоса поэтов-символистов, тем острее становится потребность в более утонченных способах ния чувств и мыслей, что составляет отличительную черту поэзии символической.

Как определить точнее символическую поэзию? Это поэзия, в которой органически, не насильственно, сливаются эрзания: скрытая отвлеченность и очевидная красота, - сливаются так же легко и естественно, как в летнее утро воды рмонически слиты с солнечным светом. Однако, несмотря на скрытый смысл того или другого символического дения, непосредственное конкретное его содержание всегда закончено само по себе, оно имеет в символической самостоятельное существование, богатое оттенками.

Здесь кроется момент, резко отграничивающий символическую поэзию от поэзии аллегорической, с которой ее смешивают. В аллегории, напротив, конкретный смысл является элементом совершенно подчиненным, он играет ную роль и сочетается обыкновенно с дидактическими задачами, совершенно чуждыми поэзии символической. В лучае мы видим родственное слияние двух смыслов, рождающееся самопроизвольно, в другом насильственное их ие, вызванное каким-нибудь внешним соображением. Аллегория говорит монотонным голосом пастора, или о-поучительным тоном площадного певца (разумею этот термин в средневековом смысле). Символика говорит нным намеков и недомолвок нежным голосом сирены, или глухим голосом сибиллы, вызывающим предчувствие.

Символическая поэзия неразрывно связана с двумя другими разновидностями современного литературного тва, известными под названием декадентства и импрессионизма.

Я чувствую себя совершенно бессильным строго разграничить эти оттенки, и думаю, что в действительности это жно, и что, строго говоря, символизм, импрессионизм, декадентство суть ничто иное как с о л о г и ч е с к а я л и р и к а, меняющаяся в составных частях, но всегда единая в своей сущности. На деле, три эти течения то идут параллельно, то расходятся, то сливаются в один поток, но, во всяком случае, они ся в одном направлении, и между ними нет того различия, какое существует между водами реки и водами океана. , если б непременно нужно было давать определение, я сказал бы, что импрессионист - это художник, говорящий ли субъективно пережитыми и частичными указаниями воссоздающий в других впечатление виденного им целого. Я бы также, что декадент, в истинном смысле этого слова, есть утонченный художник, гибнущий в силу своей нности. Как по называет самое слово, декаденты являются представителями эпохи упадка. Это люди, которые мыслят вуют на рубеже двух периодов, одного законченного, другого еще не народившегося. Они видят, что вечерняя заря а, но рассвет еще спит где-то за гранью горизонта; оттого песни декадентов - песни сумерек и ночи. Они ивают все старое, потому что оно потеряло душу и сделалось безжизненной схемой. Но, предчувствуя новое, они, просшие на старом, не в силах увидеть это новое воочию, - потому в их настроении, рядом с самыми восторженными ами, так много самой большой тоски. Тип таких людей - герой ибсеновской драмы, строитель Сольнес: он падает с пни, которую выстроил сам. Философ декадентства - Фридрих Ницше, погибший Икар, сумевший сделать себя м, но не сумевший дать своим крыльям силу вынести жгучесть палящего всевидящего солнца.

Глубоко не правы те, которые думают, что декадентство есть явление реакционное. Достаточно прочесть одно ое стихотворение Бодлера, "Prière", чтобы увидеть, что здесь мы имеем дело с силой освободительной.

Хвала великому святому Сатане!
Ты в небе царствовал. Теперь ты в глубине
Пучин отверженных поруганного ада.
В безмолвных замыслах теперь твоя услада.
Дух вечно-мыслящий, будь милостив ко мне,
Прими под сень свою, прими под древо знания
В тот час, когда, как храм, как жертвенное зданье,
Лучи своих ветвей оно распространит
И вновь твое чело сияньем осенит.

Владыка мятежа, свободы и сознания!

Равным образом глубоко заблуждаются те, которые думают, что символическая поэзия создана главным образом ими.

Это заблуждение было обусловлено несправедливой гегемонией французского языка, благодаря которой все, что по-французски, читается немедленно большой публикой, между тем как талантливые и даже гениальные создания, вышедшие по-английски, по-русски или на одном из скандинавских языков, до последнего времени ждали десятки лет, чтобы войти в широкое русло и занять определенное место в числе произведений, читаемых тысячами.

Подчеркиваю этот факт: все, что было создано гениального в области символической поэзии 19-го века, за редкими исключениями, принадлежит англичанам, американцам, скандинавам, немцам, не французам.

Вот имена наиболее выдающихся символистов, декадентов и импрессионистов: - в Англии: Вильям Блэк, Шелли, Деант, Данте Россетти, Теннисон, Суинберн, Оскар Уайльд; в Америке: величайший из символистов, Эдгар По и знаменитый певец личности Уолт Уитмен; в Скандинавии: Генрих Ибсен, Кнут Гамсун и Август Стринберг; в Германии: Христьян Ницше и Гауптман; в Италии: Д'Аннунцио; в России: Тютчев, Фет, Случевский; в Бельгии: Метерлинк, Верхарн; во Франции: Бодлер, Вилье де Лиль-Адам, Гюисманс, Рембо {Надо назвать также Верлена и Малларме, но их слава так велика, что о них даже неприятно упоминать: в литературной перспективе они занимают место им неподобающее.}.

Первым символистом 19-го века, первым и в смысле хронологическом и в смысле крупных размеров писательской индивидуальности, был американский поэт Эдгар По, писавший в 30-х и 40-х годах 19-го века, но занявший незыблемое место в литературе лишь недавно, за последние двадцать пять лет. Имя его тесно соединено в Европе с именем гениального поэта, который много содействовал его популярности, переводя на французский язык лучшие его фантазии. Бодлер развил идеи По, которые Эдгар По не успел высказать или не имел возможности договорить, придал символизму особую форму, которая получила в истории литературы наименование декадентской, и написал целый ряд самостоятельных произведений, расширяющих область символической поэзии.

Возьмем по образцу из того и другого поэта и попытаемся оформить вызываемые ими впечатления. Считаю возможным сказать, что я не хочу предрешать впечатление в других, а укажу только, какое настроение могут вызывать в читателе произведения, окрашенные символизмом. Беру одно из лучших стихотворений Эдгара По, "Эль-Ли".

Это было давно, это было давно,
В королевстве приморской земли.
Там жила и цвела та, что звалась всегда,
Называлась Аннабель-Ли.
Я любил, был любим, мы любили вдвоем,
Только этим мы жить и могли.
И любовью дыша, оба были детьми,
В королевстве приморской земли:
Но любили мы больше, чем любят в любви, -
Я и нежная Аннабель-Ли;
И, взирая на нас, серафимы небес
Той любви нам простить не могли.
Оттого и случилось когда-то давно,
В королевстве приморской земли, -
С неба ветер повеял холодный из туч,
Он повеял на Аннабель-Ли;
И родные толпою печальной сошлись,
И ее от меня унесли,
Чтоб навеки ее положить в саркофаг,
В королевстве приморской земли.
Половины такого блаженства узнать
Серафимы в раю не могли, -
Оттого и случилось /как ведомо всем

В королевстве приморской земли/, -
Ветер ночью повеял холодный из туч
И убил мою Аннабель-Ли.
Но, любя, мы любили сильнее и полней
Тех, что старости бремя несли, -
Тех, что мудростью нас превзошли, -
И ни ангелы неба, ни демоны тьмы
Разлучить никогда не могли,
Не могли разлучить мою душу с душой
Обольстительной Аннабель-Ли.
И всегда луч луны навевает мне сны
О пленительной Аннабель-Ли;
И зажжется ль звезда, вижу очи всегда
Обольстительной Аннабель-Ли;
И в мерцанье ночей я все с ней, я все с ней,
С незабвенной - с невестой - с любовью моей,
Рядом с ней распростерт я вдали,
В саркофаге приморской земли.

Какой смысл скрывается за стильной внешностью этой баллады?

Человек может любить нечеловечески яркой и сильной любовью только раз. В те дни, когда душа еще не искажена, ность не греза, а действительность, мы живем в сказочном царстве фантазии, омываемом вечношумящими водами ободного моря. Нам кажется, что жизнь вся создана для любви, - но мы перестали бы быть людьми, мы превзошли э ангелов, если бы эта единственная вспышка была не беглым огнем, а непрерывным светом. Незабываемая первая умирает от первого соприкосновения с действительностью. Чем-то далеким она становится от нас: она кажется нам нными останками, сокрытыми где-то на берегу моря, сокрытыми в том уголке нашей души, где еще сохранилась юсть непосредственных порывов, не связанных ничем. И, если мы любим в себе лучшие черты человечности, если мимся стать выше будней, никакие волнения жизни, ни светлые, ни темные, не будут в силах погасить эту первую о чувства, безоблачного, как небо, и далекого, как оно; оно будет, правда, только воспоминанием, оно будет о в саркофаге, но мы с ним будем неразлучны в ночные часы, в ясновидящие часы созерцательных радостей, и при свете огней, горящих не на земле, до нас будет доноситься смутный гул морских свободных волн, бессмертный кеана, говорящий о том, чего забыть нельзя.

Возьмем образец символической поэзии из Бодлера.

Смерть влюбленных

Постели, нежные от ласки аромата,
Как жадные гроба, раскроются для нас,
И странные цветы, дышавшие когда-то
При блеске лучших дней, вздохнут в последний раз.
Остаток жизни их, почуяв смертный час,
Два факела зажжет, огромные светила,
Сердца созвучные, заплавав, сблизят нас, -
Два братских зеркала, где прошлое почило.
В вечернем таинстве, воздушно-голубом,
Мы обменяемся единственным лучом,
Прощально-пристальным, и долгим, как рыданье.
И Ангел, дверь поздней полуоткрыв, придет,
И, верный, оживит, и, радостный, зажжет -
Два тусклых зеркала, два мерные сиянья.

Что заставило двоих влюбленных решиться вместе умереть, мы этого не знаем. Смерть влюбленных всегда окутана Но надо думать, что, если они решились расстаться с такой единственной вещью, как их жизнь, у них были глубокие ы, делающие их смерть вдвойне трагической и красивой. Они устали жить, или им нельзя больше жить. Уединившись

, в той комнате, где они столько любили, в вечерней полупрозрачной мгле, мистически-таинственной и воздушно-и, они склонились на постель, которая будет им нежным гробом, соединит в одном объятии любовь и смерть. Возле ят цветы, жившие вместе с ними душистой жизнью, в те дни, когда им светило не вечернее небо, а утреннее и . Странными кажутся им эти отцветающие растения в этот последний миг, когда все кажется странным, новенным, возникающим в первый раз. Вдыхая аромат цветов, умирающих вместе с ними, они начинают дышать им - воспоминание сближает их сердца до полного слияния, заставляет их вспыхнуть, как два гигантских факела - в их как в двух зеркальных сферах, отражаются все картины пережитого, воскрешенные силой любви. Внимая голосам их ощущений, достигая вершины страсти и нежности, влюбленные обмениваются единственным прощальным м - единственным, потому что нужно решиться умереть, чтобы так взглянуть. Проходит мгновение, и телесная жизнь и, тускнеют зеркала, отражавшие бурю волнений, гаснут сердца - светоносные факелы. Но любовь сильнее самой Воплощение запредельного света, Ангел, радуясь такому могуществу чувства, верный велениям своей сущности, ий каждую любовь, полутворяет дверь - бессмертный подходит к душам смертных, и, соединяя их в загробном ;, оживляет снова влюбленные светильники.

Вот как мне представляется скрытая поэма этого удивительного по своей выразительности сонета. Здесь каждая - целый образ, законченная глава повести, и другой поэт, например Мюссе, сделал бы из такого сюжета длинное щидонное повествование. Поэт-символист чуждается таких общедоступных приемов; он берет тот же сюжет, но ает его в блестящие цепи, сообщает ему такую силу сжатости, такой лаконизм сурового и вместе нежного зма, что дальше не могут идти честолюбивые замыслы художника.

Перейдем к трем выдающимся русским поэтам-символистам, из которых каждый своим именем обозначает целое урное явление. Я говорю о представителе поэтического пантеизма, Тютчеве, о виртуозном импрессионисте, Фете, ем полную тонких оттенков символику Природы и чувства любви, и о поэте-философе, Случевском, который, с тороны, становится в уровень с Некрасовым, как бытоописатель народной жизни, с другой, выступает как истинно янный импрессионист, полный философских настроений и мятежа думающей личности против банальных форм и чувства. Нужно ли прибавлять, что все эти три поэта развились совершенно самостоятельно, независимо от тех или течений общеевропейской ноозии. Тютчев писал символические стихотворения еще в 30-х годах 19-го века, и льное его стихотворение "Mal'aria", которое справедливо могло бы занять место среди лучших стихотворений в "Les i Mal", было написано в 1830-м году, т. е. гораздо раньше, чем Бодлер выступил с такой яркой определительностью. всей европейской литературы воспринял только, во вторую половину своей жизни, влияние Шопенгауэра. Гораздо и гораздо ярче, нежели Верлен, он установил в лирике точное соответствие между мимолетными ощущениями и ивными ритмами, являющимися их выразительным внешним истолкователем. Наконец, Случевский, наиболее i из всех современных русских поэтов, никогда не занимался изучением иностранной поэзии, и, зная Бодлера лишь по тем не менее создал целый ряд стихотворений, которые отмечены печатью современного демонизма и опять-таки ы служить истинным украшением гениальной, но крайне неполной книги, имя которой стало лозунгом: "Fleurs du

В 1854-м году Тургенев написал небольшую статью о Тютчеве, где он указывал на изысканную деликатность его и на ее сродство с жизнью Природы. Он предсказывал, что, если Тютчев и не приобретет громкой славы, он намного зет тех поэтов, которые были в то время знаменитостью. Он предсказывал ему также глубокую симпатию всех тех, рога русская поэзия, и его предсказание сбылось буквально. За двумя исключениями /Фофанов и Лохвицкая/, все :е талантливые поэты современной России, Брюсов, Сологуб, Зинаида Гиппиус, Мережковский и другие, видят в е лучшего своего учителя. Сотни и сотни людей, не пишущих стихов, читают Тютчева с высоким наслаждением и еперь, с кем они имеют дело, беря в руки маленький сборник его произведений. Эта небольшая книга стихотворений, жатых и полных глубокого содержания, как говорил Фет, "томов премногих тяжелей".

То, что сделали Вордсворт и Шелли для Англии, Тютчев сделал для России: поэт-пантеист, он первый из русских троник в душу Природы.

Первый из русских поэтов, он понял великую философскую сложность жизни Природы, ее художественное о и полную ее независимость от человеческой жизни, со всеми нашими помыслами, действиями и страстями. В то как Пушкин, Лермонтов и современные их подражатели _описывают_ Природу, Тютчев, так же, как и Фет, дает_ ее как живую сущность, видит в ней не раму к картине, а саму картину. Владимир Соловьев справедливо i одну черту, выделяющую Тютчева не только из числа поэтов русских, но и поэтов общеевропейских: говоря о е, поэты в большинстве случаев нисколько не верят в глубине души в то, что они говорят об ее _одухотворенной_ они заставляют цветы улыбаться, ветер дышать, волны дрожать от нежности или беспокойства, но сами они смотрят

это только как на поэзию, будучи в то же время глубоко убеждены, что Природа не более, как механизм. У истока русских и европейских поэтов можно отчетливо проследить такое противоречие между внутренним и поэтическими приемами.

Никогда этого не может случиться с истинным поэтом-пантеистом. У Гёте, у Шелли, у Тютчева убеждение в том, что в природе есть сущность одухотворенная, гармонически сливается с поэтическим их творчеством, рисующим Природу. Тютчев искренне верит, более того, он знает, что Природа не бездушный слепок, а великая живая цельность.

С ним явственно говорят звезды, он чувствует жизнь морских волн, и буря, волнуя реки и леса, ведет с ним тайный разговор. Тех, кто не понимает голосов Природы, он справедливо называет глухонемыми, которых не тронет голос родной. К сожалению, число этих глухонемых чрезмерно велико. Лишь немногим эпохам и немногим личностям дано это тонкое проникновение в жизнь Природы и религиозное слияние с ней. То, что является совершенно естественным, легко достижимым, даже неизбежным, в эпохи создания космогонии и легенд, становится почти невозможным для человеческого ума, полного религиозных предрассудков или заблуждений позитивной философии. Природа превратилась в бездушную машину, служащую для утилитарных целей, в нечто второстепенное, подчиненное, придаточное. Вы знаете, что говорит Базаров: "Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник". Эта фраза, характерная для наших дней, ошибочна по своему содержанию, <...> самой постановке вопроса.

Природа предстает или как храм, или как мастерская - в соответствии с теми отношениями, которые устанавливаются между нею и человеком. Но прежде всего Природе нет ровно никакого дела до того, что мы, существа сегодня рассматриваем как неопровержимую истину, чтобы завтра опрокинуть свой догмат и выдумать новую истину сомнительного достоинства. Природа - самодовлеющее царство, она живет своей жизнью. Она преследует лишь свои цели; разум их не видит и может только подозревать о их существовании - или видеть их на мгновение беглым мимолетом, в минуты просветленности, которые называются экстазом.

В Природе нет наших задач, в ней нет ни добра, ни зла, ни высокого, ни низкого, Ничего в ней нет, кроме Движения, непрерывной и неутомимой.

Как тонко угаданы Тютчевым различные состояния в жизни Природы - бури на море, ночь, утро в горах, зарницы и грозы.

Тени сизые сместились,

Цвет поблекнул, звук уснул;

Жизнь, движение разрешились

В сумрак зыбкий, в дальний гул...

Мотылька полет незримый

Слышен в воздухе ночном...

Час тоски невыразимой!

Все во мне - и я во всем!

Сумрак тихий, сумрак сонный,

Лейся в глубь моей души,

Тихий, томный, благовонный,

Все залей и утиши.

Чувства мглой самозабвенья

Переполни через край,

Дай вкусить уничтоженья,

С миром дремлющим смешай.

В этом стихотворении, полном тонкого художественного импрессионизма, и музыкальном, как колыбельная песня, чувства угасают, как гаснут облака на вечернем небе. И под этот тихий ритм душа проникается той тихой печалью, с которой травы склоняются к поверхности пруда, где отразилось последнее мерцание сумерек.

После такого нежного стихотворения вдвойне красноречивым кажется полный мажорных настроений "Сон на

И море и буря качали наш челн,
Я сонный был предан всей прихоти волн;
И две беспредельности были во мне, -
И мной своевольно играли оне.
Кругом, как кимвалы, звучали скалы,
И ветры свистали, и пели валы.
Я в хаосе звуков летал оглушен;
Над хаосом звуков носился мой сон...
Болезненно-яркий, волшебнo-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой,
В лучах огневицы развил он свой мир,
Земля зазвенела, светился эфир...
Сады, лабиринты, чертоги, столпы...
И чудится шорох несметной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц, -
По высям творенья я гордо шагал,
И мир подо мною недвижно сиял...
Сквозь грезы, как дикий волшебника вой,
Лишь слышался грохот пучины морской,
И в тихую область видений и снов
Врывались тени ревуших валов.

Идея Хаоса как первобытной основы, на которой вытканы узоры, созерцаемые нашим сознанием, проходит через чувство Тютчева, обособляя его среди поэтов.

Кто умел смотреть на Природу пристальным взглядом, тому она внушает особые сочетания звуков, неведомые
Эти звуки сплетаются в лучистую ткань, вы смотрите и видите за переменчивыми красками и за очевидными
и еще что-то другое, красоту полураскрытую, целый мир намеков, понятных сердцу, но почти всецело убегающих от
ности быть выраженными в словах.

Как дымный столб светлеет в вышине,
Как тень внизу скользит неуловимо!
Вот наша жизнь, промолвила ты мне,
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма!

Как истинный поэт-пантеист, Тютчев любит Природу не только в ее ясных спокойных состояниях, но в моменты
минуты разногласия и разложения. Более того: такие состояния Природы, когда основной элемент Вселенной -
- просвечивает сквозь все живущее, особенно дороги душе поэта. Он чувствует глубокое художественное волнение
еличественным зрелищем Мировой Красоты, возникающей, чтобы исчезнуть. То, что мы называем злом, исполняет
а ощущением художественной красоты, - необходимое следствие всякого глубокого проникновения в сложную душу
ы. Ярким примером этой черты является стихотворение "Mal'aria", о котором я уже упоминал.

Люблю сей Божий гнев! Люблю сие, незримо
Во всем разлитое, таинственное зло, -
В цветах, в источнике прозрачном, как стекло,
И в радужных лучах, и в самом небе Рима!
Все та ж высокая, безоблачная твердь,
Все так же грудь твоя легко и сладко дышит,

Все тот же ветер верхи дерев колышет,
Все тот же запах роз... и это все есть смерть!
Как ведать? Может быть, и есть в природе звуки,
Благоухания, цвета и голоса -
Предвестники для нас последнего часа,
И усладители последней нашей муки.
И ими-то судеб посланник роковой,
Когда сынов земли из жизни вызывает,
Как тканью легкою, свой образ прикрывает,
Да утаит от них приход ужасный свой!

Для поэта, посвященного в таинства Природы, ясно, даже очевидно, что в смерти столько же красоты, сколько в то, что мы называем жизнью, но только нам эта красота кажется ужасной. Если бы в смерти не было красоты, смерть не зовала бы в Природе, потому что Природа цельная сущность, а в цельности все гармонично.

Та же деликатность и утонченность выражения, какой отмечены стихотворения из жизни Природы, повторяется у поэта и в стихотворениях, тема которых - различные состояния человеческой души. Возможность этой утонченной манеры кроется в богатой внутренней жизни, соединенной с исключительным талантом. Художественная индивидуальность поэта-символиста, полного пантеистических настроений, не может подчиниться видимому; она все извлекает в душевной глубине, и внешние факты, переработанные философским сознанием, предстают перед нами не как факты, вызванные магом. Тютчев понял необходимость того великого молчания, из глубины которого, как из очарованной, озаренной внутренним светом, выходят преображенные прекрасные призраки.

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои!
Пускай в душевной глубине
И всходят, и зайдут оне,
Как звезды ясные в ночи:
Любуйся ими и молчи!

Как сердцу высказать себя?

Другому как понять тебя?

Поймет ли он, чем ты живешь?

Мысль изреченная есть ложь.

Взрывая возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи!

Лишь жить в себе самом умей:
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их заглушит наружный шум,
Дневные ослепят лучи.
Внимай их пенью и молчи!

Я отметил лишь несколько основных черт поэтического творчества Тютчева. Они частью повторяются в поэзии поэта, частью находят в ней дополнение контраста.

Когда поэт прошел разные фазисы внутреннего своего развития и проникся ясным сознанием единства Природы, его охватывает художественный экстаз. Гармонически соединяя свое "я" с безграничной Всемирностью, он проникается или, наоборот, печальным желанием слиться со Вселенной, потеряться в ней, как ручей теряется в Океане, или, наоборот, желанием вспыхнуть во всем блеске своего единичного существования, ярко возникнуть в узких рамках своего "я", чем навеки исчезнуть в бесконечном море Мировой Красоты. Первое чувство есть художественный пантеизм,

изованный в своей центростремительной силе, второе - художественный пантеизм в своей силе центробежной. Оба являются воедино, представляя солнечную и теневую сторону одного и того же явления.

Два эти оттенка нашли свое выражение в двух различных, но однородных творчествах, в поэзии Тютчева и Фета. Я бы, что в строгой и суровой поэзии Тютчева нашло свое воплощение мужское начало, тогда как в нежной поэзии одной глубоких красок, воплотилась красота женственности. Тютчев смотрит на жизнь суровым взглядом. Фет не в жизнь, как в женщину, но в то же время он слишком философ, чтобы не понимать, что он срывает последние. И потому он любил их настолько, что с жадной торопливостью спешил насладиться ими сполна, он опьянял себя ими, он окружил себя такой роскошью разнородных и разноцветных цветов, что во всех его песнях вы чувствуете их душистую пыль. Он любил любовь и женскую нежность с такой силой, что в его поэзии слова смешиваются с ними, и все его творчество озарено чисто женственным изяществом, полным ласки, намеков и недомолвок. Ни у из русских поэтов нет таких воздушных мелодических песен о любви. Глубоко поняв это чувство, Фет воссоздает в поэзии полную его гамму от самых легких идеальных мечтаний до самой торжествующей страсти.

Возьмите, например, его прозрачное и нежное, как трепетанье крыльев бабочки, стихотворение, где он описывает у на другой день, после того как она поняла, что такое любовь.

Из тонких линий идеала,
Из детских очерков чела
Ты ничего не потеряла,
Но все ты вдруг приобрела.
Твой взор - открытый и бесстрашный,
Хотя душа твоя тиха;
Но в нем сияет рай вчерашний
И соучастница греха.

Это идеальное чувство любви приобретает двойную красоту, когда Фет соединяет его с воспроизведением чуждых состояний из жизни Природы.

Сядем здесь, у этой ивы.

Что за чудные извивы

На коре вокруг дупла!

А под ивой как красивы

Золотые переливы
Струй дрожащего стекла!
Ветви сочные дугою
Перегнулись над водою,
Как зеленый водопад;
Как живые, как иглою,
Будто споря меж собою,
Листья воду борздят.
В этом зеркале под ивой
Уловил мой глаз ревнивый
Сердцу милые черты...
Мягче взор твой горделивый...
Я дрожу, глядя, счастливый,
Как в воде дрожишь и ты.

Возьмем другой полюс любви, тот момент, когда счастливый влюбленный задыхается от страсти.

Какое счастье: и ночь, и мы одни!

Река - как зеркало, и вся блестит звездами;

А там-то... Голову закинь-ка да взгляни:

Какая глубина и чистота над нами!
О, называй меня безумным! Назови
Чем хочешь! В этот миг я разумом слабею
И в сердце чувствую такой прилив любви,
Что не могу молчать, не стану, не умею!
Я болен, я влюблен; но, мучась и любя, -
О, слушай! о, пойми! - я страсти не скрываю,
И я хочу сказать, что я люблю тебя -
Тебя, одну тебя люблю я и желаю!

"Я болен!" Этот возглас может напомнить мудрые слова одного эллинского философа: "Религия - болезнь, но священная".

Такой же деликатностью языка и двойственностью очарования отличаются те стихотворения Фета, где он выступает пим маэстро, стихотворения из жизни Природы.

Волны, облака, снежинки и цветы, деревья, полосы света и волны, эти перепевные, слитные, вечно повторные, вечно плетенья отдельных воплощений Красоты без конца опьяняют Фета, он смотрит на мир просветленным взглядом, на го возникают мелодические слова, и призрачная невеста, одухотворенная Природа, вступает в бестелесный брак с нной душою поэта.

Это - поэзия нюансов, тонких, еле зримых, но видных и существующих. Есть улыбки: они еще не возникли, но вы их ите, вот-вот сейчас они блеснут. Но нет, они исчезли, не возникнув, - и все же вы могли их почувствовать.

Есть такие же моменты в жизни души и в жизни Природы. Это мир недосказанного, царство призрачных теней, го чувствуется, но не поддается выражению. Фантазия Фета, как героиня поэмы Теннисона, фея Шалотт, не исается с жизнью, а воспроизводит в чудесных узорах то, что она видит отраженным в зачарованном зеркале.

Я обхожу пока молчанием целый ряд превосходных образцов философской лирики Фета и кончаю цитаты из него ориением, написанным более полу столетия тому назад, и тем не менее настолько отмеченным печатью современного изма, что как будто это цветок, раскрывшийся сегодня утром.

Каждое чувство бывает понятней мне ночью, и каждый
Образ пугливо-немой дольше трепещет во мгле...
Самые звуки доступней, даже когда, неподвижен,
Книгу держу я в руках, сам пробегая в уме
Все невозможно-возможное, странно-бывалое... Лампа
Томно у ложа горит, месяц смеется в окно,
А в отдалении колокол вдруг запоеет, - и тихонько
В комнату звуки плывут: я предаюсь им вполне;
Сердце в них находило всегда какую-то влагу,
Точно как будто росой ночи омыты они...
Звук все тот же поет, но с каждым порывом иначе:
То в нем меди тугой более, то серебра.
Странно, что ухо в ту пору, как будто не слушая, слышит;
В мыслях иное совсем, думы - волна за волной...
А между тем, еще глубже сокрытая сила объемлет
Лампу, и звуки, и ночь, - их сочетавши в одно:
Так между влажно-махровых цветов снотворного маку
Полночь роняет порой тайные сны наяву.

Третий из названных мною наиболее крупных поэтов-символистов современной России, Случевский, стоит явно одиноко. Долгое время его обходили молчалием, но за последние несколько лет он нашел, наконец, в России свое признание со стороны тех лиц, которые могут чувствовать поэзию. Главные достоинства Случевского лежат в его несравненном умении воссоздавать картины русской природы и душу простолюдина, в чистом колорите его поэзии и в глубине философских настроений, которыми отмечены его символические творения, полные оригинальности и смелости. Поразительно по жизненному и по страшному скрытому значению его творение "После казни".

Тяжелый день... Ты уходил так вяло.
Я видел казнь. Багровый эшафот
Давил, как будто бы, столпившийся народ,
И солнце ярко на топор сияло.
Казнили. Голова отпрянула, как мяч,
Стер полотенцем кровь с обеих рук палач,
А красный эшафот поспешно разобрали,
И увезли, и площадь поливали.
Тяжелый день... Ты уходил так вяло.
Мне снилось - я лежал на страшном колесе,
Меня коробило, меня на части рвало,
И мышцы лопались, ломались кости все.
И я вытягивался в пытке небывалой.
И, став звенящею чувствительной струной,
К какой-то схимнице, больной и исхудалой,
На балалайку вдруг попал, едва живой.
Старуха страшная меня облюбовала,
И пальцем нервным дергала меня,
"Коль славен наш господь" уныло напевала,
И я ей вторил, жалобно звеня.

В этом мучительном и прекрасном стихотворении Случевского мы видим повторение явления, общего всей русской поэзии. Конкретные факты, помимо непосредственной своей красоты, приобретают здесь какие-то мистические очертания и говорят о скрытом философском смысле всего, что происходит.

В то время как поэты-реалисты рассматривают мир наивно, как простые наблюдатели, подчиняясь, вещественной природе, поэты-символисты, пересоздавая вещественность сложной своей впечатлительностью, властвуют над миром и живут в его мистерии. Создание поэтов-реалистов не идет дальше рамок земной жизни, определенных с точностью и с ясностью скупой верстовых столбов. Поэты-символисты никогда не теряют таинственной нити Ариадны, связывающей их с мистическим лабиринтом Хаоса, они всегда овеяны дуновениями, идущими из области запредельного" и потому, как бы противясь, за словами, которые они произносят, чудится гул еще других, не их голосов, ощущается говор стихий, отрывки из таинственного в Святой Святынь мыслимой нами Вселенной. Поэты-реалисты дают нам нередко драгоценные сокровища - произведения, что, получив их, мы удовлетворены - и нечто исчерпано. Поэты-символисты дают нам в своих творениях такое кольцо, которое радует нас, как драгоценность, и в то же время зовет нас к чему-то еще, мы чувствуем близость нового нам нового и, глядя на талисман, идем, уходим, куда-то дальше, все дальше и дальше.

Итак, вот основные черты символической поэзии: она говорит своим особым языком, и этот язык богат образами; подобно музыке и живописи, она возбуждает в душе сложное настроение, - более, чем другой род поэзии, наши слуховые и зрительные впечатления, заставляет читателя пройти обратный путь творчества: поэт, создавая символическое произведение, от абстрактного идет к конкретному, от идеи к образу, - тот, кто знакомится с его творениями, восходит от картины к душе ее, от непосредственных образов, прекрасных в своем самостоятельном существовании, к скрытой в них духовной идеальности, придающей им двойную силу.

Говорят, что символисты непонятны. В каждом направлении есть степени, любую черту можно довести до абсурда, в кипении есть накипь. Но нельзя определять глубину реки, смотря на ее пену. Если мы будем судить о символизме по ярким проявлениям, создающим бессильные пародии, мы решим, что эта манера творчества - извращение здравого смысла. Если же будем брать истинные таланты, мы увидим, что символизм - могучая сила, стремящаяся угадать новые сочетания

, красок и звуков и нередко угадывающая их с неотразимой убедительностью.

Если вы любите непосредственное впечатление, наслаждайтесь в символизме свойственной ему новизной и бью картин. Если вы любите впечатление сложное, читайте между строк - тайные строки выступают и будут говорить с асноречиво.

1900 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Печатается по сб. статей К. Бальмонта "Горные вершины" /М.: Гриф, 1904/. К статье автор сделал примечание: «перед русской аудиторией в Латинском квартале в Париже весной 1900-го года». В настоящем издании статья издается полностью, за исключением подстрочных примеч. автора к стих-нию Ф. Тютчева "Ma'aria" и к стих-нию К. жого "После казни". Для Бальмонта характерно расширенное толкование символизма как искусства, в котором ный план сочетается со "скрытой отвлеченностью", и символизм в его понимании зачастую оказывается близок к ке. С этим связано зачисление в ряд символистов многих писателей и поэтов разных стран и разных времен, начиная ского поэта и драматурга Кальдерона /1600-1681/. В статье упоминаются также немецкие философы Ф. Ницше /1841- А. Шопенгауэр /1788-1860/, оказавшие сильное влияние на "старших символистов". ...строитель Сальнес - герой енной драмы /1892/ норвежского писателя Г. Ибсена /1828-1906/. Икар - в греч. мифологии сын Дедала; погиб, ппись высоко над морем на крыльях /жаркое солнце растопило воск, склеивавший перья/. "Priere" - "Просьба" ба"/, название стих-ния Ш. Бодлера /см. примеч. к стих-нию "К Бодлеру"/. "Les Fleurs du Mai" - "Цветы зла", название -ний Бодлера. Ариадна - в греч. мифологии дочь критского царя Миноса; помогла афинскому герою Тезею выйти из та при помощи клубка ниток /нить Ариадны/.

В. БРЮСОВ КЛЮЧИ ТАЙН I

...Искусство доставляет наслаждения - кто станет спорить! Искусство поучает - мы знаем это на тысячах примеров. Но, вместе с тем, в искусстве часто нет ближайших целей, никакой пользы - отрицать это могут только фанатики. Наконец, искусство общит людей, раскрывает душу, делает всех причастными творчеству художника. Что же такое искусство? Как оно и полезно и бесполезно вместе? Служит Красоте и часто безобразно? И средство общения, и уединяет художника?

Единственный метод, который может надеяться решить эти вопросы — интуиция, вдохновенное угадывание, метод, которым во все века пользовались философы, мыслители, искавшие разгадки тайн бытия. И я укажу на одно решение загадки искусства, принадлежащее именно философу, которое - кажется мне - дает объяснение всем этим противоречиям. Это - ответ Шопенгауэра. У самого философа его эстетика слишком связана с его метафизикой. Но, вырывая его угадывания из тесных оков его мысли, освобождая его учение об искусстве от всех случайно опутавших его учений об «идеях», посредниках между миром ноуменов и феноменов, - мы получим простую и ясную истину: искусство есть постижение мира иными, не рассудочными путями. Искусство - то, что в других областях мы называем откровением. Создания искусства - это приотворенные двери в Вечность.

Явления мира, как они открываются нам во вселенной - растянутые в пространстве, текущие во времени, подчиненные закону причинности, подлежат изучению методами науки, рассудком. Но это изучение, основанное на показаниях наших внешних чувств, дает нам лишь приблизительное знание. Глаз обманывает нас, приписывая свойства солнечного луча цветку, на который мы смотрим. Ухо обманывает нас, считая колебания воздуха свойством звенящего колокольчика. Все наше сознание обманывает нас, перенося свои свойства, условия своей деятельности на внешние предметы. Мы живем среди вечной, исконной лжи. Мысль, а, следовательно, и наука бессильны разоблачить эту ложь: Больше, что они могли сделать, это указать на нее, выяснить ее неизбежность. Наука лишь вносит порядок в хаос ложных представлений и размещает их по рангам, делая возможным, облегчая их узнание, но не познание.

Но мы не замкнуты безнадежно в этой «голубой тюрьме» - пользуясь образом Фета. Из нее есть выходы на волю, есть просветы. Эти просветы - те мгновения экстаза, сверхчувственной интуиции, которые дают иные постижения мировых явлений, глубже проникающие за их внешнюю кору, в их сердцевину. Исконная задача искусства и состоит в том, чтобы запечатлеть эти мгновения прозрения, вдохновения. Искусство начинается в тот миг, когда художник пытается уяснить

самому себе свои темные, тайные чувствования. Где нет этого уяснения, нет художественного творчества. Где нет этой тайности в чувстве, нет искусства. Для

¹ *Весы* 1 (1904)

кого все в мире просто, понятно, постижимо - тот не может быть художником. Искусство только там, где дерзновение за грань, где порывание за пределы познаваемого, в жажде зачерпнуть хоть каплю "стихии чуждой, запредельной".

«Врата Красоты ведут к познанию», - сказал Шиллер. Во все века своего существования, бессознательно, но неизменно, художники выполняли свою миссию: уясняя себе открывавшиеся им тайны, тем самым искали иных, более совершенных способов познания мироздания. Когда дикарь чертил на своем щите спирали и зигзаги и утверждал, что это «змея», он уже совершал акт познания. Точно так же античные мраморы, образы гетевского Фауста, стихи Тютчева - все это именно запечатления в видимой, осязательной форме тех прозрений, какие знавали художники. Истинное познание вещей раскрыто в них с той степенью полноты, которую допустили несовершенные материалы искусства: мрамор, краски, звуки, слова...

Но в течение долгих столетий искусство не отдавало себе явного и определенного отчета в своем назначении. Различные эстетические теории сбивали художников. И они воздвигали себе кумиры, вместо того, чтобы молиться истинному богу. История нового искусства есть, прежде всего, история его освобождения. Романтизм, реализм и символизм - это три стадии в борьбе художников за свободу! Они свергли, наконец, цепи рабствования разным случайным целям. Ныне искусство, наконец, свободно.

Теперь оно сознательно предается своему высшему и единственному назначению: быть познанием мира, вне рассудочных форм, вне мышления по причинности. Не мешайте же новому искусству в его, как иной раз может показаться, бесполезной и чуждой современных нужд, задаче. Вы мерите пользу и современность слишком малыми мерами. Польза человечества - вместе с тем и наша личная польза. Все мы живем в вечности. Те вопросы бытия, разрешить которые может искусство, - никогда не перестают быть злободневными. Искусство, может быть, величайшая сила, которой владеет человечество. В то время как все ломы науки, все топоры общественной жизни не в состоянии разломать дверей и стен, замыкающих нас, - искусство таит в себе страшный динамит, который сокрушит эти стены, более того - оно есть тот сезам, от которого эти двери растворятся сами. Пусть же современные художники сознательно куют свои создания в виде ключей тайн, в виде мистических ключей, растворяющих человечеству двери из его «голубой тюрьмы» к вечной свободе.

1904

К. Чуковский

ФУТУРИСТЫ

(Чуковский К. Собрание сочинений. Т. 6. - М., 1969. - С. 202-239)

I

Как много у поэта экипажей! Кабриолеты, фэтоны, ландо! И какие великолепные, пышные! Уж не герцог ли он Арлекинский? Мы с завистью читаем в его книгах:

"Я приказал немедля подать кабриолет..."

"Я в комфортабельной карете на эллипсических рессорах..."

"Элегантная коляска в электрическом биенье эластично шелестела по шоссе к песку..."

И мелькают в его книге слова: "Моторное ландо"... "Моторный лимузин"... "Графинин фэтон"... "Каретка куртизанки"...

И даже когда он умрет, его на кладбище свезут в автомобиле, - так уверяет он сам, - другого катафалка он не хочет для своих шикарных похорон! И какие ландо, ландолетты потянутся за его фарфоровым гробом!

II

Это будут фешенебельные похороны. За фарфоровым гробом поэта потекут в сиреновом трауре баронессы, дюшессы, виконтессы, и Мадлена со страусовым веером, и синьора За из "Аквариума". О, воскресни, наш милый поэт! Кто, если не ты, воспевает наши будуары, журфиксы, муаровые платья, экипажи? Кто прошепелявит нам, как ты, галантный ты, галантерейный комплимент?

- Вы такая эстетная, вы такая бутончатая! - шептал ты каждой из нас. - Властелинша планеты голубых антилоп!

И даже когда мы в гостинной -

В желтой гостиной из серого клена с обивкою шелковой, -
угощали визитеров кексом, у тебя, как у Данте, в душе возникали сонеты. Ты один был нашим менестрелем, и как грациозно-капризны бывали твои паркетные шалости! Как мы жемчужно смеялись, когда однажды ты заказал в ресторане мороженое из сирени (мороженое из сирени!) и в лилию налил шампанского. Или подарил нам боа из кудрявых цветов хризантем! Гордец, ты любил уверять, что у тебя, в твоей родной Арлекинии, есть свой придворный гарем:

У меня дворец пятнадцатипятиэтажный,
У меня принцесса в каждом этаже

И странно: тебе это шло, тебе это было к лицу, как будто ты и вправду инкогнито-принц, и все женщины - твои одалиски, и это ничего, что у рябой коровницы ты снимал в Козьей Балке дачу: эту дачу ты звал коттеджем, а ее хозяйку сиятельством; дворник у тебя превращался в дворецкого, кухарка Маланья в субретку, и даже мы, белошвейки, оказались у тебя принцессами:

- Я каждую женщину хочу опринцессить! - таков был твой гордый девиз.
Но что же делать принцессам без принца? О, воскресни, наш милый принц!

III

Тут непременно случится великое чудо. Из гроба послышится жуткий и сладостный голос того, кого мы так горько оплакиваем:

"Гарсон! сымпровизируй блестящий файв о'клок!" - и шикарный денди-поэт, жеманно и кокетливо потягиваясь, выпрыгнет из фешенебельного гроба: - Шампанского в лилию! Шампанского в лилию! - И закричит шоферу-похоронщику:

Как хорошо в буфете пить крем-де-мандарин!
За чем же дело стало? - К буфету, черный кучер!

IV

Многие, конечно, догадались, что герой этой странной повести наш фешенебельный, галантный поэт, лев сезона, Игорь Северянин.

Я только вчера прочитал его книгу, и теперь в душе осколки его строф:

- Ножки пледом закутайте, дорогим ягуаровым...
- Виконт сомневался в своей виконтессе...
- Вы прислали с субреткою мне вчера хризантемы...
- Дворецкий ваш... на мраморной террасе...
- Mingon с Escamillio! Mingon с Escamillio! Шампанское в лилии святое вино!

О, лакированная, парфюмерная, будифрно-элегантная душа! Оя глядит на мир сквозь лорнет, и его эстетика есть эстетика сноба. О чем бы он ни говорил: о Мадонне, о звездах, о смерти, я читаю у него между строк:

- Гарсон! сымпровизируй блестящий файв о' клок.

Его любимые слова: *фешенебельный, комфортабельный, пикантный*... Не только темы и образы, но и все его вкусы, приемы, самый метод его мышления, самый стиль его творчества определяются всеерами, шампанским, ресторанами, бриллиантами. Его стих, остроумный, кокетливо-пикантный, жеманный, жантильный, весь как бы пропитан этим воздухом бара, журфикса, кабарэ, скетинг-ринга. Характерно, что он ввел в нашу поэзию паркетное французское сюсюканье и стрелку называет пуантом, стул - плиантом, молнию - эклером и даже русскую народную песню озаглавливает "Chanson Russe". *Фиоль, шале,буше, офлёрить, эксцессерка, грезёрка, сюрпризёрка* - на таком жаргоне он пишет стихи, совсем как (помните?) мадам де Курдюков:

Вам понравится Европа.
Право, мешкать *иль не фо па*,
А то будете *малад*,
Отправляйтесь-ко в Кронштадт.

Же не вё па, же нире па,
Же не манж па де ла репа .

И не странно ли, не изумительно ли, что все же, несмотря ни на что, его стих так волнующе-сладостен! Дух дышит, где хочет, и вот под вульгарною личиною сноба сильный и властный поэт. Бог дал ему, ни с того ни с сего, такую певучую силу, которая, словно река, подхватит тебя и несет, как бумажку, барахтайся сколько хочешь: богатый музыкально-лирический дар. У него словно не сердце, а флейта, словно не кровь, а шампанское! Сколько бы ему ни было лет, ему вечно будет восемнадцать. Все, что увидит или почувствует, у него претворяется в музыку, и даже эти коляски,

кабриолеты, кареты, - ведь каждая в его стихе звучит по-своему, имеет свой собственный ритм, свой собственный стихотворный напев, и мне кажется, если бы иностранец, не знающий ни слова по-русски, услышал, например, эти томные звуки:

Я в комфортабельной карете на эллипсических рессорах
Люблю заехать в златополдень на чашку чаю в женоклуб, -

он в самом кадансе стиха почувствовал бы ленивое баюкание эластичных резиновых шин. И какой сумасшедшей музыкой в его стихотворении "Фиолетовый транс" впечатлен ураганный бег бешено ревущего автомобиля. Как виртуозно он умеет передать самой мелодией стиха и полет аэроплана, и качание качелей, и мгновенно мелькнувший экспресс, и танцы, особенно танцы:

И пала луна, танцевавшая в море!

Даже свои поэты он означает, как ноты: соната, интермеццо, berceuse. Про какую-то женщину он говорит:

Она передернулась, как в оркестре мотив!

Конечно, он несколько не Бах и не Вагнер, скорее всего он Массне, салоннейший из композиторов, коего благоговейно воспевают. Один критик даже рассердился: можно ли воспевать такого сноба, - но кого же и воспевать поэту-снобу! Он верен себе во всем. Давайте решим на минуту, что снобизм, пшютизм, как и все остальное, имеют право излиться в искусстве и что от художника нам нужно одно: пусть он полнее, пышнее, рельефнее выявит пред нами свою душу, не все ли равно какую. Мелодекламация дамски-альбомных романсов нашего галантного поэта и какие-нибудь гимны Ра, псалмы Ксочиквецали - перед лицом Аполлона равны.

V

Эта салонность поэзии как будто и неуместна теперь. Светозарный Игорь Северянин, милый принц, он явился как будто не вовремя. Ведь нынче в моде, напротив, пещерность, звериность, дикарство; поэты из сил выбиваются, как бы позвернее рывкнуться. Кто же поймет и полюбит теперь

[Его] волшебные сюрпризы,
[Его] ажурные стихи!

Нынче даже тонкие эстеты, парнасцы, как, например, Гумилев, вдруг записались в Адамы: основали секту адамистов, первобытных, первозданных людей.

- Как адамисты, мы немного лесные звери! - уверяют эти господа. - Сбросим же с себя "наслоения тысячелетних культур"! Все эти адамисты, как и эгофутурист Игорь Северянин, - живут в Петербурге и порождены Петербургом. А московским кубофутуристам нечего больше их сбрасывать. Они уже все с себя сбросили: грамматику, логику, психологию, эстетику, членораздельную речь, - визжат, верещат по-звериному:

Сарча кроча буга на вихроль!
Зю цю э спрум!
Беляматокий!

"То было и у диких племен", - поясняет их апостол Крученых. Вот воистину модный девиз для всех современных художеств: "то было и у диких племен". Тяга к дикарю, к лесному зверю, к самой первобытной первобытности есть ярчайшая черта нашей эпохи; сказать про творение искусства: "то было и у диких племен", нынче значит оправдать и возвысить его. Пусть Игорь Северянин, как хочет, жеманничает со своими кокетессами-принцессами в желтой гостиной из серого клена с обивкой шелковой, - на него со всех сторон накинута с бумерангами, дубинами, скальпами кубисты, футуристы, бурлюкисты: сарча, кроча, буга на вихроль! - и, не внемля его французскому лепету, затопчут бедного поэта, как фиалку. Долой финтифлюшки, и в той же гостиной на всех шифоньерках расставят явайских, малайских, нубийских кривоногих пузатых идолов, по-шамански завопят перед ним: зю цю э спрум! Беляматокий!

"Сбросим с себя наслоения тысячелетних культур!" - таков бессознательный лозунг новейших романов, поэм, философий, статуй, танцев, картин.

"О, большие черные боги Нубии!" - взывает один кубофутурист и, свергая Аполлона Бельведерского, славит "криво-чернявого идола"!

"Вашему Аполлону пора умереть, - пишет он в альманахе "Союз молодежи". - У вашего Аполлона подагра, рахит. Мы раздробим ему череп. Вот вам другой Аполлон, криво-чернявый урод!"

Даже Венеру Милосскую они обратили в дикарку, сослали ее в тундру, в Сибирь, и бедная неутешно рыдает в поэме московского Хлебникова:

Ты веришь? - видишь? снег и вьюги!
А я, владычица царей,
Ищу покрова и досуга
Среди сибирских дикарей.

Игорь Северянин явился но вовремя, бонбоньерочный, фарфоровый, ажурный. Добро бы к такому дикарству влеклись одни московские футуристы. Бог бы с ними! Но нет. Это всеобщая тяга. Джек Лондон отнюдь ко футурист, а ведь вся Европа влюбилась в него именно за эти призывы к первобытности, звериности, стихийности. Стихийность! Что же и славят теперь нынешние модные философы. Антиинтеллектуализм господствует нынче повсюду. Ratio, Logos - нынче у нас не в фаворе, - дорогу слепым, но вещим озарениям стихийной души. Интуитивное постижение мира, темный звериный нюх, шаманский экзотический бред мудрее вашей бедной рассудочности. "Сбросим же с себя наслоения тысячелетних культур!"

И ведь дошло до того, что даже он, даже Игорь Северянин, от кокоток, кушеток, файв о'клоков, гарсонов тоже вместо со всеми устремляется в тундру, в первобытные дебри дремучих лесов. Сидит со своими гризетками где-нибудь в отдельном кабинете или

В будуаре тоскующей нарумяненной Нелли,
Где под пудрой молитвенник, а на ней Поль де Кок, -

и вдруг заявит ни с того ни с сего:

"Иду в природу, как в обитель...", "По природе я взалкал", "Бегу оленем к дебрям финским...", "И там в глуши, в краю олонца... Моя душа взойдет, как солнце".

Повторяю, теперь это мода, и, право, прелестна его виконтесса, которая прямо из ложи театра угодила на Северный полюс:

Я остановила у эскимосской юрты
Пегого оленя, - он поглядел умно...
А я достала фрукты
И стала пить вино.
И в тундре - вы понимаете? - стало южно...
В щелчках мороза - дробь кастаньет...
И захохотала я жемчужно,
Наведя на эскимоса свой лорнет .

Тундры, юрты, олени делают особенно пикантным гривуазно-кокоточный тон этой очаровательной пьески. Шампанское - в тундре! Эскимос и - лорнет! О, виконтесса осталась в восторге от диких экзотических стран, - там такие пылкие любовники:

Задушите меня, зацарапайте,
Предпочтенье отдам дикарю!..

Вот в какие неожиданные формы вылилась эта жажда стихийности, чуть только она докатилась до "желтой гостиной из серого клена, с обивкою шелковой", хотя дело, конечно, не в формах; знаменательно, что и будуарные души воздыхают нынче по пещерам и тундрам.

"Гнила культура, как рокфор!" - восклицает Игорь Северянин.

"Я с первобытным неразлучен... Душа влечется в Примитив".

VI

Трогательно наблюдать Игоря Северянина на лоне того Примитива, к которому он так страстно влечется. Он и в поля и в леса вносит те же паркетные вкусы. Вот пролетела перед ним стрекоза. "Грациозная кокетка!" - кричит он ей вслед. Сирену он называет водяной балериной, а деревья ему кажутся маркизами. Он требует, чтобы на берег моря, на дикий прибрежный песок, ему принесли клавесины, он сыграет попури из Амбруаза Тома, а его адъютантесса покуда защитит его зонтом от солнца. Таково его слияние с природой! Полосы спелой пшеницы для него *золотые галуны*, в весеннем шелесте листьев он слышит *зеленые вальсы*, и даже в тундре олений бег кажется ему *бальным вальсированием*.

Нынешняя жажда первобытного привела современных людей к детям, к детской душе. Художники, особенно кубисты, изучают детские рисунки, пробуют им подражать; поэты благочестиво печатают образчики детских стихов. Николай Кульбин в своих лекциях о грядущем искусстве читает стихи семилеток.

Игорь Северянин тоже льнет и влечется к малюткам, но опять-таки как-то по своему:

Ласковая девонька! Крошечная грешница!
Ты еще пикантнее от людских помой, -

говорит он какой-то крошке, очевидно, с Невского проспекта, -

Котик милый, деточка! встань скорей на цыпочки.
Алогубы-цветики жарко протяни...
В грязной репутации хорошенько выпачкай
Имя светозарное гения в тени!

ИИ здесь он верен себе. Но если бы эти стихи как-нибудь удручили читателя, затемнили светозарный лик поэта, право, мне очень легко снова вернуть к нему сердца. Стоит только мне переписать иные его певучие строфы, например, плясовую, камаринскую - такую утреннюю, молодую, заразительную, или эту его милую "диссону", в которой многих, я уверен, прельстит такая острая пряность игривых и пикантных ассонансов:

Ваше Сиятельство, к тридцатилетнему - модному - возрасту
Тело имеете универсальное... как барельеф...
Душу душистую, тщательно скрытую в шелковом шелесте,
Очень удобную для проституток и для королев...
Впрочем, простите мне, Ваше Сиятельство, алые шалости.

Ирония, претворенная в лирику, - здесь Игорь Северянин настоящий маэстро, и я думаю, сам Обри Бердслей удостоил бы его "диссону" гротеском.

VII

Здесь я, в сущности, мог бы и кончить. И правда, не пора ли расстаться с этой исчерпанной книгой? Но в самом ее конце, на одной из последних страничек, я внезапно с удивлением увидел неожиданное слово: футуризм. Странно. Неужели и он футурист? Вот никогда не подумал бы. В чем же его футуризм? Может быть, в этих кексах, журфиксах? Или в русско-французском жаргоне? Но тогда ведь и мадам Курдюкова, которой восьмой десяток, такая же футуристка, как он. Однако мадам Курдюкова никогда не говорила о себе: "Я литературный Мессия... Моя интуитивная школа - вселенский эгофутуризм"; это говорил о себе господин Северянин. В его книге мы беспрестанно читаем, что он триумфатор, новатор:

Я гений, Игорь Северянин,
Своей победой упоен, -

и когда любимая женщина усомнилась в его победе, он чуть не задушил ее за это:

Немею в бешенстве, - затем, чтоб не убить!

Издавайтесь над ним, хохочите, - вы скоро все поклонитесь ему, так уверяет он сам. "Новатор в глазах современников - клоун, в глазах же потомков - святой!" У него есть ученики и апостолы, есть даже, как увидим. Иуда, и в разных газетах и журналах, они возглашают о нем: "Отец Российской эгопоэзии. Ядро Отечественного футуризма! Ее Первосвященник, Верховный Жрец!"

А мы перелистали его книгу, - и где же были наши глаза? - ничего такого не увидели. В ней откровения грядущих веков, а нам мерещились какие-то романсы! Пред нами пророк, а мы думали: оперный тенор. Мы думали, что он шантеклер, а он, смотрите, стоит на Синае с какими-то скрижалями в руках. И на этих скрижалях начертано:

"Вселенский эгофутуризм... Грядущее осознание жизни... Интуиция... Теософия... Призма стиля - реставрация спектра мысли... Признание эгобога... Обет вселенской души", - и так дальше, в таком же роде, а мы, перечтя его книгу и раз, и другой, и третий, так-таки ни в одной запятой никакого футуризма не нашли! О, критики, слепые кроты! Футуристы отвергают нас недаром. "Вурдалаки, гробокопатели... паразиты!" - иначе они нас и не зовут.

Вникнем же как можно почтительнее в эти их катехизисы, заповеди, декларации, манифесты, доктрины, скрижали, постараемся без желчи, без хихиканья понять эту загадочную секту.

Я готов даже попробовать и сам сделаться на время футуристом, на неделю, па две, не больше, чтобы точнее, доскональнее узнать и йотом поведать всему миру, что же это, в сущности, такое. Критик так и должен поступать, иначе к чему же и критика! И если он сам, например, хоть на час не становился Толстым или Чеховым, что он знает о них!

Клянусь, я уже был в свое время и Сологубом, и Белым, и даже Семеном Юшкевичем. Нужно претвориться в того, о ком пишешь, нужно заразиться его лирикой, его ощущением жизни.

Итак, с настоящей минуты я - уже не я, а Бурлюк. Или нет, - Алексей Крученых!

"Сарча кроча бута па вихроль!"

Но лучше подожду еще минуту и постараюсь хоть бегло, хоть в нескольких строчках побыстрее досказать о Северянине.

VIII

Есть два стана русских футуристов: петербургские и московские. Петербургские не просто футуристы, а с прибавкою слова эго. Северянин - эгофутурист. Эго - по-гречески: я. Не оттого ли в его стихах так выпячено надменное я:

Я даровал толпе холопов
Значенье собственного я.

"Я изнемог от лъстивой свиты...", "Я гений, Игорь Северянин...", "Я коронуюсь утром мая...", "Мне скучен королевский титул, которым бог меня венчал", - не оттого ли он вечно чувствует свою коронованность, избранность, единственность? И все его адъютанты за ним. Даже какой-то Олимпов и тот говорит: я гений.

Иначе нельзя, помилуйте, на то они эгопоэты. Ведь и бог у них не бог, а эгобог: если он сотворил человека по образу своему и подобию, значит, он такой же эгоист, как и мы, - рассуждают эти господа и зовут нас поклониться эгобогу. Но к чему же сочинять стихи, ежели я - эгобог? И к чему вообще слова, если я во всем мире один? - рассуждает эгофутурист Василиск Гнедов. - Слова нужны лишь "коллективцам", "общежителям". И он создает знаменитую поэму без слов: белый, как снег, лист бумаги, на котором ничего не написано. Эта бессловесная поэма озаглавлена "Поэма конца", и как хорошо, что Гомер и Вергилий держались иных убеждений.

Эгофутуристы мечтают о таком же эготеатре, где не будет ни актеров, ни зрителей, а только мое или ваше единое я. Это у них называется "эговым анархизмом", и я мог бы легко доказать, что отсюда логически следует то всеосвящение, всеоправдание мира, о котором возвещает их мессия: "Виновных нет, все люди правы... не знаю скверных, не знаю подлых...", "Я славлю восторженно Христа и Антихриста!.. Голубку и ястреба!.. Кокотку и схимника!.."

Но где же здесь, ради бога, футуризм? Это старый, отжитой, запыленный "Календарь модерниста" за 1890 или 91-й год. Там, где-нибудь на дырявой страничке, замызганной тысячами пальцев, вы найдете всю эгопоэзию от первой строки до последней. "Люблю я себя, как бога", - писала там Зинаида Гиппиус... "И господа и дьявола хочу прославить я", - писал там Валерий Брюсов, и даже этот солипсический эготеатр выкроен по старой статье Сологуба. Право, не стоило всходить на Синай для такой отрыжки вчерашнего.

Впрочем, есть у этих петербуржцев и новые скрижали. На последней, например, странице в их альманахе "Стеклянные цепи" я с восторгом прочитал такое:

"Константин Олимпов носит воротники "торреадор".

И дальше:

"В имени директора газеты "Петербургский глашатай" И.В. Игнатъева... состоялся оживленный стерляжий раут".

И дальше: "И.В. Игнатъев изволил одобрить Американские Горы в "Луна-парке".

Там же Игорь Северянин сообщает: "20-го июня уезжаю на мызу княгини Л.А. Оболенской".

Это у них самобытное. Рауты, мызы, княгини и, главное, воротнички "торреадор", - здесь единственная их подоплека, сколько бы они ни лепетали об эгобоге или эгопоэзии. Розовая пудра! голубые флакончики! золотые духи! "Ах, хотел бы я быть элегантным маркизом и изящно играть при дворе с королями в фаро!" - вздыхает один из них, должно быть, на Песках или в Подъяческой. "Луна просвечивала сквозь облако, как женская ножка сквозь модный ажур", - пишет эгофутурист Шершеневич и доходит до такой галантерейности, что даже могильных червей, торопящихся к свежему трупу, величает франтами во фраках, с гвоздикой в петлицах, спешащими на званый обед,

Из гостиной или из Гостиного двора вышли эти господа в литературу? Этакие Оскары Уайльды, они словно состязались друг с другом, - особенно в первые годы - кто кого пережеманничает, кто кого переманерничает, кто покартавее крикнет: "Гарсон, симпровизируй блестящий файв о'клок".

Всех перекартавил Северянин, но и остальные не ударили в грязь. Я никогда, например, не забуду их эгоконцерт футуризма, с гондолами, принцессами, ликерами, в парке, у мраморных урн, при Охотничьем дворце Павла Первого. Я тоже получил приглашение. Правда, все оказалось мечтой, и не было ни принцесс, ни ликеров, ни мраморных урн, не было даже концерта, по как характерна такая мечта для эгофутуризма с Подъяческой. Форели, свирели, вина князя Юсупова! - в этой милой утопии так ясно сказалась та среда, где сформировался талант Северянина, где возникли наши Маринетти, и хотя теперь Северянин от них отошел и все они друг с другом перессорились, хотя будуарно-парфюмерный период петербургского эгофутуризма закончился, драгоценно отметить для будущего С.А. Венгерова, что именно в этой среде петербургский эгофутуризм зародился впервые...

IX

"В женоклубе бальзаколетний картавец эстетко орозил вазы. Птенцы желторотят рощу. У зеркалозера бегают кролы. В олуенном озерзамке лесофеи каблучками молоточат паркет".

На таком языке изъясняются между собой футуристы. Эгофутуристы, петербургские. Здесь они, действительно, новаторы. "Осупружиться", "скалониться", "офраться", "онездешиться", "поверхпоскользие", "дерзобезумие" - таких слов еще не слыхало русское ухо. Многие даже испугались, когда Игорь Северянин написал:

Я повсеградно оэкраен,
Я повсесердно утвержден.

Лишь один не испугался - Юра Б. Он и сам такой же футурист. Озерзамками его не удивишь. "Отскорлупай мне яйцо", - просит он. "Лошадь меня лошадула. "Козлик рогаётся". "Елка освечкана". И если вы его спросите, что же такое крол, он ответит: крол - это кролик, но не маленький, а большой.

Этому эгофутуристу в минувшем июле исполнилось уже четыре года, и я уверен, что для Игоря Северянина он незаменимый собеседник. Пусть только поэт поторопится, пока Юре не исполнилось пять; тогда в нем словотворчество иссякнет.

Это не укор Северянину, а большая ему похвала.

Хочется нам или нет, такие слова неизбежно нагрянут, ворвутся в нашу закосневшую речь. Нам, в сутолоке городов, будет некогда изъясняться длительно-многоречиво, тратить десятки слов, где нужны только Два или три. Слова сожмутся, сократятся, сгустятся. Это будут слова-молнии, слова-экспрессы. Кто знает, что сделала Америка с английской речью за последние два десятилетия, тот поймет, о чем я говорю: что янки расскажет в минуту, по-русски нужно рассказывать втрое дольше. Трата словесной энергии страшная, а нам необходима экономия: "некогда" - это нынче всесветный девиз; он-то и преобразит наш неторопливый язык в быструю, "телеграфную" речь. Тогда-то такие слова, как *окалошиться, осупружиться, экстазить, миражить*, станут полноправны и ценны. Здесь именно дело в стремительности: хочется, например, побыстрее сказать, что некто, обливаясь слезами, подобно грешнице Марии Магдалине, кается и молит о прощении, - и вот единственное герценовское слово: *магдалинится*. У Северянина мне, например, понравилось его прехлесткое слово *бездарь*. Оно такое бьющее, звучит как затрещина и куда энергичнее вялого речения *без-дар-ность*:

Вокруг - талантливые трусы и обнаглевшая бездарь...

Право, нужно было вдохновение, чтобы создать это слово: оно сразу окрылило всю строфу. Оно не склеенное, не мертворожденное: оно все насыщено эмоцией, в нем бьется живая кровь. И даже странно, как это мы до сих пор могли без него обойтись.

X

А московский Крученых говорит: наплевать!

- То есть позвольте: на что наплевать?

- На все!

- То есть как это: на все?

- Да так!

Это не то что Игорь. Тот такой subtilный, тонконогий, все расшаркивается, да все по-французски; этот - в сапожищах, стоеросовый, и не говорит, а словно буркает:

Дыр бул щыл Ха ра бау.

И к дамам без всякой галантности. Петербургские - те комплементчики, экстазятся перед каждой принцессой:

- Вы такая эстетная, вы такая бутончатая.

- Я целую впервые замшу ваших перчат.

А этот беспардонный московский Крученых икнет, да и бухнут:

- У женщин лица надушены как будто навозом!

И почешет спину об забор. Такая у него парфюмерия. Этот уж не станет грациозиться. Ведь написал же итальянский футурист Маринетти, что он не видит особенной разницы между женщиной и хорошим матрацем. "Из неумолимого презрения к женщине в нашем языке будет только мужской род".

Вот какая широкая бездна между петербургским футуризмом - и московским. Игорь Северянин - типичнейший представитель эгофутуристов петербургских, Крученых столь же характерный представитель кубофутуристов московских.

Петербургские эгофутуристы - романтики: для них какой-нибудь локончик или мизинчик, кружевце, шуршащая юбочка - есть магия, сердцебиение, трепет: "оттого, что груди женские - тут не груди, а дюшес", - слюнявятся они в своих поэзах, а Крученых только фыркнет презрительно:

"Эх вы, волдыри, эгоблудисты!"

И про этот самый дюшес выражается:

Никто по хочет бить собак

Запуганных и старых,

Но норовит изведать всяк,

Сосков девичьих алых!

В то время, как эгофутуристы в мечтах видят себя юными принцами на каких-то бриллиантовых тронах, Крученых о себе отзывается:

"Как ослы на траве, я скотина".

Эгофутуристам мерещится, что среди виконтесс-кокотесс на ландышевых каких-то коврах они возлежат в озерзамке, но у Крученых другие мечтания:

Лежу и греюсь близ свиньи
На теплой глине,
Испарь свинины
И запах псины,
Лежу добрею на аршины.

Свиньи, навоз, ослы - такова его тошнотная эстетика. Он и книжечку свою озаглавил: "Поросята"; не то что у Игоря - "Колье принцессы", "Элегантные модели", "Лазоревые дали".

Когда Крученых хочет прославить Россию, он пишет в своих "Поросятах":

В труде и свинстве погрязая,
Взрастаешь, сильная родная,
Как та дева, что спаслась,
По пояс закопавшись в грязь.

И даже заповедует ей, чтобы она и впредь, свинья-матушка, не вылезала из своей свято-спасительной грязи, - этакий, простите меня, свинофил!

Всякая грация, нежность, приветливость, всякая задушевность и ласковость отвратительны ему до тошноты. Если бы у него невзначай сорвалось какое-нибудь поэтично-изящное слово, он покраснел бы до слез, словно сказал непристойность. Такие они все, эти московские: Петрарки навыворот, эстеты наизнанку. Срывы, диссонансы, угловатости, хаотическая грубость и неряшливость - только здесь почерпают они красоту. Оттого-то для них так прельстителен дикарский истукан-раскоряка, черный, как сапожная вакса, и так гадок всемирный красавец, снежно-мраморный бог Аполлон.

Я верю: это не поза, не блажь, а коренное, подлинное чувство. Дисгармония, диссиметрия, диспропорция и вправду обаятельна для них.

В знаменитой своей "Декларации слова" они недаром восхваляют какофонию.

"[Нужно], чтоб читалось туго... занозисто и шероховато!" - пишут они снова и снова.

Как же им не гнать из чертогов поэзии женщину, Прекрасную Даму, любовь? Мы видели: они даже Венеру Милосскую сослали куда-то в тайгу.

Эротика, этот неиссякающе-вечный источник поэзии, от "Песни песней" до шансонет Северянина, в корне отвергается ими. Когда Северянин поет, что паж полюбил королеву и королева полюбила пажа, Крученых эту королеву ведет к прокаженному на поганое и смрадное гноище.

К черту обольстительниц-прелестниц, все эти ножки, ланиты да перси, и вот красавица из альбома Крученых:

Посмотри, какое рыло, Просто грусть.

Все это, конечно, называется бунтом против канонов и заповедей былой, отжитой красоты, и, как мы ниже увидим, нет ни единого пунктика в нашей веками сложившейся жизни, против коего не бунтовал бы Крученых.

Но странно: бунтовщик, анархист, взорвалист, а скучен, как тумба. Нащелкает еще десятка два таких ошеломительных книжек, а потом и откроет лабаз, с дегтем, хомутами, тараканами - все такое пыльное, унылое. (Игорь Северянин открыл бы кондитерскую!) Ведь бывают же такие несчастно рожденные: он и форсит, и кривляется, а скука, как пыль, налегла на все его слова и поступки. Берет, например, страницу, пишет на ней слово *шшиш*, только одно это слово! - и уверяет, что это стихи, но и *шшиш* выходит невеселый. Хоть бы голову себе откусил, так и то никому не смешно. Кажется, только российская глушь рождает таких унылых и скучных людей, - под стать своим заборам и. осинам. Вот уж, подлинно, российский Маринетти! У другого вышло бы забубенно и молодо, ежели бы он завопил:

- Беляматокий!

- Сержамелепета!

А у этого-даже скандала не вышло: в скандалисты ведь тоже не всякий годится, это ведь тоже призвание! Он, конечно, очень старается: берет, например, страницу - зеленую или даже оранжевую, и выводит на ней с закорючками:

Читатель, не лови ворон.

Фрот фрон ыт,

Алик, а лев, амах.

Но и сам деревенеет от скуки. Как будто его подрядили, чтобы он во что бы то ни стало выделял эти тусклые фокусы, и вот теперь поневоле он цедит сквозь зубы унылое:

Те гене
рю ри
ле лю,
бе
тльк
тлько
хомоло
рек рюкль
кръд крюд
нтри
нркью
би пу, -

а сам вздыхает и думает: "И когда это кончится, господи?" - но нет, выжимай из себя без конца эту несмешную канитель. Право, мне его по-человечески жалко. Предо мною почти все его книжки: "Взорваль", "Помада", "Возропщем", "Мир с конца", "Бух лесиный", "Игра в аду", "Поросята" - и мне кажется, что у меня на столе какая-то квинтэссенция скуки, тройной жестокий экстракт, как будто со всей России, из Крыжополя, Уфы и Перми, собрали эту зевотную нуду и всю сосредоточили здесь. Уже одни их заглавия наводят на меня ипохондрию, а казалось бы, книжки пестрые - желтые, зеленые, пунцовые! - но, боже мой, как печальна наша действительность, если в роли пионера, новатора, дерзителя и провозвестника будущего она только и умела выдвинуть вот такую беспросветную фигуру, которая мигает глазами и безнадежно бормочет:

Те гене
рю ри
ле лю
бе...

Хорошо, если он добормочется до такого, например анекдота:

"27 апреля в 3 часа пополудни я мгновенно овладел в совершенстве всеми языками. Таков поэт современности. Помещаю свои стихи на японском, испанском и еврейском языках".

По это редко, раз в год, а обычное его состояние - *те гене рю ри ле лю*, и я боюсь, как бы от нуды, от тоски, от зевоты он чего-нибудь над собою не сделал. Этак ведь и удавиться недолго.

...Впрочем, не будем смеяться над ним, не забудем, что у него были знаменитые предки: например, тот убогий остряк приживальщик из тургеневской "Лебедени", который, помните, сделал карьеру такими же тарабарскими выкриками:

Кескесэ
Жемса.
Не ву горяче па.
Рррракаллиооон!

Но пусть другие смеются над ним, для меня в нем пророчество, символ наших будущих дней. Иногда мне кажется, что если бы провалились мы все, а остался бы один только он, вся наша эра до ниточки сбереглась бы для грядущих веков. Ничего, что сам по себе он мелкая и тусклая фигурка, но как симптом он огромен. Ведь и вибрионы холерные мелочь, да сама-то холера не мелочь. Как в конце шестнадцатого века в елизаветинской Англии по мог не возникнуть Шекспир, так в Москве в начале двадцатого века не мог не появиться Крученых. А с ним и другие такие же, и все они кричат о себе:

"Только мы лицо нашего времени".

"Мы новые люди новой жизни!"

И правы, непререкаемо нравы: пусть вопиюще чудовищны эти их невозможные книжки, они не ими одними написаны, а и мною, и каждым из нас.

Когда мы смеемся над ними, не смеемся ли и сами над собой? "Дохлая луна", "Ослиный хвост", "Поросята", "Пощечина", "Требник троих", "Мир с конца", "Бух лесиный", "Садок судей", ведь понадобились же они именно нам, а не другим поколениям, ведь заделали же в наших сердцах что-то самое живое и кровное, ведь не может же быть, чтобы здесь был только скандал, только бред, чтобы вся эта обширная секта зиждилась на одном хулиганстве!

Секты хулиганством не создашь, вообще ничего не создашь без веры, сердццебиения, и трепета. А если бы и одно хулиганство, то ведь хулиганство бывало и прежде, откуда же его внезапный союз с русской литературой и живописью, с русской передовой молодежью, с русской, наконец, интеллигенцией?

Сказав: *безумие, бред* - вы еще ничего не сказали, ибо что ни век, то и бред, и в любом общественном безумии есть своя огромная доля ума.

Где же смысл этого бессмыслия, где же логика этого бреда? Почему не вчера и не третьего дня, а именно нынче, сейчас, какая-то нечеловеческая сила заставила современных художников, выразителей наших же дум, нашего же

мироощущения, завопить сплошной "рррракаллиоон", сплошное "зю цю э спрум", возлюбить уродство, какофонию, какие-то шиши и пощечины, какие-то ослиные хвосты, сочинять стихи из одних запятых, а картины из одних только кубиков, где же, ради бога, разгадка этой странной и страшной загадки?

Здесь я говорю исключительно о кубофутуристах московских. Милые эгопоэты, петербургские гении, Игорь Северянин, Дмитрий Крючков, Вадим Шершеневич, Павел Широков, Рюрик Ивнев, Константин Олипов, конечно же, здесь ни при чем.

Они очень приятные писатели, по футуристами лишь притворяются. Рахитичные дети небывалых салонов, принцы-королевичи, здесь мы с ними должны распрощаться. Для всякого ясно, надеюсь, что это последыши вчерашних модернистов, разве что немного подсахарившие наскучивший модерн отцов. Они и сами не скрывают своей связи с модерном и любят игриво указывать, кто из них подражает Бальмонту, а кто Александру Блоку.

Скоро они сами признаются, что футуризм их игра, их бильбоке, их крокет, - и почему же в юности не шалить, не кокетничать, не сочинять манифестов и не пройтись порой на голове!

Игра оказалась во благо; мы видели, сколь плодотворны были их словесные сальто-мортале. Но теперь они все разбежались, да и будуариться, кажется, бросили; эгофутуризм уже кончился, и теперь в покинутых руинах озерзамка хозяйничает Василиск Гнедов, личность хмурая и безнадежная, нисколько не эгопоэт, в сущности, переодетый Крученых, тайный кубофутурист, бурлюкист, ничем и никак не связанный с традициями эгопоэзии.

Это очень показательно и важно, что, чуть эгофутуризм исчерпался, его пожрал, проглотил целиком кубофутуризм, бурлюкизм. Иначе и быть не могло: бурлюкисты кряжистый народ, а эгопоэты эфемерны и хрупки.

Странно, что русские критики могли эти два направления смешать и, посвятив им большие статьи, так-таки до конца не заметили, что петербургские эгофутуристы одно, а московские кубофутуристы другое. У эгофутуристов во всем, в структуре стиха, в языке и в сюжетах, - пусть и смешная! - утонченность, переизысканность, перекультурность, а кубофутуристы против чего же и ратуют!

Эти два направления полярны. Одни сжигают именно то, чему поклоняются другие.

А если случайно встречаются в них какие-нибудь общие черты, то лишь оттого, что поначалу оба эти заклятых врага нарядились в одинакие мундиры, сшитые одним и тем же портным - из Парижа и Рима, - Маринетти; казалось, что они рядовые одного и того же полка.

Снять бы с них эти чужие мундиры; каковы они окажутся без них? Об этом я теперь и хлопочу. Попытаюсь хоть отчасти вскрыть ту подлинную внутреннюю сущность, что скрывается в русском футуризме под его показными девизами.

XI

Начнем раньше всего с их языка. Попробуем, например, вчитаться хотя бы в такие речения: *фолдырь онифей, фолдырь мефи царимей, царьмафами цаларей!* Вы думаете, это Крученых? Нисколько. Это гимн, религиозный псалом карских, кажется, сектантов, прыгунов. Бегают по радельной избе и кричат до последней усталости: "*Фенте ренте финитифунт, фенте ренте финитифунт, фенте ренте финитифунт*", - пока не упадут, как полумертвые. Какая-нибудь корявая духиня Матренка подберет повыше подол, закатит глаза и, кружась в экстатическом плясе, вопит свою ритмическую чушь.

Именно о таком языке, экстазном, оргийно-бредовом и мечтают москвичи-футуристы. Всякую осмысленную речь они считают лживой и бессильной, ею все равно не передашь, что ощущает поэт, давайте же со звяком зубов прыгать, как скопцы, шелапутинцы, и в трансе, в священном безумии выкрикивать *финитифунт*. Только такими словами ты по-настоящему выразишь свою творчески мятущуюся душу! Этот язык футуристы именуют вселенским, свободным, заумным, то есть перешедшим за грани ума, и в минуты высших своих вдохновений, отвергнув всякую привычную речь, сложившуюся в тысячелетней культуре, прибегают только к нему. Крученых благоговейно цитирует сектанта хлыста Шишкова:

Насохтос лесонтос

Футр лис натруфуйтру,

и будь его воля, он, кажется, сжег бы все словари, уничтожил бы все вещи, меткие, насыщенные мыслью слова, которые в течение веков накопила мудрость человечества, и остался бы при одном *насохтосе*.

Что же! Быть может, поэзия и вправду нуждается только в таких экстатических выкриках. Разве они лишены выразительности? Разве ими не властен поэт передать свои аффекты, эмоции? Ведь и рев тоскующей коровы, и вой неврастеника-пса суть такие же заумные речи, а как проникают они в душу, - лучше всяких лиризм и поэз. "О, если б без слова сказаться душой было можно!" - вздыхал когда-то тончайший из лириков, к вот наконец совершилось: мы действительно можем без слова, одними лишь заумными воплями, излить свою душу в поэзии!

Профессор А.Л. Погодин в своей нововышедшей книге о психологических и социальных основах творчества речи указывает, что есть такая - низшая - ступень экстатического возбуждения, когда наблюдается страсть к сочинительству новых, неслыханных слов, и что эти слова у дикарских шаманов, идиотов, слабоумных, маньяков, скопцов, бегунов, прыгунов почти всегда одинаковы: отмечаются общими признаками, как и всякая заумная речь.

Жаль, что при этой оказии профессор обошел футуристов.

Но вот что главнее всего: этот заумный язык ведь, в сущности, и совсем не язык; это тот доязык, докультурный, доисторический, когда слово еще не было логосом, а человек - Homo Sapiens'ом, когда не было еще бесед, разговоров,

речей, диалогов, были только вопли и взвизги, и не странно ли, что наши будущники, стою страстно влюбленные в будущее, избрали для своей футурпоэзии самый древний из древнейших языков? Даже в языке у них то же влечение сбросить с себя всю культуру, освободиться от тысячелетней истории.

Да и темы у них, как нарочно, такие же древние, есть даже из старокиевской жизни, - ах ты, гой еси Владимир Красно Солнышко! - хотя пристало ли поэзии будущего пятиться за сюжетами к скифам, на пятнадцать столетий назад?

Не удивительно ли, что под ярлыком футуризма эти будущники печатают повесть из эпохи каменного века - об урочищах первобытных племен, об их идолах, шестоперах, жрецах!

Даже эгопоэты подсмеиваются: московская "фракция Будущего" есть "фракция Давнопрошедшего".

И это фатально, им иначе нельзя. Здесь для них неустанный магнит. Сколько бы они ни вещали, что взирают на наше ничтожество с высоты каких-то небоскребов, сколько бы они ни притворялись певцами машин, городов, афиш, аэропланов, трамваев, дредноутов, всей новой грядущей фабрично-площадной цивилизации, сколько бы они ни пели о шустовских коньячных заводах, о витринах магазинов Аванцо, об автомобильных гаражах и о газетных киосках, все это "так", для блезиру, только по долгу службы, потому что иначе нельзя, а дай им настоящую волю, так они в тот же миг ото всех небоскребов, киосков, моторов, ото всяких проблесков будущего побегут в спои пещеры на карачках - к скифским бабам, к каменному веку: сбросим же с себя наслоения тысячелетних культур!

Для футуристов итало-французских фабрики, небоскребы, вокзалы - главная суть. Они каждым нервом чувствуют, что настало новое, неслыханное, что, обмотав, как клубок, всю планету стальными нитями рельсов, одолев притяжение земли аэропланом пропеллером, победив пространство и время экспрессами, кинематографами, кабелями, мы ныне должны воспеть, конечно же, не Розу Эдема, не Лауру, не Беатриче, а керосино-калильную лампу, бензиновый мотор, туннели, "новое дрожание арсеналов и верфей; мосты, перешагнувшие чрез реки, подобно гимнастам-гигантам; фабрики, привешенные к тучам на скрученных лентах своих дымов, автомобили с цилиндрическими ящиками", и все это, конечно, превосходно, но нашим суздальским, виндаво-рыбинским, московским, где же им в Шуе, в Уфе соорудить хоть один небоскреб?

Зарядили, бедные, одно: монопланы, аэропланы, бипланы, но как равнодушно, формально, словно чужое, зауценное. Явно, пафос их жизни не здесь. Пусть они твердят без конца:

И мы желаем лучших совершенни,
Затем что есть теперь аэроплан! -

пусть даже самые поэзы свои нарекут они аэропланскими, это, повторяю, в них не главное, это даже не третьестепенное: их основа не здесь.

Отнимите от Маринетти аэропланы, моторы, авто - и от Маринетти ничего не останется. А Крученных и без мотора - Крученных. Из всех российских футуристов еле-еле нашелся один урбанист. Я, конечно, говорю о Маяковском. И, конечно, я люблю Маяковского, но (шепну по секрету!) Маяковский им чужой совершенно, он среди них случайно, и сам же Крученных не прочь порою похихикать над ним. К тому же город для него не восторг, не пьянящая радость, а распятие, голгофа, терновый венец, и каждое городское видение - для него словно гвоздь, забиваемый в сердце:

Кричу
Кирпичу,
Слов иступленных вонзаю кинжал
В неба распухшего мякоть.

Хорош урбанист, певец города, - если город для него застенки, палачество!

Я одинок, как последний глаз
У идущего к слепым человека!

Уйти бы ему отсюда - на поляны, в леса! Где же ему петь небоскребы, автомобили, тротуары, кафе, лифты, водосточные трубы! Ведь он и сам кричит среди рыданий:

"Идите голые пить на солнцепеке... Бросьте города, глупые люди!"

Для них для всех культ будущего почему-то постылая роль, которую сыграть бы поскорее, чтоб заняться любимым, своим. Футуризм для них, несомненно, чужое: они служат ему кое-как, без азарта, спустя рукава, лишь бы отмахнуться, - больше на словах, чем на деле.

Вот в альманахе "Союз молодежи", откровенно проклинают Европу, весь ее "научный аппарат" и предлагают индийскую, персидскую живопись, древнекитайскую лирику, "не знающую научной рассудочности". Это в первой книжке, а в третьей нас уже позвали в Нубию, к корявым богам-раскорякам нубийцев. Станный, согласитесь, футуризм - ассиро-вавилонно-египетский, весь устремленный к архивному древности.

Похоже, что и этот футуризм только притворился футуризмом, а на деле он что-то другое. Что? Мы сейчас увидим.

Там, в глубине, пробивается какое-то другое течение, - коренное, нутряное, "расейское", но столь мало себя осознавшее, что даже клички себе не нашло настоящей, носит покуда чужую, пробавляется чужими лозунгами и само еще не вполне догадалось, в чем его главная суть.

Это чужое, напыленное рвется, раздирается по швам, и оттуда, изнутри, из-под спуда, все чаще выглядывает нечто подлинное, столь неожиданное, не похожее ни на какой футуризм, что, я думаю, сам Маринетти ахнул бы, если б увидел.

XII

Забудем же о всяком футуризме. Ясно, что наш футуризм, в сущности, есть антифутуризм. Он, не только не стремится вместе с нами на верхнюю ступень какого-то неотвратимого будущего, но рад бы сломать и всю лестницу. Все сломать, все уничтожить, разрушить и самому погибнуть под осколками - такова его, по-видимому, миссия.

Но я должен рассказать по порядку.

Русскому (московскому) футуризму три года. Он начался накануне войны очень мило, как-то даже застенчиво, даже, пожалуй, с улыбочкой, хоть и с вызовом, но с таким учтивым, что всем было весело и никому не обидно.

В 1910 году в несуразном альманахе "Студия" некто никому неизвестный напечатал такие стихи:

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами, что смеяются смеяльно,
О, засмейтесь, усмеяльно!
О, рассмейся надсмеяльно, - смех усмейных смехачей,
О, иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!
Смейево, смейево,
Усмей, осмей, смешики, смешики,
Смеюнчики, смеюнчики,
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!

Смехачи, действительно, смеялись, но, помню, я читал и восхищался. И ведь действительно прелесть. Как щебра и чарующе-сладостна наша славянская речь!

Иной, прочитав эти строки, станет допытываться, какое же в них содержание, что же они, в сущности, значат. А что, по-вашему, значит изумрудно-золотой узор на изумительном павлиньем хвосте? Или журчанье лесного ручья?

Ведь сколько раз наши поэтики из себя выходили, божились, что смысл поэзии будто ничто, а главное будто бы - словесная магия, обаяние напевов и звуков, однако никто не додумался до таких смехачей и смехунчиков! "О, иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей", - в самом деле, вы только подумайте, сколько лет, сколько веков, тысячелетий поэзия была в плену у разума, у психологии, у логики, слово было в рабстве у мысли, и вот явился рыцарь, меченосец, герой, Виктор Хлебников и без всякого Крестового похода, мирно и даже с улыбочкой, разрушил эти вековые оковы, прогнал от красавицы Поэзии ее пленителя Кашея - Разум.

"О, рассмейся надсмеяльно смех усмейных смехачей!" Ведь слово отныне свободно, можете с ним делать, что хотите, хоть венки из него сплетайте, словесные гирлянды, букеты, - о, как упивался Хлебников этой новой свободой слова в первые медовые дни после тысячелетнего плена, какие создавал он узоры, орнаменты из этих вольных, самоцветных слов!

Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лиээай пелся облик.

Слушаешь, бывало, упиваешься. И вправду, до чего грациозно. Если на клочке полотна в каком-нибудь живописном этюде для нас так восхитительны краски, что мы и не замечаем сюжета, то почему же не восхищаться такою же словесною живописью, хотя бы и бессюжетною, хотя бы только орнаментальною.

Смехунчики еще и тем хороши, что, не стесняемый оковами разума, я могу по капризу окрашивать их в какую хочу окраску. Я могу читать их зловеще, и тогда они внушают мне жуть, я могу читать их лихо-весело, тогда мне чудится, что пасха, весна и что мне четырнадцать лет. Тогда смехунчики, смешики - как весенние воробушки, как бегущие малые тучки. Нет, действительно, без разума легче, да здравствует заумный язык, автономное, свободное слово!

"Уничтожим же устаревшее движение мысли по закону причинности, беззубый здравый смысл, симметричную логику!" - так постановили футуристы на последнем своем съезде в Финляндии.

Разум свергнут, весь мир безразумен, но, конечно, им и этого мало. Свобода - так свобода до конца! Рушить - так рушить!

Неужели, свергнув иго Разума, мы останемся в оковах Красоты? Не свергнуть ли и красоту заодно? Довольно над нами владычествовали Петрарки, Бетховены, Рембрандты! Красота поработила весь мир, и Крученных-первый поэт, спасший нас от ее вековечного гнета.

Оттого-то корявость, шершавость, слюнявость, кривоножие, заикание, смрад так для него притягательны, и в последней своей поэме он поет собачью конуру, где грязный блохастый пес давит губами насекомых, - именно в виде протеста против наших эстетических уставов! Ему и смехунчики гадки, ведь и в них еще осталась красота. *Смехунчики* есть бунт лишь против разума, а *дыр бул цыл зю цю э спрум* есть бунт и против разума, и против красоты. Здесь высшее освобождение искусства.

Прежние поэты, например, так любили воспевать луну и звезды, "звезды ясные, звезды прекрасные", "огненные розы мироздания", - и что делал бы Фет без звезд! Бурлюки же именно поэтому: к черту звезды, к черту небеса!

Небо - труп!! не больше!
Звезды - черви, пыльные туманом...
Небо - смрадный труп!!
Звезды - черви (гнилая, живая) сыпь! -

воскликает Давид Бурлюк в своей книге "Дохлая луна", и огромная область эстетики тем самым уничтожена, зачеркнута. Но, изъяв из поэзии разум, отняв у нее красоту, они пошли по этой дороге и дальше. Как бы еще оголиться, что еще с, себя такое сбросить, чтобы уже ничего не осталось: только бы на голой земле голые с голыми душами!

Какой-то желторотый было выкрикнул:

- Во имя свободы личного случая мы отрицаем правописание!

А другой подхватил нерешительно:

- Нами уничтожены знаки препинания!

Но знаки препинания пустяки, тут только что разбунтовались, разошлись, хочется еще и еще. Накинулись всей оравой на Пушкина:

- Пушкин непонятнее иероглифов!

- Зачем Пушкин не сжег Онегина!

- Пушкин был ниже Тредьяковского!

- Сбросим Пушкина с Парохода Современности!

И даже Игорь Северянин вместе с ними:

- Для нас Державиным стал Пушкин!

Но у Северянина это блажь, модный галстучек, да и как же Северянину без Пушкина? Поминутно цитирует Пушкина, выбирает эпиграфы из Пушкина и даже пишет стихи под Пушкина, а кубофутуристы и вправду: сбросить, растоптать, уничтожить:

- Сбросить Достоевского, Толстого, чтоб они не портили нам воздух! - выкрикнул недавно Крученых.

- Я тоскую по большому костру из книг! - пишет меланхолически Хлебников.

И характерно: когда Василиск Гнедов на минуту, по какому-то капризу, стал писать внезапно по-украински, он и там закричал: долой!

Перша эгофутурня пісня

На українській мові:

Усім набридли Тарас Шевченко

Та гопашник Кропівницькій -

то есть всем надоел и величайший поэт, и величайший актер Украины. Какой ни коснутся культуры, всякую норвят уничтожить.

Вот оно - то настоящее, то единственно подлинное, что так глубоко таилось у них подо всеми их манифестами, декларациями, заповедями: сбросить, растоптать, уничтожить!

Разве здесь не величайший бунт против всех наших святынь и ценностей? Тут бунт ради бунта, тут восторг разрушения, и уж им не остановиться никак. Так и озираются по сторонам, что бы им еще ниспровергнуть. Всю культуру рассыпали в пыль, все наслоения веков, и уже до того добунтовались, что, кажется, дальше и некуда, - до дыры, до пустоты, до нуля, до полного и абсолютного nihil, до той знаменитой поэмы знаменитого Василиска Гнедова, где нет ни единой строки: белоснежно чистый лист бумаги, на котором ничего не написано!

Вот воистину последнее освобождение, последнее оголение души. Это бунт против всего без изъятия, нигилистический, анархический бунт, вечная наша нечаевщина, и это совершенная случайность, что теперь она прикрылась футуризмом.

Не нужно нам никаких Маринетти, у нас и своих избыточно, - сарынь на кичку, трабабахнем, сожжем! Маринетти еще не родился, а уж Савва Леонида Андреева на Волге, на Урале восклицал:

"Уничтожить все... старые дома, старые города, старую литературу, старое искусство... Третьяковская галерея и другие, поважнее которые.. Нужно, чтобы теперешний человек голый остался на голой земле. Нужно оголить землю... Мы сделаем хороший костерчик и польем его керосином...!"

Вот где истинный духовный отец российского квазифутуризма. Тут тот же порыв, тот же пафос! наконец-то мы набрали на ту настоящую сущность, что скрывается в этом течении, какими бы посторонними лозунгами ни пыталось оно прикрываться.

Италии как ей не кричать: к черту Данте, к черту Рафаэля! Ведь из-за своих грандиозных покойников она чуть не вся превратилась в музей, ведь этими тяжелыми музейными ценностями придавлено в ней молодое растущее, ведь ей словно кто запретил жить настоящим и будущим, а дозволил только прошедшее.

Она хочет быть юной невестой, а должна быть траурной вдовой. Как же ей иной раз и не проклясть своих роковых мертвецов!

Но мы, новорожденные, когда же мы успели изведать эту тиранию прошедшего, этот гнет преданий и предков? Ведь только что начали снова и снова завязываться слабенькие узелочки культуры, какие-то законы, каноны, уставы, как вот уже рывкнула дикарская глотка: сарынь на кичку, трабабахнем, сожжем!..

Но все же хоть и голая, хоть нищая, а осталась же у них душа! Все же хоть заумным языком, хоть хрюканьем, хоть храпом, а могут же они ее излить пред такими же оголтелыми, как сами! Пусть они отказались от разума, пусть им не

нужна красота, но эмоции, хоть и пещерно-звериные, все же им, надеюсь, доступны, - слепые, безразумные движения слепой, безразумной души!

Но к тому-то я теперь и веду, что в своем зловещем порыве к нулю, к пустоте эти бедные поэты-взорвалисты - не только задушевное, душевное, но и самую душу истребили, убили вконец. Психика, психея, психология - то, что чувствуется сердцем в каждой убогой царапине на какой-нибудь свайной постройке, - впервые за тысячи веков уничтожена, отвергнута ими. Дыра так уже дыра, - прорва прорвой!

"Тайны души не для нас, - гордо похваляются они. - К черту человеческую душу! Мы прогнали Психею прочь, она захватана, затаскана другими, она уже умерла в одиночестве, без Психеи нам гораздо привольнее!" (Ср. "Слово как таковое", стр. 11.)

И вот без души, оскопленные, без красоты, без мысли, без любви - с одним только нулем, с пустотой - сидят в какой-то бездонной дыре и онанируют заумными словами:

"Кукси кум мук и скук!..."

"Мороватень Широка... Виноватень Великан!"

Свободны, как никто во всем мире, но спрашивается, почему же они плачут? А они все до единого плачут. Или и вправду так жутко жить дырою, нулем, пустотой? И вправду разве невозможно нигилизмом питать человеческий дух? Будь хоть Смердяков, хоть Передонов, а секундочки не проживешь лишь одним наплевать! Всмотритесь в этих крикунов, бунтарей, взорвалистов, ведь как бы они ни форсали, какая страшная бездонная тоска слышится в их гиканье и свисте. Жутко им нагишом, обездушенным! Мы видели, как угрюм и коричнево-скупчен Крученных. Я попробовал было читать Бурлюков: плакальщики, самоубийцы, могильщики, Так и зарябило в глазах.

"Мы изнеможенные, оцепенелые!

Я вялый и ничтожный!"

"Отравленная скука", "вялый, тусклый, скучный ум", "серое, дождливое утро", "чахлая гвоздика", "завянувший цветок", "увядающая зелень"...

Это серое небо -

Кому оно нужно?

Осеннее небо

Старо и недужно! -

таковы преобладающие образы у этих громил-разрушителей, образы увядания, усталости, умирания, скуки.

Нигилизм отчаянной удали всегда есть нигилизм отчаянной усталости, и прислушайтесь: за всеми их бунтарскими ревами вы услышите тихие, старые, вечные русские жалобы:

Затянулось небо парусиной.

Сеет долгий дождик.

Пахнет мокрой псиной.

Нудно. Ох, как одиноко - нудно

Серо, бесконечно серо...,

На другом окошке дремлет

Одинокая, как я,

Сука старая моя.

Сука - "Скука".

Это напечатано в первом же футуристическом сборнике, в знаменитом "Садке судей", и не правда ли, это - коренное, родное, решительно ни у кого не заимствованное!

С какой же предсмертной тоской, с безнадежной унылостью творят они свое страшное дело, и, конечно, только из жалости мы можем называть их футуристами.

XIII

Моя статья растрепалась, постараюсь ее сконцентрировать хоть в нескольких последних строках. Ее главная мысль такая: если позабыть о Северянце и вообще о всех петербургских эгопоэтах, которые с этим новым течением связаны чисто внешне, в качестве последышей символизма, то мы придем к убеждению, что в российской футурпоззии наблюдаются три тенденции.

Первая - к урбанизму, к той могучей машинно-технической, индустриально-промышленной культуре, которая, изменив человеческий быт, захватывает понемногу всю вселенную. Это направление не новое: на Западе ему уже за семьдесят, да и у нас модернисты, особенно Валерий Брюсов, так полно и богато отразили его в своих урбанистических стихах, издавна воспевая автомобили, трамваи, рестораны, электричество, аэропланы.

Вторая тенденция - с первого взгляда есть тенденция противоположная, несовместимая с первой: к отказу от культуры, к пещерности, троглодитству, звериности. Но, конечно, их противоречие - иллюзия: они обе лишь дополняют друг дружку, и одна без другой невозможны.

Именно машинно-технический быт, покоряя нас все больше и больше, побуждает нас бежать от него.

Чем больше человечество будет идти к небоскребам, тем страстнее в нем будет мечта о пещерах. Значит, мы и вправду шагаем куда-то вперед, если вот нас зовут назад! В железобетонный век так естественны грезы о каменном. Обе эти тенденции присущи теперь всей мировой литературе. Вспомним Кнута Гамсуна, Киплинга, Джека Лондона, Сэттона Томсона, Октава Мирбо и прочих всемирных певцов первобытного, звериного, дикого. Но третья тенденция - самобытная, наша, и больше ничья, и ее-то я стремился здесь выявить. Это воля к анархии, к бунту, к разрушению всех канонов и ценностей - воля слепая, стихийная, почти бессознательная, но тем-то наиболее могучая. словно все бунтарские силы, которые нынче есть в каждом из нас, долго искали исход, и вот наконец прорвались - в невиннейшем литературном течении, которому органически чужды. Страна, где последний забулдыжный пропойца, что лежит в канавной крапиве, и первый государственный муж исповедуют единое credo, единый девиз: "наплевать!" - не могла не породить Крученых...

И все эти тенденции осуществляются под знаком будущего. Будущее, будущее, - это у них как психоз; непременно стать небывальными, новыми, пусть и плохими, но будущими, словно будущее само по себе, будущее как самоцель, может служить мерилем наших духовных ценностей. Конечно, этот культ новизны объясняется тем же бешеным темпом тротуарной мелькающей жизни, но, за исключением робких куплетцев все о тех же моторах, аэропланах, витринах, - что же истинно нового, будущего таит в себе русский футуризм? Ничего, ни единой черты. Как они ни гнались за будущим, будущее ускользнуло от них. И когда я всматриваюсь в этих новаторов, в их надрывную нервическую скачку за какой-то завтрашней секундой, - хотя секунда есть только секунда, - мелькнула, и вот ее нет! - я вспоминаю другого поэта, любимого моего Уолта Уитмена, библейски величавого барда, циклопического старца-пророка, который много десятилетий назад сподобился встать пред миром, как первый поэт-футурист, первый предвестник грядущего, - не грядущих секунд, а веков! - и отпечатлел в своем творчестве молитвы, чаяния, страсти и верования будущей неотвратимой эпохи, воплотив ее всю в изумительном единственном слове, о котором почему-то позабыли наши эго- и кубопэты, - в титаническом слове: демократия. Демократия! только в ней наш удел, только в ней наше неизбежное будущее, наш истинный футуристический быт.

Но, конечно, его футуризм возник не в шелковой Желтой гостинной, а в сутолоке демократических толп, где нет ни озерамков, ни бриллиантовых тронов, ни виконтесс-кокотесс!

Николай Гумилёв

Наследие символизма и акмеизм

Для внимательного читателя ясно, что символизм закончил свой круг развития и теперь падает. И то, что символические произведения уже почти не появляются, а если и появляются, то крайне слабые, даже с точки зрения символизма, и то, что все чаще и чаще раздаются голоса в пользу пересмотра еще так недавно бесспорных ценностей и репутаций, и то, что появились футуристы, эго-футуристы и прочие гиены всегда следующие за львом.* На смену символизма идет новое направление, как бы оно ни называлось, — акмеизм ли (от слова *ἀκμή* — высшая степень чего-либо, цвет, цветущая пора), или адамизм (мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь), — во всяком случае, требующее большего равновесия сил и более точного знания отношений между субъектом и объектом, чем то было в символизме. Однако, чтобы это течение утвердило себя во всей полноте и явилось достойным преемником предшествующего, надо, чтобы оно приняло его наследство и ответило на все поставленные им вопросы. Слава предков обязывает, а символизм был достойным отцом.

Французский символизм, родоначальник всего символизма, как школы, выдвинул на передний план чисто литературные задачи, свободный стих, более своеобразный и зыбкий слог, метафору, вознесенную превыше всего, и пресловутую «теорию соответствий». Последнее выдает с головой его не романскую и следовательно не национальную, наносную почву. Романский дух слишком любит стихию света, разделяющего предметы, четко вырисовывающего линию; эта же символическая слиянность всех образов и вещей, изменчивость их облика, могла родиться только в туманной мгле германских лесов. Мистик сказал бы, что символизм во Франции был прямым последствием Седана. Но, наряду с этим, он вскрыл во французской литературе аристократическую жажду редкого и труднодостижимого и таким образом спас ее от угрожавшего ей вульгарного натурализма.

Мы, русские, не можем не считаться с французским символизмом, хотя бы уже потому, что новое течение, о котором я говорил выше, отдает решительное предпочтение романскому духу перед германским. Подобно тому, как французы искали новый, более свободный стих, акмеисты стремятся разбивать оковы метра пропуском слогов, более, чем когда либо, вольной перестановкой ударений, и уже есть стихотворения, написанные по вновь продуманной силлабической системе стихосложения. Головокружительность символических метафор приучила их к смелым поворотам мысли; зыбкость слов, к которым они прислушались, побудила искать в живой народной речи новых — с более устойчивым содержанием; и светлая ирония, не подрывающая корней нашей веры, — ирония, которая не могла не проявляться хоть

изредка у романских писателей, — стала теперь на место той безнадежной немецкой серьезности, которую так возлелеяли наши символисты. Наконец, высоко ценя символистов за то, что они указали нам на значение в искусстве символа, мы не согласны приносить ему в жертву прочих способов поэтического воздействия и ищем их полной согласованности. Этим мы отвечаем на вопрос о сравнительной «прекрасной трудности» двух течений: акмеистом труднее быть, чем символистом, как труднее построить собор, чем башню. А один из принципов нового направления — всегда идти по линии наибольшего сопротивления.

Германский символизм в лице своих родоначальников Ницше и Ибсена выдвигал вопрос о роли человека в мироздании, индивидуума в обществе и разрешал его, находя какую-нибудь объективную цель или догмат, которым должно было служить. В этом сказывалось, что германский символизм не чувствует самоценности каждого явления, не нуждающейся ни в каком оправдании извне. Для нас иерархия в мире явлений — только удельный вес каждого из них, причем вес ничтожнейшего все-таки несоизмеримо больше отсутствия веса, небытия, и поэтому перед лицом небытия — все явления братья.

Мы не решились бы заставить атом поклоняться Богу, если бы это не было в его природе. Но, ощущая себя явлениями среди явлений, мы становимся причастны мировому ритму, принимаем все воздействия на нас и в свою очередь воздействуем сами. Наш долг, наша воля, наше счастье и наша трагедия — ежечасно угадывать то, чем будет следующий час для нас, для нашего дела, для всего мира, и торопить его приближение. И как высшая награда, ни на миг не останавливая нашего внимания, грезится нам образ последнего часа, который не наступит никогда. Бунтовать же во имя иных условий бытия здесь, где есть смерть, так же странно, как узнику ломать стену, когда перед ним — открытая дверь. Здесь этика становится эстетикой, расширяясь до области последней. Здесь индивидуализм в высшем своем напряжении творит общественность. Здесь Бог становится Богом Живым, потому что человек почувствовал себя достойным такого Бога. Здесь смерть — занавес, отделяющий нас, актеров, от зрителей, и во вдохновении игры мы презираем трусливое заглядывание — что же будет дальше? Как адамысты, мы немного лесные звери и во всяком случае не отдадим того, что в нас есть звериного, в обмен на неврастению. Но тут время говорить русскому символизму.

Русский символизм направил свои главные силы в область неведомого. Попеременно он брался то с мистикой, то с теософией, то с оккультизмом. Некоторые его искания в этом направлении почти приближались к созданию мифа. И он вправе спросить идущее ему на смену течение, только ли звериными добродетелями оно может похвастать, и какое у него отношение к непознаваемому. Первое, что на такой допрос может ответить акмеизм, будет указанием на то, что непознаваемое, по самому смыслу этого слова, нельзя познать. Второе — что все попытки в этом направлении — нецеломудренны. Вся красота, все священное значение звезд в том, что они бесконечно далеки от земли и ни с какими успехами авиации не станут ближе. Бедность воображения обнаружит тот, кто эволюцию личности будет представлять себе всегда в условиях времени и пространства. Как можем мы вспоминать наши прежние существования (если это не явно литературный прием), когда мы были в бездне, где мириады иных возможностей бытия, о которых мы ничего не знаем, кроме того, что они существуют? Ведь каждая из них отрицается нашим бытием и в свою очередь отрицает его. Детски-мудрое, до боли сладкое ощущение собственного незнания, — вот то, что нам дает неведомое. Франсуа Виллон, спрашивая, где теперь прекраснейшие дамы древности, отвечает сам себе горестным восклицанием:

...Mais ou sont les neiges d'antani

И это сильнее дает нам почувствовать нездешнее, чем целые томы рассуждений, на какой стороне луны находятся души усопших... Всегда помнить о непознаваемом, но не оскорблять своей мысли о нем более или менее вероятными догадками — вот принцип акмеизма. Это не значит, чтобы он отвергал для себя право изображать душу в те моменты, когда она дрожит, приближаясь к иному; но тогда она должна только содрогаться. Разумеется, познание Бога, прекрасная дама Теология, останется на своем престоле, но ни ее низводить до степени литературы, ни литературу поднимать в ее алмазный холод акмеисты не хотят. Что же касается ангелов, демонов, стихийных и прочих духов, то они входят в состав материала художника и не должны больше земной тяжестью перевешивать другие взятые им образы.

Всякое направление испытывает влюбленность к тем или иным творцам и эпохам. Дорогие могилы связывают людей больше всего. В кругах, близких к акмеизму, чаще всего произносятся имена Шекспира, Рабле, Виллона и Теофиля Готье. Подбор этих имен не произволен. Каждое из них — краеугольный камень Для здания акмеизма, высокое напряжение той или иной его стихии. Шекспир показал нам внутренний мир человека; Рабле — тело и его радости, мудрую физиологичность; Виллон поведал нам о жизни, нимало не сомневающейся в самой себе, хотя знающей все, — и Бога, и порок, и смерть, и бессмертие; Теофиль Готье для этой жизни нашел в искусстве достойные одежды безупречных форм. Соединить в себе эти четыре момента — вот та мечта, которая объединяет сейчас между собою людей, так смело назвавших себя акмеистами.

• Пусть не подумает читатель, что этой фразой я ставлю крест над всеми крайними устремлениями современного искусства. В одной из ближних книжек «Аполлона» их разбору и оценке будет посвящена особая статья.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАНИФЕСТ ФУТУРИСТОВ

ПОЩЕЧИНА ОБЩЕСТВЕННОМУ ВКУСУ

Текст приведен по книге Соколов А.Г., Михайлова М.В. "Русская литературная критика конца XIX - начала XX века: Хрестоматия." - М.: Высшая школа, 1982.

Нумерация страниц соответствует указанному изданию.

Читающим наше Новое Первое Неожиданное.

Только мы — лицо нашего Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве.

Прошлое тесно. Академия и Пушкин — непонятнее гиероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч., и проч., с парохода современности.

Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней. Кто же, доверчивый, обратит последнюю Любовь

- 347 -

к парфюмерному блюду Бальмонта? В ней ли отражения мужественной души сегодняшнего дня? Кто же, трусливый, устрашится стащить бумажные латы с черного фрака воина Брюсова?

Или на них зори неведомых красот?

Вымойте ваши руки, прикасавшиеся к грязной слизи книг, написанных этими бесчисленными Леонидами Андреевыми. Всем этим Максимумам Горьким, Куприным, Блокам, Сологубам, Ремизовым, Аверченко, Черным, Кузьминым, Буниным и проч., и проч. — нужна лишь дача на реке. Такую награду дает судьба портным.

С высоты небоскребов мызираем на их ничтожество!..

Мы приказываем чтить права поэтов:

1. — На увеличение словаря поэта в его объеме произвольными и производными словами (слово — новшество).

2. — Непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку.

3. — С ужасом отстранять от гордого чела своего, из банных веников сделанный вами, Венок грошевой славы.

4. — Стоять на глыбе слова "мы" среди моря свиста и негодования.

И если пока еще и в наших строках остались грязные клейма ваших "Здравого смысла" и "хорошего вкуса", то все же на них уже трепещут впервые Зарницы Новой Грядущей Красоты Самоценного (самовитого) Слова.

Москва. 1912 г. Декабрь.

*Д. Бурлюк. Александр Крученых.
В. Маяковский. Виктор Хлебников.*

Пощечина общественному вкусу,
изд. Кузьмина.